

Павел Митюшёв

М-ОСТРОВ

**Главы 9-11.
Приближение**

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1
М67

М67   **Митюшёв П.В.**
М-остров. Главы 9-11 (Приближение). – М.: Мибук, 2017. – 209 с.: ил.

Книга «М-остров» – это головокружительный гео-исторический квест, построенный целиком на документальной базе. В главах 9, 10 и 11 читатель найдёт продолжение истории «особых точек» Новой Земли. Для нормальных людей с реальными проблемами.

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ:

М-остров

(ЗЕМЛЯ)

1. Точка входа
2. Краткий обзор истории открытия и исследования Новой Земли
3. Москва

(КЛАСТЕР)

4. Топонимический кластер
5. Шар
6. Лоция Мерша
7. Динамическая модель шара

(ТРАЕКТОРИЯ)

8. Простая линия в нелинейном пространстве

(ПРИБЛИЖЕНИЕ)

- ▶ 9. Земля после синдрома
- ▶ 10. Пылинка
- ▶ 11. Молодые львы

(АКТИВАЦИЯ)

12. Бабочка
13. Как метеоролог пытался страну спасти
14. Активация

(ПОЛЕ)

15. Теория понятийного поля
16. Лирика

(ОКЕАН)

17. Подводная часть айсберга
18. Исходная точка

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ 9-11:

9. Земля после синдрома	6
Across the Universe	6
Новая Шамбала	14
Точка роста	23
Исходник	23
Обыкновенная история	25
Линия отрыва	28
Механика озарений	37
Сила отдачи	41
Прямые следствия	45
Впечатление	48
Искушение	56
 10. Пылинка	 71
Чёрный свет	71
Полное-Частное-Кольцевое	71
Наблюдатели	74
Последействие	78
Бегство	80
Сила притяжения	83
Камень	85
Двойной пик: небо	87
Двойной пик: земля	98
Связь	105
Знак	110
Daß die	112
Игра	112
Уравнение открытия	112
Нелинейный член	115
Затмение-2	116
Конкурент	117
Чего мы не узнали	117
Ганский-Эйнштейн	118
Параману-йога	119
Запасной сценарий	123
Что известно	126
И что?	127
Непроявленная реальность	128
Царевна Лебедь	132
Последнее слово	138

11. Молодые ль вы	139
Ситуационное поле	139
Пробный элемент	142
Лингвист	146
Студент	151
Смутьян	154
Блуждающие скалы	159
Шварки клуш	161
Un excursion	166
Станция	173
Новой Земли много не бывает	176
О всё выдавшем	179
Невеста	184
Чай	186
Былина	198
«Кореньица»	201
Петля времени	205

9. Земля после синдрома

Across the Universe (1875) – Новая Шамбала (1888) – Точка роста (1889) – Впечатление (1894) – Искушение (1900)

1875: Across the Universe

Прошное лето выдалось холодным. А в нынешнем – море расчистилось рано. Так что уже 7 июля 1875 небольшой шведский корабль прошёл в нескольких милях от горы Митюшёв Камень и встал на якорь в западном устье пролива М-шар. Случилось это через два года после публикации Достоевским рассказа о видении Града Небесного над этой самой горой.

Это стало началом первой из трёх экспедиций, которые четыре года спустя закончились совершенно невероятным свершением, разом осуществившим трёхсотлетнюю мечту человечества. Северо-Восточный Проход впервые в истории был пройден (1879). И сделал это шведский учёный и первопроходец Адольф Норденшёльд (Adolf Nordenskiöld).

Все предшествовавшие этому 326 лет своей истории человечество догадывалось, что это сделать можно. А Норденшёльд просто взял и сделал.

Летом 1878 года, на парусно-паровом судне «Вега», он в третий раз подряд отплыл от Нордкапа на восток по Ледовитому океану. Первые два раза (1875 и 1876) ему удавалось дойти только до устья Енисея, что само по себе уже было большим достижением.

Судьба, как известно, любит не столько «троицу», сколько собственную иронию. Плавание вдоль северного берега Евразии шло исключительно успешно. В сентябре 1878 года «Вега» находилась уже у самого Берингова пролива. Будучи всего в нескольких часах плавания от места выхода в Тихий океан, «Вега» сделала маленькую техническую остановку. Когда спустя час капитан Паландер («Что вы нашли, господин Паландер?») дал команду к отплытию, оказалось, что лёд у бортов уже схватился.

Двинуться дальше «Вега» смогла только десять месяцев спустя.

Но шведский характер воспринял это совершенно хладнокровно. Нет худа без добра, появилось время обработать научные материалы и написать начало книги (которая неизвестно пока было, будет ли иметь предмет для своего написания).

В июле следующего года лёд отпустил – и «Вега» как ни в чём ни бывало прошла в Тихий океан Беринговым проливом, посетила оба его берега и спокойно

двинулась дальше вокруг Евразии – благо Суэцкий канал уже 10 лет как функционировал.

По пути была сделана длительная остановка в Японии, в Йокогаме – что стало, судя по книге Норденшёльда, самым ярким для него впечатлением от всего путешествия. Многие и многие страницы посвящены у него кимоно, суши и театру «Кабуки», что смотрится несколько непривычно в отчёте о полярной экспедиции.

А в январе 1880 «Вега» бросила якорь у Стокгольмского пирса.

То, как мир воспринял это свершение Норденшёльда, трудно себе даже вообразить. Так не встречали покорителей Эвереста, так не встречали космонавтов.

Книга Норденшёльда (которая к завершению плавания была уже наполовину готова) на несколько следующих лет сделалась абсолютным хитом продаж. Русский её перевод вышел в том же 1880-м году. К десятилетнему юбилею экспедиции вторая волна публикаций взметнулась с новой силой. Каждая деталь путешествия рассматривалась публикой буквально под микроскопом.

При этом роль Новой Земли во всех трёх экспедициях Норденшёльда заслуживает того, чтобы сказать о ней отдельно.

Не являлась сама по себе целью этих экспедиций, Новая Земля привлекала тем не менее более чем пристальное внимание Норденшёльда – как возможно самое серьёзное на всём пути препятствие. Все три раза исходно планировалось обходить её с севера, и все три раза план по ходу дела менялся.

Так, в 1875-м корабль Норденшёльда целую неделю простоял в западном устье М-шара, после чего вернулся обратно в Баренцево море, и, не рискнув идти на север, пошёл на юг. На обратном пути экспедиция прошла через М-шар беспрепятственно.

В 1876-м Норденшёльд сразу направился к устью М-шара, планируя попробовать идти отсюда всё-таки на север – но не стал рисковать и прошёл в Карское море через пролив, а потом точно так же вернулся назад.

В 1878-м «Вега» вышла к берегу Новой Земли у Южного её острова – имея опять-таки ввиду идти затем на север – но по факту снова пошла южным путём.

Во всём этом налицо явное противостояние исходного устремления Норденшёльда и некой высшей воли, определявшей в результате реальный ход событий.

И тут обращает на себя внимание одна деталь. Точнее – демонстративное отсутствие одной детали.

Из отчётов Норденшёльда хорошо видно, что ряд ключевых моментов его экспедиций был так или иначе связан с Митюшёвым Камнем. И при этом ни сам Камень, ни близлежащий остров Норденшёльд ни под каким предлогом не упоминает, как будто это для него некое табу. Вот лишь несколько примеров.

При том, что скопления льда именно у Митюшёва Камня не дали Норденшёльду в июне 1875 пройти на север – об этом он предпочитает не распространяться, а

лишь уклончиво пишет: «...около залива Серебряного <...> громадные массы наносного льда и т.п.» («Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 1876 годов», СПб., 1880, с. 23).

Или – при том, что в 1876 корабль Норденшёльда от самого Нордкапа шёл прямым курсом точно на Камень (согласно карте плавания) – в отчёте как ориентир указана более низкая гора Первоусмотренная, лежащая к тому же заметно в стороне («Тогда мы направились к Первоусмотренной», с. 125).

Или вот – 29 июля 1876 в непосредственной близости от Митюшёва Камня путешественников неожиданно накрывает густой туман, не позволяющий идти намеченным курсом, что должно было быть воспринято, как предупреждение. И опять – о Камне, около которого всё это происходит, Норденшёльд не обмолвливается ни единым словом («Но вскоре затем нас задержал в течение нескольких часов густой туман, только 30 числа рассеявшийся настолько, чтобы позволить нам...», с. 126).

Или – на карте Норденшёльда достаточно подробно нанесён остров, лежащий прямо напротив Камня – но при этом он как бы «случайно» оставлен без названия.

Или – 11 сентября 1875, при выходе из западного устья М-шара на обратном пути, корабль экспедиции сильно и необъяснимо отклоняется в сторону Камня, словно притянутый им, как магнитом (см. карту). В журнале плавания об этом нет, разумеется, ни слова.

[Илл. 09-01-01-1. Карта плаваний Норденшёльда в 1875 и 1876 годах к устьям Енисея.]

[Илл. 09-01-01-2. Там же. Фрагмент. Траектории плаваний Норденшёльда в районе М-шара.]

К этому ко всему достаточно плотно примыкает факт пристального внимания Норденшёльда к легенде о находящемся где-то здесь огромном «самосияющем камне» Чиракина, которую Норденшёльд, несмотря на весь свой скептический скандинавский ум, выказывая удивительную осведомлённость постоянно держит, оказывается, в этом самом уме:

Зачастую попадались жилы кварца <...> с кристаллами, блеск которых подал повод к рассказам <...> Чиракина, утверждавшего, что он видел здесь самые редкие и самые драгоценные камни. В этих рассказах его <...> упрекал <...> Розмыслов, который позднее являлся сюда на розыски мнимых сокровищ. (с. 127)

Всё это – классический случай «динамического вытеснения» ключевого объекта. В известном рассказе Борхеса суть этого явления показана предельно наглядно. Внешняя интрига рассказа состоит в том, что одно важное событие Первой мировой войны (сражение во Франции у Сер-Монтобана и Альбера, в июле 1916), имело кроме внешней – ещё и другую, скрытую причину. Внутреннюю же интригу рассказа я раскрывать не буду.

Итак:

– Я знаю, что ни одна из проблем не волновала и не мучила Цюй Пэна так, как неисчерпаемая проблема времени. И что же? Это единственная проблема, не упомянутая им на страницах его «Сада расходящихся тропок». Он даже ни разу не употребляет слово «время». Как вы объясните это упорное замалчивание?

Я предложил несколько гипотез – все до одной неубедительные. Мы взялись обсуждать их; наконец Стивен Альбер спросил:

– Какое единственное слово недопустимо в шараде с ключевым словом «шахматы»?

Я секунду подумал и сказал:

– Слово «шахматы».

– Именно, – подхватил Альбер. – «Сад расходящихся тропок» и есть грандиозная шарада, притча, ключ к которой – время; эта скрытая причина и запрещает о нём упоминать.

(Борхес, «Сад расходящихся тропок»)

Когда я впервые читал этот рассказ, и Сер-Монтобан, и Альбер представлялись мне бесконечно далёкой историко-географической экзотикой. Тогда я ещё не знал, что родной брат моего деда, Фёдор Васильевич Евдокимов («дядя Федя»), участвовал именно в этом месте в боях в составе Русского экспедиционного корпуса. Есть его фотографии: сентябрь 1916, Мармелон, во французской каске и с противогазом; год спустя – Ницца, с Марией Мусиной-Пушкиной, дворик гостиницы «Rodnoï Ougol» («Родной угол»), на излечении; ещё через год – на острове Иль-д'Экс, хранящем последний отпечаток ноги Наполеона на земле Франции. Жалко, что нет его фотографий с прапорщиком Николаем Гумилёвым, с которым он должен был пересекаться по службе 14-20 августа 1917 в департаментах Крёз и Жиронда.

Так вот, Норденшёльд. Похоже, что в 1875-76 он ощущал на себе действие двух противоположно направленных сил, исходящих от Камня. Он чувствовал идущую от него опасность, но в то же время его к нему неумолимо влекло. Маршруты экспедиций Норденшёльда, нанесённые на карту, полностью укладываются в одну фразу: «Все пути ведут к Камню».

Через 17 лет после своего триумфального возвращения из плавания вокруг Евразии, Норденшёльд всё-таки встретится с Камнем. Но подойдёт он к нему уже совсем с другой стороны.

Как у истинно эпического героя, жизнь Норденшёльда чётко делится на три практически несмешивающихся периода. Первые 25 лет он – Ученик, он как губка впитывает в себя все знания человечества (1832-1857: классы, преподаватели, зачёты, конспекты, библиотеки, курсовые, диссертации, коллоквиумы).

Следующие 25 лет он – Открыватель, он безостановочно бороздит полярные моря (1858-1883: бушприты, торосы, ледники, бураны, нарты, обморожения, Шпицберген, Новая Земля, Гренландия).

И, наконец, следующие 20 лет он – Хранитель, он собирает и публикует редчайшие географические карты. Собранная Норденшёльдом коллекция карт признана сейчас мировым культурным достоянием.

Одна только эта его коллекция могла бы уже сделать его моим героем. Подозреваю, что в настоящей книге я не смог сказать о картографии ничего такого, чего бы Норденшёльд уже не знал 120 лет назад.

Помните, мы говорили о ранних русских картах (глава «Козмографы-землеписцы»), ведущих свой отсчёт от полулегендарной «карты Годунова»? А знаете кто эту самую «карту Годунова» таки-обнаружил и опубликовал?

Правильно, Норденшёльд. Именно он инициировал изыскания в шведских архивах, принесшие сразу два экземпляра «карты Годунова» (копии Притца и Кронмана). Которые и по сей день остаются двумя самыми ранними (из всего четырёх известных) копиями этой первой русской карты Сибири.

И сразу же по обнаружении, Норденшёльд публикует с подробными комментариями обе эти находки – для всеобщего пользования (журнал «Ymer», 1887, с. 133-144, собственно карты – на вкладке после с. 144).

Что касается карт, я думал, что меня здесь уже трудно чем-нибудь удивить. Но Норденшёльду это удалось. В его атласе «Periplus», который был издан им в 1897 году, я обнаружил ни много ни мало – ту самую знаменитую «карту № 36» из «Альбома Пальмквиста» («Periplus», 1897, Приложение 36, совпадение номеров – случайное). И не только её – а и все остальные новоземельские материалы из этого редчайшего альбома. Оказывается, уже 120 лет как человечество могло всем этим пользоваться, один только я ничего не знал! Хорошо хоть, что теперь знаю.

Норденшёльд опубликовал эту «карту Пальмквиста» в 1897 году. И уже через год с небольшим, 26 января 1899 к нему приехал взволнованный князь Борис Голицын (герой нашей следующей главы – «Пылинка») – по некому важному личному вопросу (АРАН СПб., ф. 13, оп. 1, д. 1, л. 38).

Что это был за вопрос – мы никогда уже не узнаем. Но только сразу после этой встречи Голицын принял окончательное решение срочно «бежать из науки» и «скрыться на госслужбе», пока на Небесах что-нибудь не переменится. Так вот, напомню, что именно на этой «карте Пальмквиста» (впервые только что перед этим опубликованной Норденшёльдом) можно было увидеть первое в истории точное наименование ключевого объекта нашего новоземельского «топонимического кластера» – волновавшего, теперь мы знаем, как Голицына, так и Норденшёльда.

Вообще, о Норденшёльде можно говорить бесконечно.

Поэтому коротко скажу так. Раньше для меня «Швеция», это был – Бергман, Пальмквист и Карлсон. Теперь же это – Бергман, Пальмквист, Карлсон и Норденшёльд.

Ну, может быть ещё Грета Гарбо.

А ведь этот великий швед вполне мог бы быть «великим русским». Собственно, русским он исходно и был. Норденшёльд родился в Российской Империи и по факту являлся подданным Российской Короны. И в этом качестве он дожил до окончания университета и начала научной карьеры. Которая, благодаря его способностям и невероятному трудолюбию, быстро пошла вверх.

Но тут российским властям донесли, что на каком-то дружеском обеде, в тесном кругу знакомых, Норденшёльд якобы произнёс некий недостаточно верноподданныческий тост. Этого оказалось достаточно, чтобы талантливого молодого учёного в одну секунду вышибли с работы.

Пару лет спустя, в 1857, когда всё немного улеглось и Норденшёльд снова начал пробиваться в научные сферы, ситуация в точности повторилась.

Лишь тогда Норденшёльд отчётливо осознал, что его родине его самоотверженное научное служение человечеству – НЕ-НУЖ-НО.

Особого выбора у Норденшёльда не было. Он переехал в Швецию и стал шведским гражданином. И вместо забивания деревянных свай на великих северных стройках – продолжил, в ранге профессора Стокгольмского университета, забивать сваи фундаментальных знаний, единственно на которых и держится здание всей человеческой цивилизации. В том числе и российской, к слову.

18 лет спустя, в ноябре 1875, на расширенном заседании Императорского Русского Географического Общества, его Вице-председатель, сопровождая речь хорошо поставленными жестами, озвучил следующие слова:

Сегодня мы имеем честь приветствовать среди нас одного из знаменитейших европейских ученых, который, после многолетних смелых исследований полярных стран, в настоящее время только что совершил один из замечательнейших подвигов в летописях географической науки. Профессор Нордёншельд, как вам известно, преодолев препятствия, перед которыми некогда разбивались усилия наиболее мужественных среди нас – препятствия, которые считались до сих пор непреодолимыми, в августе нынешнего года достиг Ледовитым океаном устья Енисея. <...> В какой же стране, после просвещенной родины профессора Норденшельда [т.е. Швеции], знаменитый исследователь полярных морей может встретить наиболее горячее сочувствие, как не в стране, которая своими берегами, до сих пор негостеприимными, обнимает половину окружности Ледовитого океана.

Итак, именем всех людей науки нашего отечества, именем Императорского Русского Географического Общества, именем всех принимающих к сердцу успехи нашей науки, я имею честь приветствовать профессора Норденшельда <...> и смею выразить уверенность, что здесь, среди нас <...> он встретит только самое живое и горячее сочувствие.

(Журнал общего собрания ИРГО от 5 ноября 1875. «Известия РГО», 1875, том XI, отд. 1, вып. 6, с. 248-249)

А ведь это была ещё только первая Енисейская экспедиция Норденшёльда. О Северо-Восточном Проходе никто ещё даже и не мечтал.

И, напоследок, ещё одна работа Норденшёльда. Сейчас она может показаться не совсем в тему, но через некоторое время она нам понадобится.

Я говорю о докладе, сделанном Норденшёльдом в Шведской Академии Наук 15 января 1874 года. В переводе на русский язык, он начинался следующими словами:

В первых числах декабря 1871 года в окрестностях Стокгольма было такое обильное выпадение снега, какого не запомнят. Несколько людей было засыпано снегом вблизи самого Стокгольма; улицы завалило снегом, крыши покрылись толстым его слоем. Такое громадное выпадение снега навело меня на мысль исследовать, не содержит ли этот по-видимому чистый снег каких-нибудь твёрдых частиц.

Дальше автор сформулировал некую рабочую гипотезу, определил методику эксперимента, провёл этот эксперимент, обработал его результаты, рассчитал возможную ошибку – и по результатам всего этого сделал предварительное утверждение. Да, нам на голову из Космоса падают куски некоего вещества.

Доклад так и назывался: «О космической материи, падающей на землю со снегом, дождём и градом» («Горный журнал», 1875, т. 2, апрель, с. 112-119).

Заканчивался доклад Норденшёльда «метеорическими камнями в Гесселе». Этого пока достаточно.

1888: Новая Шамбала

«Революция Мэйдзи» (чьё большую волну Норденшёльд как раз застал в Канага-ве) показала, как быстро невозможное может становится единственно реальным.

Точно также, всего за нескольких лет после прокладывания Норденшёльдом сквозного Северо-Восточного морского пути из Стокгольма в Йокогаму (1879), ситуация с Новой Землёй радикально поменялась. Если до того люди отправлялись сюда, чтобы открыть миру что-то новое, то теперь они ехали сюда затем, чтобы что-то новое открыть в себе.

Поездка к «великой горе» Новой Земли стала родом паломничества, новым духовным опытом. «Вы все унесётесь на Западный берег и, шатаясь, вернётесь назад в поисках своего Камня» (OTR, 2:5).

Как нельзя кстати подоспела и «Тайная Доктрина» Елены Блаватской (1888, на англ. яз.). В которой, как сказал поэт, «на сорок девять Станц – всего один ответ, и занимает он двухтомный комментарий».

Все «49 Станц» Блаватской нам сейчас, впрочем, не потребуются, нам нужна пока только «Станца № 11». Конкретно то её место, где чёрным по белому говорится: «Белый Остров» и «Шамбала» («White Island», «Shamballah») – это суть одно и то же. При том, что сама «Шамбала» – это секретная резервация всей цивилизации, а также место будущего рождения будущего спасителя мира. Остров «невидимый для глаз», поскольку «только чистые сердцем могут найти сюда дорогу» и т.д. и т.п. – всё в описании «центральной точки мира» соответствовало полярным реалиям новоземельской горы.

И дорога к ней пролежала, опять-таки, через причал архангельской «Соломбалы» («Solombala»), именно так.

The last survivors of the fair child of the White Island (the primitive Sveta-dwipa) had perished ages before. Their (Lemuria's) elect, had taken shelter on the sacred Island (now the "fabled" Shamballah,

[Илл. 09-02-01-1. Елена Блаватская, «Secret Doctrine», 1888, т. 2, с. 319. «White Island» и «Shamballah».]

Блаватской бредили все – и отставные урядники, и практикующие башмачники. А про господ студентов и говорить лишне – без этого просто засмеют. Гимназистки румяные – сами знаете, им разговоры нужны. И не какие там нибудь, а самые что ни на есть умные. А что может быть умнее «Тайной Доктрины»?

Короче, «Белый Остров» благодаря Блаватской оказался в тренде. Но и не только. Специально для продвинутых, Эдуар Шаванн (Edouard Chavannes) в 1895 переводит на французский язык «Ши цзи» Сыма Цяня («Исторические записки»). Почти всё, что мы знаем об истории Поднебесной, мы знаем из них.

И вот там, в разделе «Трактаты» (т. 3, гл. 28, «Фэн-шань шу»), представления Елены Петровны неожиданно получили ещё одно независимое подтверждение.

Да, действительно существует плавающая в море гора-остров Пэнлай, и там есть эликсир, дарующий бессмертие. Всё-всё на этой мифической горе – белого цвета, а дворцы и башни сделаны из золота и серебра. Как тут не вспомнить мифические серебряные рудники Митюшёв Камня.

Но не всё так просто. Во-первых, непонятно, где именно этот остров Пэнлай плавает. Во-вторых, он постоянно меняет своё местоположение. А, главное, если даже его выследить и догнать – то он попросту исчезнет, истает на глазах, как предутренний туман. Так что всё это очень ненадёжно. Во всяком случае Цинь Ши-хуанди плыть на Пэнлай самолично не рискнул, а это – показатель.

Но островом Пэнлай дело не ограничивается. Есть ещё один такой же остров, даже лучше – Юаньцзяо (буквально «Остров с Круглой Вершиной»). О нём можно узнать из не менее знаменитого трактата «Ле-Цзы». На Юаньцзяо мы имеем всё то же самое:

«Башни и террасы из яшмы и золота, звери и птицы — из белого шелка, там растут целые рощи деревьев из жемчуга и кораллов, цветы и плоды источают дивный аромат, и те, кто вкусят их, никогда не состарятся и не умрут».

(«Ле-Цзы», глава 5 «Вопросы Тана», пер. В.В. Малявина)

Так вот, Пэнлай хоть и плавает неизвестно где, но всё-таки слишком далеко не заплывает, поскольку его курирует специально на это отряженная черепаха. Но аналогичная черепаха из-под острова Юаньцзяо была похищена, и в результате этот остров «уплыл на север» и где-то там, в «великом океане» сел на мель. Где и пребывает по настоящее время. То есть, по нашим сюжетным часам, в последней четверти XIX века.

А поскольку все религии – это разные проявления одной и той же Единой Высшей Сути, то и «Белый Остров», и «Шамбала», и «Митюшёв Остров», и Кайлас, и Пэнлай, и уж тем более Юаньцзяо – это всего лишь разные названия одного и того же – Исходной Точки Мира. Находящейся примерно в двух с половиной днях плавания на одном из комфортабельных судов Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства.

Впрочем, эзотерика была не единственной силой, толкавшей благополучных молодых людей к Полярному Кругу. И даже, наверно, не главной.

Об этом мы можем судить по особому характеру того впечатления, которое производило на них на всех первое столкновение с Севером. Это было какое-то светлое ошеломление.

Объяснить это ошеломление в терминах «красоты открывавшихся видов», «чистоты природы» и «необъятности просторов» (а именно так пытались донести до знакомых свои впечатления наши путешественники) не удастся. Дело было совсем в другом.

Хотя, можно сказать, что в каком-то смысле и в этом. Поскольку «красота», «чистота», «необъятность» – все эти слова сходятся, как в фокусе, в одном ключевом понятии: «свобода».

Вот именно. Молодые люди во время своих летних экскурсий в тундру, сами того не ведая, делали роковой глоток смертельной отравы – «Свободы». И освободиться от этого им было уже не дано.

«Общая атмосфера» – понятие слишком расплывчатое, чтобы о нём предметно говорить. Но это то, что чувствуешь при первом же вздохе, без объяснений. В России сгущалась атмосфера невозможности жизни.

Так-то всё было нормально. Крепостное право – отменили, экономику – подняли, Хорезм и Коканд – прирезали. Всё было хорошо. Только дышать стало нечем. Поколение ощущало это очень чётко.

Подобную ситуацию нельзя признать совсем уж уникальной. В чём-то схожая картина повторилась в 70-е годы XX века, когда всё лучшее, что было в поколении, поголовно ушло в ледники Кавказа и Памира или на горные реки Сибири и Средней Азии. Кто не готов был метать самодельные бомбы в столицах, уходили в дальние странствия.

Кстати, о крепостном праве. Царь-освободитель единым росчерком пера одномоментно превратил сорок миллионов рабов – в сорок миллионов населения, спящего и только видящего, как бы самим теперь стать рабовладельцами. Самые яркие (на мой вкус) места «Анны Карениной» посвящены именно этому.

Используемая стратегия выживания определяет особенности вида. «Ничего не делай – и не будешь виноватым», – вот практическая мудрость крепостничества. Из поколения в поколение в ходе естественного отбора побеждали те, кто умел не работать, а «казаться работающим», умел объяснить, почему «это сделать никак не получится», умел не высовываться, не перечить, поддакивать и эффективно заискивать перед теми, кого на самом деле презираешь. Да и действительно ли холопы презирали своих господ? Завидовали – да, а вот презирали... А теперь вот у всех появился шанс самим.

Так что, боюсь, дело было далеко не в одних только «плохих боярах».

А что мы видим на Севере? А на Севере крепостное право в 1861 году никто не отменял, поскольку его там никогда и не было. И наши вчерашние гимназисты, попав на Северные просторы, разевали в изумлении рты. Это был абсолютный шок. Они попадали в сказочную землю людей, привыкших жить сами по себе, без высочайших указаний, должностных циркуляров и государственных регламентов. Хочешь винтовку? Бери и носи на здоровье – кому какое дело. Не забудь только сфотографироваться и маме послать. Уезжать отсюда просто не хотелось. Ну и, само собой, «необъятность просторов», «чистота природы» и «красота открывающихся видов».

Показательной в этом смысле является история попадания на Север знаменитого в будущем путешественника и писателя Константина Носилова.

Исключение его из духовного училища «за неприлежание» имело следствием, естественно, поездку на Север – и пошло-поехало. Через 10 лет (1886) Носилов уже профессиональный «backpacker». И вот, в ходе очередного своего путешествия добравшись до Иерусалима, он, как тот афонский инок из «Братьев Карама-

зовых», прямо от Храмовой горы устремляется на север – прямо к «великой горе» Новой Земли (через Каир, Стамбул и Малые Кармакулы – но без заезда в столицы). Где он зимует два сезона подряд, с короткой пересменкой на материке для пополнения запасов эзотерических книг.

Хотя с нахрапа достичь «великой горы» Новой Земли в первый год ему так и не удаётся, в своих мыслях он весь уже там. Сидя в Малых Кармакулах, на Южном острове, он 25 июля 1888 пишет:

...идя от Сухого Носа к мысу Митюшёва Камня... и т.д.

(«Русское судоходство», №36, от 22 сентября 1888, с. 7.)

наго берега имѣла слѣдующій видъ: идя отъ Сухого Носа къ мысу Митюшева Камня, она заходила въ губу Серебряную до береговъ.

[Илл. 09-02-02-1. Константин Носилов, журнал «Русское судоходство», №36, от 22 сентября 1888, с. 7. «К мысу Митюшёва Камня».]

Зато вторую свою зимовку Носилов уже практически целиком проводит прямо у подножия Митюшёва Камня, в самоедском чуме («Le Tour du Mond» от 10 февраля 1894, с. 91-94; и др.).

На этом своём двухлетнем «пути к вершине» Носилов имел и обретения, и утраты.

Обретения: он обрёл славу человека, открывшего на Новой Земле золото:

***

M. K. Nossilof has recently returned to Archangelsk from Novaya Zemlya. <...> M. Nossilof is reported to have discovered beds of <...> gold.

(«К. Носилов только что возвратился в Архангельск с Новой Земли. Господин Носилов сообщил, что обнаружил там золотые жилы.»)

(«Nature», v. 38, Oct. 4, 1888, p. 555)

***

The Russian naturalist, M. K. Nossilow, has been making geological investigations in Nova Zembla, and has discovered traces of gold.

(«Русский натуралист господин К. Носилов, проведя геологические изыскания на Новой Земле, нашёл следы золота.»)

(«Nature», v. 39, Dec. 6, 1888, p. 137)

Утраты: взятая Носиловым на Новую Землю книга Норденшёльда (та самая, где новоземельский Камень упорно не назывался по имени), была во время бурана зарыта в снег и брошена в пути (вместе со всем экспедиционным снаряжением, октябрь 1887). Весной следующего года Носилов попытался найти это место – и это ему даже удалось, но к тому времени книгу Норденшёльда успели основа-

тельно почитать песцы, разнеся содержащуюся на её страницах Весть по всей бескрайней ледяной пустыне.

Носилов оставил нам много литературного материала о Новой Земле. Где его особенно поразил один совершенно необъяснимый случай, имевший место у подножия горы Митюшёв Камень. Случай этот описан в очерке «Таинственное из жизни самоедов» («Новое время» № 6441, 2 февраля 1894).

События относятся к весне 1889 года. Одна самоедка в течение всей зимы давала, глядя в огонь, точные предсказания на ближайшее будущее – например, о конкретных результатах предстоящей охоты. Все обитатели становища (включая единственного не-самоеда – самого Носилова) делали вид, что не особенно-то доверяют этим предсказаниям, но при этом потихоньку к ним прислушивались, поскольку предсказания эти выполнялись с удивительной точностью.

И вот в конце зимы, в апреле, прорицательница заявила, что она внутренним зрением «видит» судно. Тут уж все просто попадали со смеху. Нелепее и невероятнее этого нельзя было ничего и придумать. В апреле, в самый сезон буранов, судов здесь не было и быть не могло.

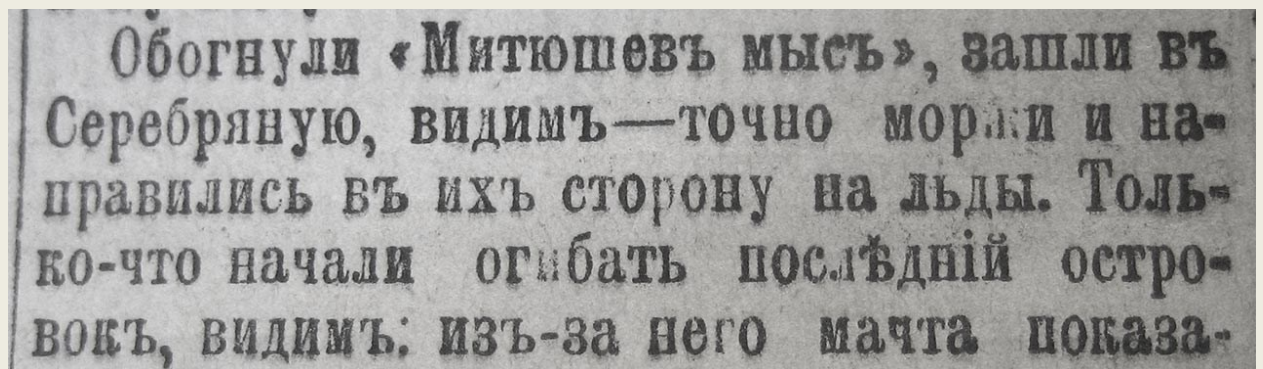
Тем не менее, на всякий случай залезли на гору и просканировали в бинокль горизонт. Никаким судном, понятно, даже и не пахло.

Между тем прорицательница каждое утро продолжала упорствовать – она продолжает «видеть» судно, причём с каждым днём всё отчётливее. На четвёртый день она уже могла «разглядеть» паруса, количество мачт и взаимное их расположение. На эту её болтовню все уже перестали обращать внимание.

И вот на пятый день Носилов с самоедами вышли в море поохотиться на моржей. Дальше цитирую:

Обогнули «Митюшёв мыс», зашли в Серебряную, видим – точно моржи и направились в их сторону на льды. Только-что начали огибать последний островок, видим: из-за него мачта показалась.

(Константин Носилов «Таинственное из жизни самоедов». «Новое время» № 6441, 2 февраля 1894, ст. ст. Очерк датирован: Париж, 20-го января, н. ст.)

[Илл. 09-02-03-1. Константин Носилов, «Таинственное из жизни самоедов». «Новое время» № 6441, 2 февраля 1894]

Это было норвежское судно из Тромсе, оказавшееся здесь в совершенно необъяснимое время. Носилов поднялся на борт и попросил разрешения заглянуть в судовой журнал. И обомлел – это судно впервые подошло к берегам Новой Земли ровно пять дней тому назад – точно в тот день, когда прорицательница впервые «разглядела» его смутные очертания в пляшущих языках пламени очага.

Вечером весь чум пил норвежский ром.

Рисунки Новой Земли мы с вами уже видели (например, работы художника Редера из экспедиции Бэра), а вот фотографий – пока нет. И правильно – Новую Землю до Носилова никто, похоже, не фотографировал. И вот теперь, благодаря именно Константину Дмитриевичу (одному из первых, кто догадался взять в Арктику фотоаппарат и несколько ящичков стеклянных фотопластин), мы можем своими глазами увидеть, как оно всё было на самом деле.

[Илл. 09-02-04-1. Носилов, фотография Новой Земли в М-Шаре.]

[Илл. 09-02-05-1. Носилов, фотография Новой Земли. «Дом Носилова».]

Стоит ли говорить, что большая часть фотографий Носилова, как и его рукописей, пропали бесследно. Удивительно ещё, что сохранилась его записная книжка, которую он вёл во время зимовки на Новой Земле. В настоящее время она хранится в Отделе фондов «Объединенного музея писателей Урала» (фонд Носилова, оп. 1, док. 1, ед. хр. – КП 17840), куда перешла из коллекции носиловского исследователя Юрия Охапкина, а к нему (насколько я его понял) – от личного секретаря и родственника Носилова, Константина Донских. Это всё шадринские дела.

К моменту написания этих строк, содержание данной записной книжки не опубликовано и не введено в научный оборот, а некоторые её страницы, насколько мне известно, всё ещё не прочитаны.

В их числе – оборот листа 38, содержащий черновик одного незаконченного стихотворения Носилова. Дата написания: 14 марта 1888 (по ст. ст.). Место: Новая Земля, устье реки Карелки.

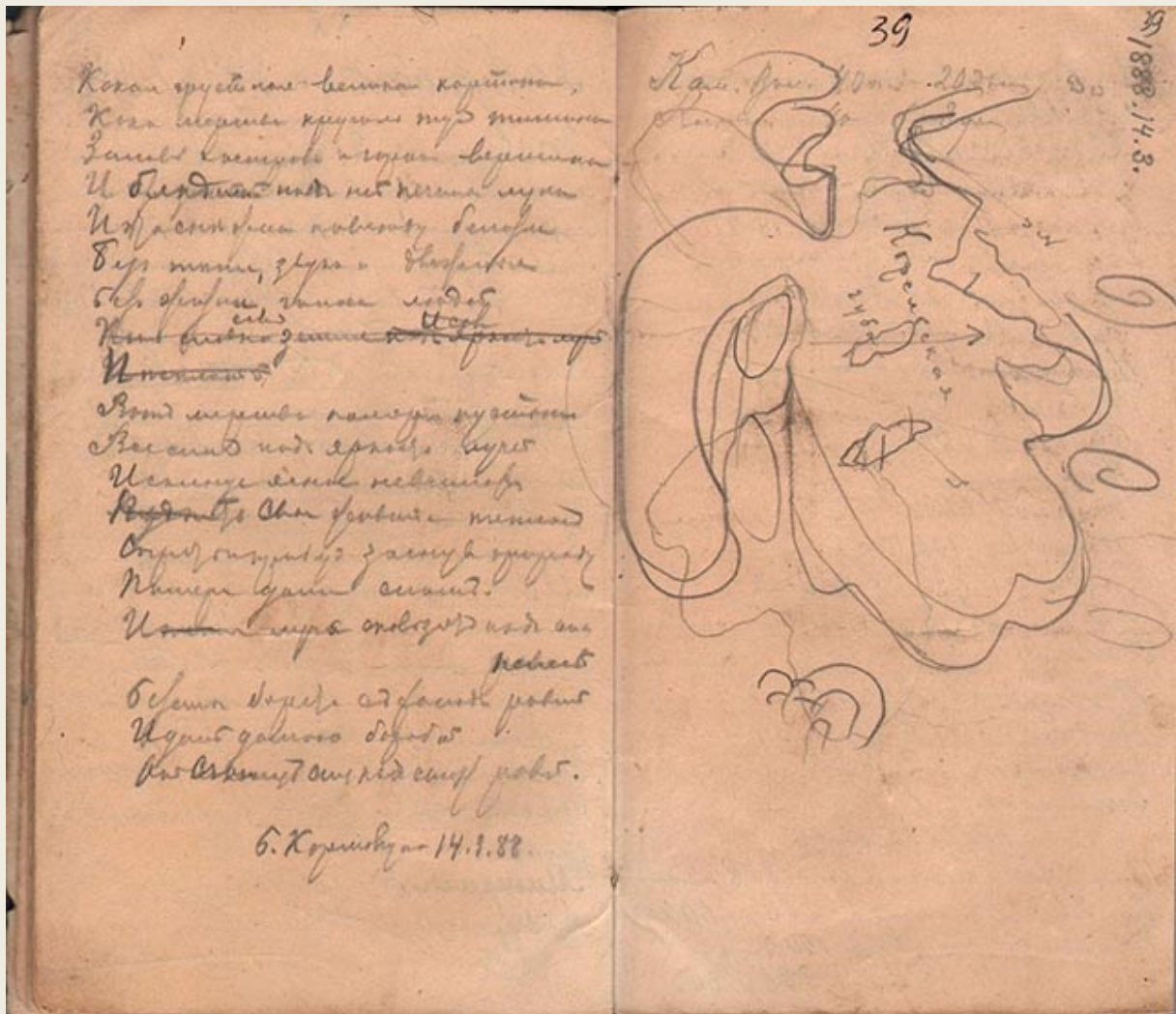
Предложу собственную расшифровку нескольких начальных строк. Следует иметь ввиду, что стихотворение так и не было закончено, автор не определился с вариантами собственной правки, рифмы и размер так и не были сведены к единой схеме, остались рассогласования в падежах, а окончания ряда слов попросту недописаны.

Но всё это мелочи и пустяки. Стихотворение, как творческий акт, на мой взгляд полностью состоялось. Вот его первое четверостишие. «Дорабатывать» его я не собираюсь, даю как есть:

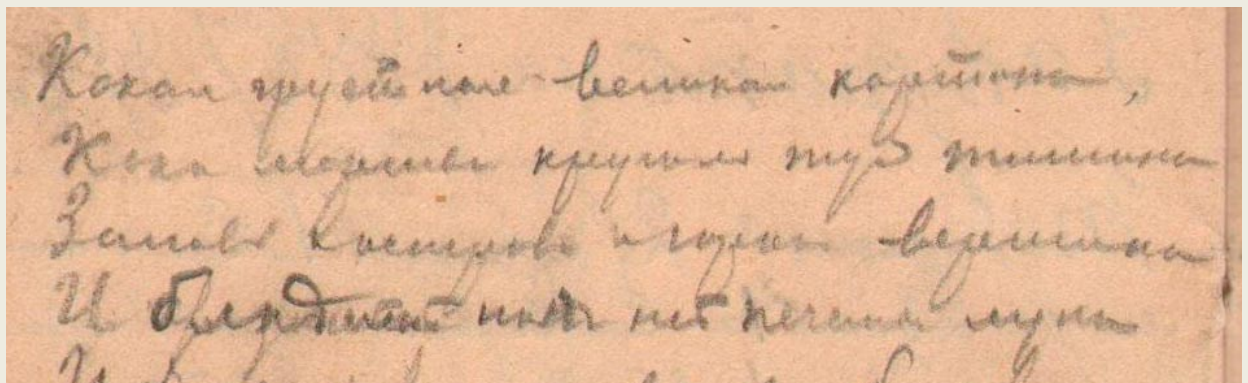

Какая грустная великая картина,
Какая мёртвая кругом тут тишина.
Залив и остров и горы вершина
И бледная над ней печать – луна.

(Константин Носилов, 14 марта 1888)

[Илл. 09-02-06-1. Записная книжка Носилова, запись от 14 марта 1888. «Музей писателей Урала», ф. Носилова, оп. 1, док. 1, ед. хр. – КП 17840.]

[Илл. 09-02-06-2. Там же. Фрагмент. «Залив, и остров, и горы вершина...»]

Удивительная вещь поэзия! Она превращает случайное – в вечное, а из обыденности лепит мечту.

Случайный залив (Карельская губа), безымянный островок и небольшой прибрежный холм – становятся в стихах теми сакральными Заливом, Островом и Горой «топонимического кластера», к которым Носилов так тогда стремился, и которых на тот момент всё ещё не достиг.

В плане чисто литературном, сквозь всё это сквозит, конечно, Надсон. Но не концентрируйтесь на узнаваемых шаблонах, смотрите суть.

Тем более, что фактологически всё в этих строках удивительно точно. 14 марта 1888 года (по старому стилю) луна была в максимально полной фазе. Для наблюдателя, находящегося на берегу Карельской губы (72,57N и 53,01E) она в тот день поднялась из-за горизонта за полтора часа до захода солнца, то есть по светлоте ещё небу (16:52 и 18:31 соответственно). Азимуты восхода луны и захода солнца были таковы (81° и 298°), что луна после восхода находилась как раз над ближайшим к Носилову холмом, верхняя часть которого подсвечивалась солнцем, садящимся у него за спиной.

Так что всё тут на своём месте: «печать на небе» – это классический образ для полупрозрачной, идеально круглой луны на бледно-голубом ранне-закатном небосклоне (но не тёмном!); а общая геометрия описанных декораций – полностью подтверждается небесной механикой, отмотанной на 130 лет назад. И даже возможная двойственность прочтения неясного места рукописи («и горы вершина» написано в ней так, что это в принципе можно прочесть, как «и горит вершина») – даже она бессильна против естества, ибо оба варианта одинаково хорошо вписываются в реально наблюдавшуюся картину мира.

Всё здесь сходится. Реальность, мечта, и её воплощение в стихах.

Залив, и Остров, и Горы вершина.

Константин Носилов, 14 марта 1888. Новая Земля.

1889: Точка роста

(Исходник – Обыкновенная история – Линия отрыва – Механика озарений – Сила отдачи – Прямые следствия)

Исходник

История совсем простая. Совсем.

Молоденькая начинающая писательница получила от опытного прожжённого редактора задание – в течение целого года (1889) писать для детского журнала текстовые пояснения к готовым уже картинкам, этаким коротеньким рассказыки.

Главным в этом проекте были, конечно, сами картинки. Их делал настоящий художник.

Строго говоря, он делал их не для данного журнала (петербургское «Задушевное слово»), а для канадского «St. Nicholas Magazin». Использовать же его картинки предполагалось без ведома автора, чисто пиратски.

Картинки эти были на тот момент уже достаточно популярными. Так что начать мне лучше, пожалуй, с художника.

Палмер Кокс (Palmer Cox), канадский карикатурист, в начале 1880-х предложил рынку печатной периодики особый жанр юмористических рисунков с продолжениями, в которых фигурируют постоянные персонажи. Жанр этот пошёл «на ура», хотя слова «комикс» Палмер Кокс на тот момент не знал.

Героями Кокса стали маленькие человечки, которых он назвал «брауни» («Brownies»). Сейчас существует целая область филологии, в которой защищаются докторские диссертации на тему возможной этимологии этого слова.

Поначалу человечки у Кокса не имели индивидуальных черт, это были «просто человечки», действующие общей массой. Но достаточно скоро (примерно с 1884) из этой массы выделилось несколько ярко выраженных характеров, примерно с десяток.

Свои рисунки Кокс сопровождал стихотворными историями собственного же сочинения. В этих стихах «брауни» так и остаются безымянными, фигурируя либо как «брауни» («Brownies think...»), либо «они» («they go...»), либо «кто-то» («one said...»).

Однако в сувенирной индустрии некоторые из персонажей Кокса были впоследствии снабжены условными обозначениями, для удобства коммерческого обихода. Например, самый яркий (визуально) персонаж Кокса получил имя «Cholly Boutonniere» – этаким важничавший «господин на тонких ножках» – во фраке, цилиндре, с тросточкой и моноклем.

Описывать картинки – дело неблагодарное, проще показать.

[Илл. 09-03-01-1. Человечки «брауни» Палмера Кокса, эпизод «*The Brownies Tobogganing*». «Брауни» обсуждают строительство санок, в цилиндре и с моноклем – «*Cholly*». «*St. Nicholas Magazin*», январь 1886, т 13-1, № 3, с. 227.]

В сюжетном плане истории Кокса незамысловаты. Это – стандартный набор детских забав и проказ – летних дачных, либо зимних городских – сообразно сезону планируемой публикации. Катание на велосипеде, теннис, рыбалка, запускание воздушных змеев, стрельба из лука по мишени, коньки, спуск на санках с горы, игра в снежки, вылепливание «снежной бабы» и т.п. К этому прибавим ещё те занятия, в которых дети хоть сами и не участвуют, но хотели бы – например, полёт на воздушном шаре.

Типовая сюжетная пружина у Кокса такова: «брауни» подсматривают что делают люди, пытаются воспроизвести это на своём уровне – и попадают впросак. Всем смешно.

Эпизоды у Кокса строго автономны, один с другим никак не связан. Это качество естественным образом вытекает из требования удобства их публикации с большими временными интервалами (месяц и более).

Исходно истории о «брауни» публиковались в канадском журнале «*St. Nicholas Magazin*». Но по мере накопления материала и роста популярности, эти сюжеты стали объединяться в сборники и выходить отдельными книгами. Первая такая книга называлась «*The Brownies: Their Book*» и вышла она в 1887 году. Всё это продолжалось много лет. Собственно, и до сих пор продолжается. Вообще-то, эти персонажи культовые.

Обыкновенная история

И вот в петербургском издательстве «Товарищество М. О. Вольф» к исходу 1888 года посчитали, что пришло, наконец, время получить свою долю прибыли от этого успеха Кокса.

Проще всего было бы заказать переводы соответствующих текстов, однако в данном конкретном случае делу сильно мешала их рифмовая природа. Так что редактор справедливо посчитал, что лучше с этим не связываться, а поручить кому-нибудь за недорого придумывать на регулярной основе эти истории заново, сразу по-русски. И проще, и надёжней. И больше гибкости в подгонке историй под дачный сезон.

Для этих целей был нужен – кто? Правильно, самый дешёвый наёмный работник из возможных, то есть – «молодой и начинающий», желательно женщина. Выбор пал на 19-летнюю Анну Хвольсон, урождённую Душеву. Тем более, что она уже имела опыт сотрудничества с журналом и показала свою исполнительность и надёжность. Два года назад она на тех же условиях сочиняла истории с продолжениями о «Мальчиках-с-пальчик и девочках-с-ноготочек», по рисункам того же, кстати, Кокса.

От добра добра не ищут, так что выбор «Задушевного слова» остался за Душевой, словом. И в последние дни 1888 года она приступила к выдумыванию историй по предложенным ей картинкам. Журнал еженедельный, так что каждые семь дней нужно сдавать очередную историю.

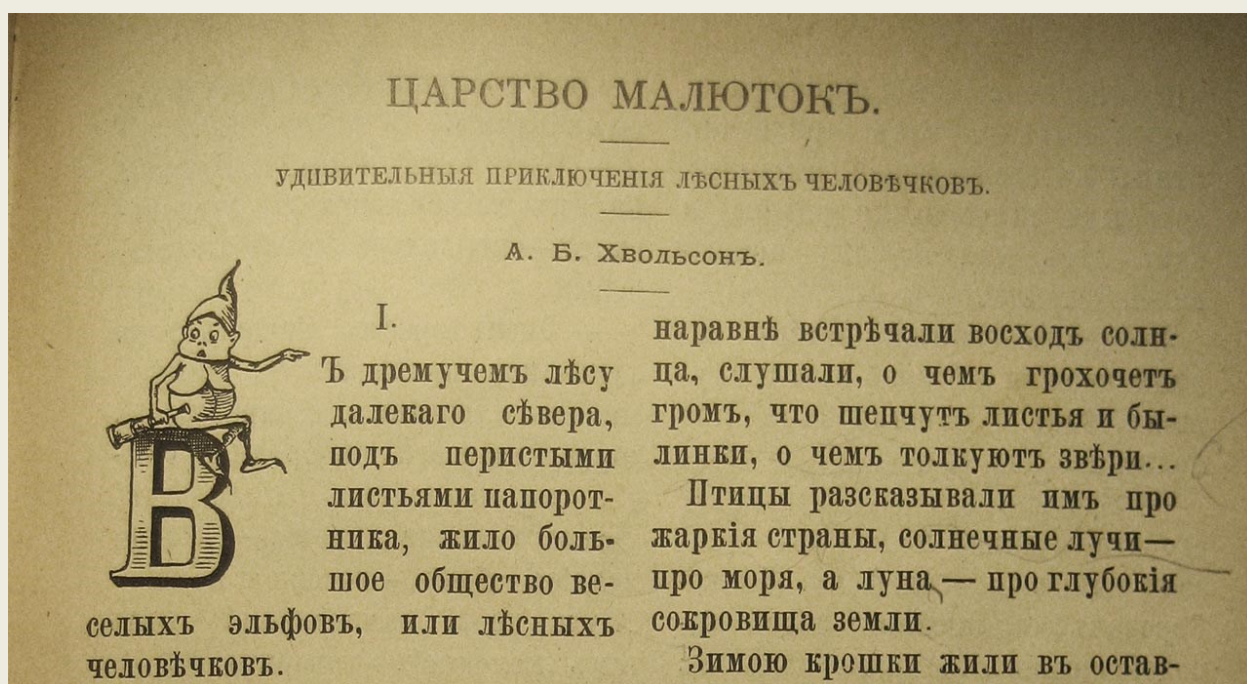
Первая такая её история вышла 31 декабря 1888 года («Задушевное слово», серия «для детей младшего возраста», том 18, № 9, с. 133-136).

[Илл. 09-03-02-1. Журнал «Задушевное слово» от 31 декабря 1888, т. 18, №9. Первая публикация первой главы «Царства Малюток» Анны Хвольсон.]

[Илл. 09-03-02-2. Там же. Дата выхода номера.]

[Илл. 09-03-03-1. Там же. Начало первой публикации «Царства Малюток», с. 133]

Поскольку стояла зима, начала Анна с зимнего сюжета – катания на санках с горы («Tobogganing» у Кокса).

Впрочем, кое-что в эти истории Анна сразу привнесла от себя. Общее название всей серии стало «Царство Малюток». Вместо «брауни» у неё фигурируют «эльфы». Но, главное, она дала нескольким персонажам собственные имена и снабдила их характерными индивидуальными чертами. Так появились Заячья Губа, Чумилко-Ведун, Дедко-Бородач и другие интересные имена.

А сующий во всё свой нос «Cholly» (тот, который с моноклем) – он сделался совершенно неисправимым хвастуном и самовлюблённым выскочкой, ничего толком не умеющим, но желающим возглавлять всё и вся. Его Хвольсон также снабдила оригинальным собственным именем.

Итак, «Царство Малюток». Эльфы беззаботно живут в лесу на севере России. И вот однажды Cholly заявляет им, что недавно побывал на берегу Северного Ледовитого океана, и что там было очень красиво. Мы не знаем наврал он или нет – но эльфы чрезвычайно загорелись идеей посмотреть на эту красоту.

Такое начало полностью определяет сюжет всей первой истории: эльфы должны поехать к океану на санках (поскольку уже подобраны картинки с санками, см. «Tobogganing»), должны посмотреть на сверкающие льдины и вернуться. По дороге с ними должно произойти что-нибудь забавное, например – Cholly выпадет из санок и его будут вытаскивать из снега за ноги. Вот смеху-то!

На начальном этапе, пока Анна ещё не успела втянуться в проект, у неё не очень выходило рассчитывать объёмы текста. Так что первая история растянулась у неё на целых три публикации – 31 декабря 1888, 7 и 14 января 1889. Для порядка этот эпизод был формально разбит на две главы.

Но так всё шло по плану. Человечки строят санки, едут, переворачиваются, вытаскивают из снега Cholly, доезжают до берега Ледовитого океана, любуются, встречают там других эльфов.

[Илл. 09-03-04-1. «Царство Малюток». Санки эльфов налетают на дерево. «Задушевное слово», 14 января 1889, т. 18, № 11, с. 165.]

Всё. Первая история исчерпала свой жанровый потенциал, можно ехать назад. Конец первого эпизода.

Итак, дело вроде бы двинулось.

И тут произошло необъяснимое.

Линия отрыва

В четвёртой публикации (от 21 января 1889) с «Царством Малюток» случилось странное.

Проект резко и необъяснимо сменил свой... слово «курс» здесь было бы не совсем уместно, поскольку единого курса в книге и не предполагалось. Проект сменил своё «глобальное качество», некое «общее звучание». Книга разом перешла в какую-то другую плоскость.

Сама Анна поняла это далеко не сразу. Просто в четвёртую порцию текста неожиданно всплыла какая-то «взрослая» тема. Не шалости, не проказы, не забавы – суровый и жёсткий быт зимовщиков, застигнутых врасплох полярной зимой.

При этом совершенно очевидно, что новая реальность возникла в тексте неожиданно и для самого автора. Хвольсон честно пытается с ней справиться, но это у неё, сказать по правде, получается не всегда.

Но она делает что может. Китобои у неё становятся «китоловами» (детский вариант, несколько вуалирующий сущность профессии); она велит эльфам отслеживать и подгонять к землянкам зимовщиков «лисиц, соболей и прочих зверей» (с не вполне ясной перспективой для последних); чтобы зимовщикам не было грустно, эльфы стрекочут им по углам «цирп-цирп-цирп», и так далее.

Но «иная природа» этой нововозникшей темы всё равно бросается в глаза. В том числе и буквально. Текст, как вырвавшийся из бутылки джинн, переворачивает с ног на голову саму концепцию проекта. Не «слова» здесь обслуживают выбранные заранее «картинки», а, наоборот, картинки приходится спешно подтягивать под случившиеся слова. Что в условиях цейтнота удаётся сделать не очень-то убедительно.

Так, для иллюстрации встречи эльфов на голом берегу Ледовитого океана в самый разгар полярной ночи с другими эльфами и их совместной помощи зимовщикам – для иллюстрации этого сюжета не находится ничего лучшего, чем картинка из летней истории о запуске на лесной полянке воздушного змея («The Brownies' Kites»). О вынужденности данного выбора говорит, в частности, и то, что при повторной публикации «Царства Малюток» (1898, книга), эта картинка будет отсюда разумно удалена.

Вскорѣ они дошли до четырехъ убогихъ земляновъ; эльфы воткнули себѣ въ петличку по цвѣтку

Малютки бросались другъ другу на встрѣчу...

папоротника и сдѣлались невидимками. Несмотря на то, что ихъ было очень много, они заняли такъ

мало мѣста, что даже безъ цвѣтка-невидимки ихъ бы не примѣтили.

Внутренность снѣжной норы поразила эльфовъ: она была почти пустая. Посрединѣ топила китовый жиръ, распространяя вокругъ себя непріятный запахъ; человекъ пять сидѣли вокругъ этого страннаго огня и грѣли свои окоченѣвшіе члены; они были закутаны въ оленьи шкуры, но холодъ проникалъ и черезъ мѣхъ.

Бѣдные китовы, застигнутые врасплохъ ранней сѣверной зимой, принуждены были остаться въ суровой странѣ на многіе мѣсяца. Голодъ со своими страшными послѣдствіями ожидалъ ихъ, но, къ счастью, сюда же пришли добрые эльфы.

Они размѣстились по землянкамъ и принялись облегчать, чѣмъ могли, жизнь узниковъ.

[Илл. 09-03-05-1. По сюжету, эльфы находятся в тундре, во время полярной ночи, на берегу Северного Ледовитого океана. Иллюстрация подобрана в спешке и неудачно. «Задушевное слово», 21 января 1889, т. 18, № 12, с. 183.]

Данный сюжетный прецедент, казалось бы частный, имел радикальные последствия для всего проекта. В следующей, пятой публикации (от 28 января) эльфы уже не вернутся домой. Они пустятся в большое путешествие — длиной во всю книгу. Они пройдут морем на восток до Берингова пролива, побывают в Китае и Индии, через Ближний Восток вернутся в Европу, где посетят одна за другой все основные страны.

Так планировавшаяся серия отдельных домашних историй превратится в цельную «travel-story», охватывающую половину мира.

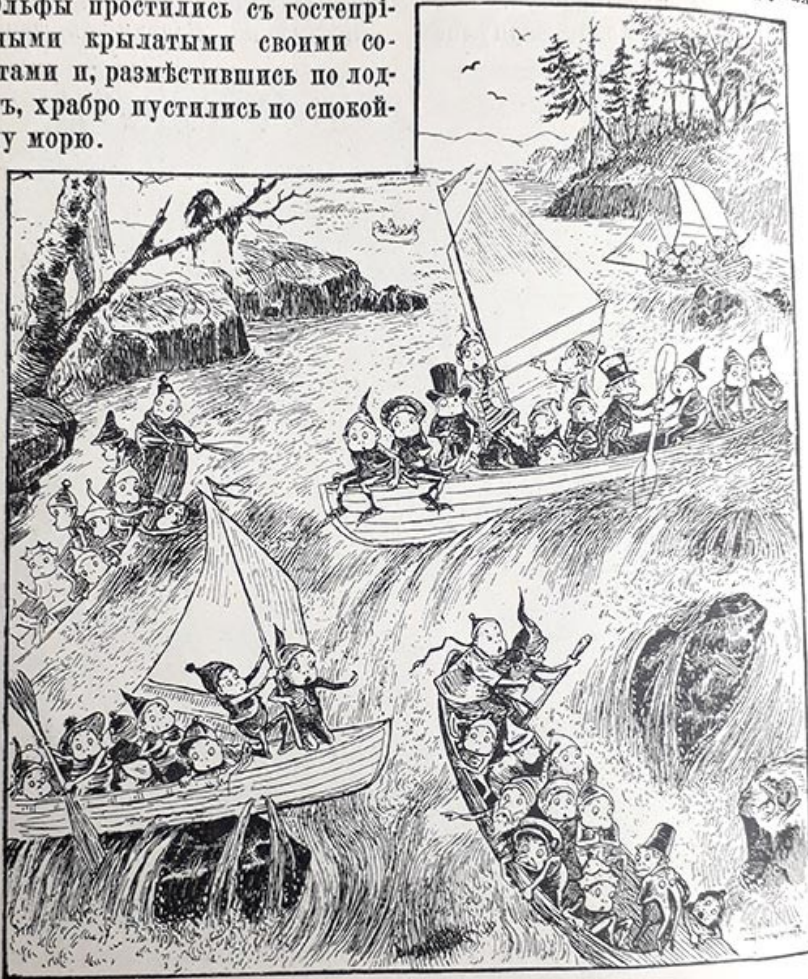

Приоритеты при этом поменяются местами – картинки Палмера Кокса будут теперь подгоняться под истории Анны Хвольсон, а не наоборот. Так, сплав по порожистой канадской реке у Кокса («The Brownies Canoeing») превратится в плавание по «Жёлтому, Синему и Китайскому морям» у Хвольсон, слон в цирке («The Brownies' Circus») – в колоритную сцену в индийской деревне, празднование американского Дня Независимости («The Brownies' Fourth of July») – в фейерверк во дворце раджи и т.д. и т.п.

ароматный вѣтерокъ, то спускаясь, то подымаясь, тихо дышала на сонную землю.

Эльфы простились съ гостеприимными крылатыми своими собратами и, размѣстившись по лодкамъ, храбро пустились по спокойному морю.

моря давно остались за ними. Чумилка-Вѣдунъ отлично зналъ географію и съ картою въ рукахъ

Разъ малютки чуть не погибли...

IX.

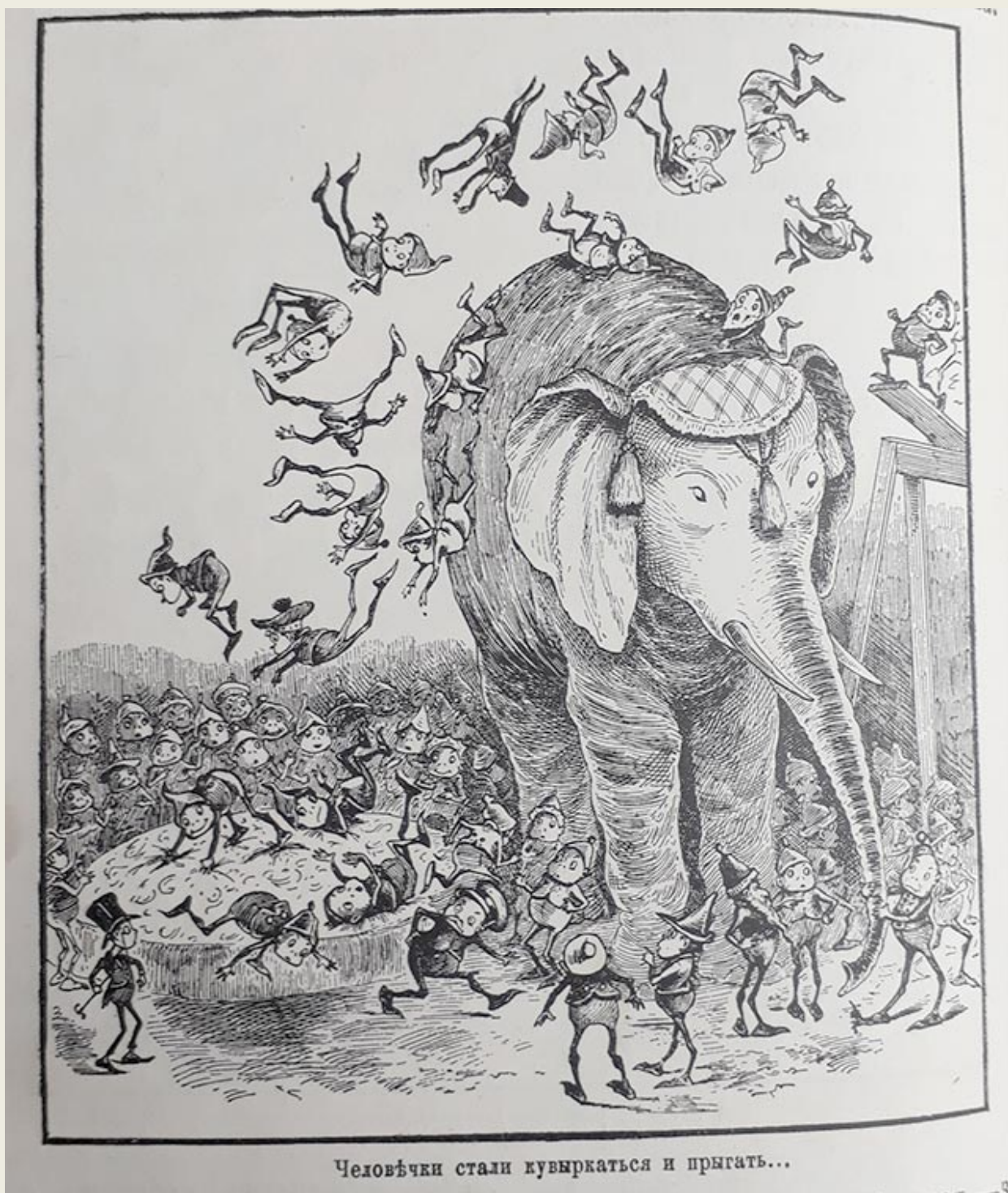
Много дней несутся легкія скорлупки-невидимки по разнымъ морямъ: Желтое, Синее и Китайское

легко узнавалъ мѣстности на берегу моря.

Путешествіе шло благополучно, только разъ малютки чуть не по-

[Илл. 09-03-06-1. Текст Хвольсон: эльфы плывут по Жёлтому морю. Картинка Кокса: «брауни» сплавляются по реке в Канаде. «Задушевное слово», 25 февраля 1889, т. 18, № 17, с. 264.]

[Илл. 09-03-07-1. Текст Хвольсон: эльфы в Индии прыгают через слона. Картинка Кокса: «брауни» развлекаются в цирке. «Задушевное слово», 4 марта 1889, т. 18, № 18, с. 276.]

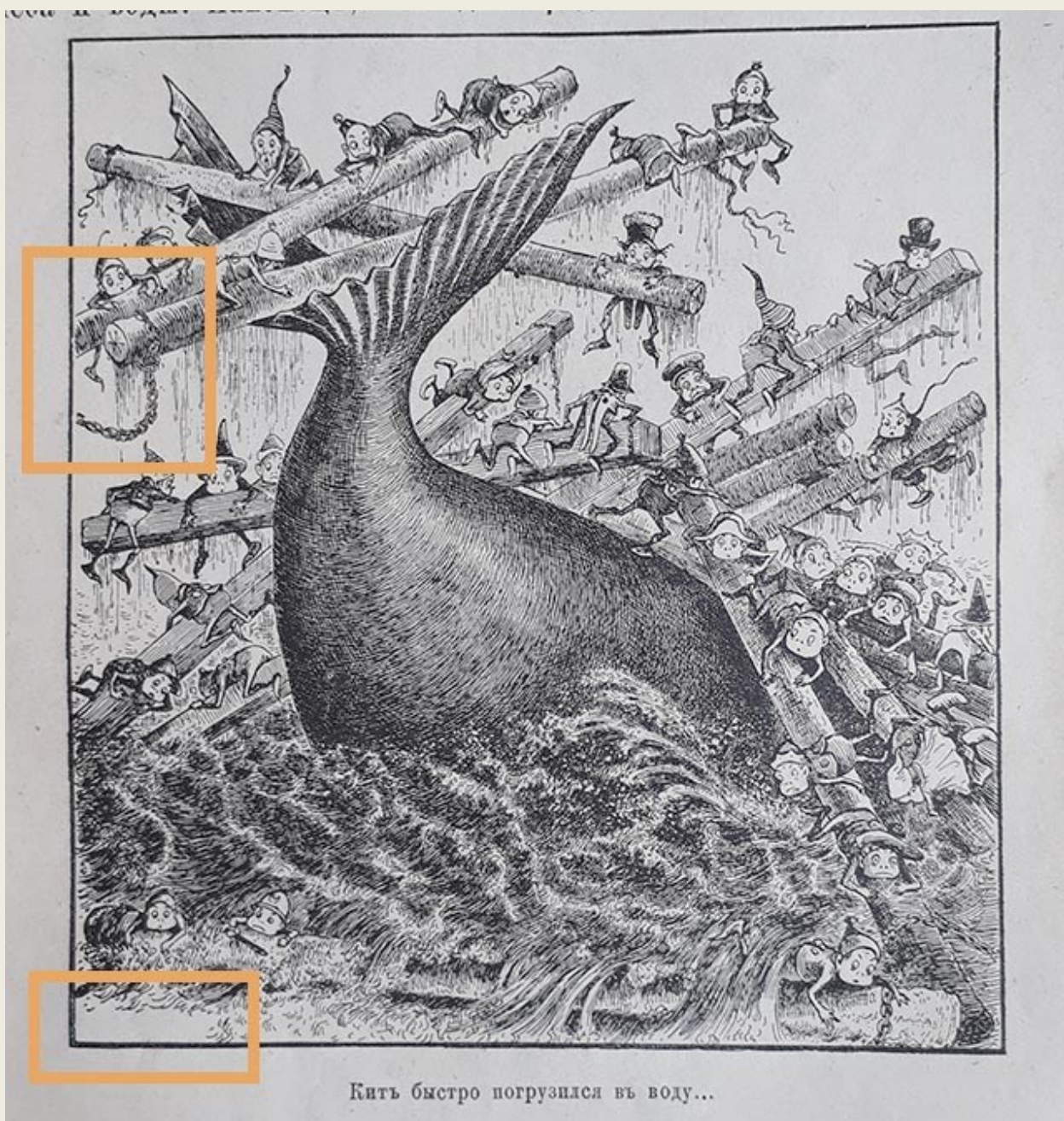
[Илл. 09-03-08-1. Текст Хвольсон: эльфы во дворце у раджи в Индии. Картинка Кокса: «брауни» отмечают День Независимости в Америке. «Задушевное слово», 11 марта 1889, т. 18, № 19, с. 293.]

Особо следует сказать об эпизоде, напечатанном 28 января 1889 (глава IV), окончательно отправившем эльфов в мировое турне. В начале его эльфы ещё находятся на берегу Северного Ледовитого океана. Они помогли зимовщикам пережить зиму, сейчас наступила весна, корабль освободился ото льдов и «китоловы» благополучно уплыли домой.

Однажды близко к берегу подплывает кит и эльфы решают на нём прокатиться. Всё идёт хорошо, пока Cholly не щекочет кита своей тросточкой. Последнему это не нравится и он ныряет.

Для эльфов это могло бы кончиться плохо, но на их счастье рядом оказываются обломки разбитого корабля и эльфы выбирают на них. На самом деле (в смысле: у Кокса) это не «обломки корабля», а брёвна, сцепленные канадскими лесозаготовителями («lumbermen») в плоты с помощью железных цепей. Если присмотреться, это хорошо видно на рисунке.

[Илл. 09-03-09-1. Эльфы со спины кита перебираются на «обломки корабля» (на самом деле – на брёвна разбитых плотов лесосплавщиков). «Задушевное слово», 28 января 1889, т. 18, № 13, с. 201.]

[Илл. 09-03-09-2. Там же. Хорошо видны цепи, которыми лесосплавщики связывают брёвна.]

К слову, на этом же рисунке отчётливо видно место, где исходно стояла подпись Палмера Кокса, затёртая ретушёром при русской публикации.

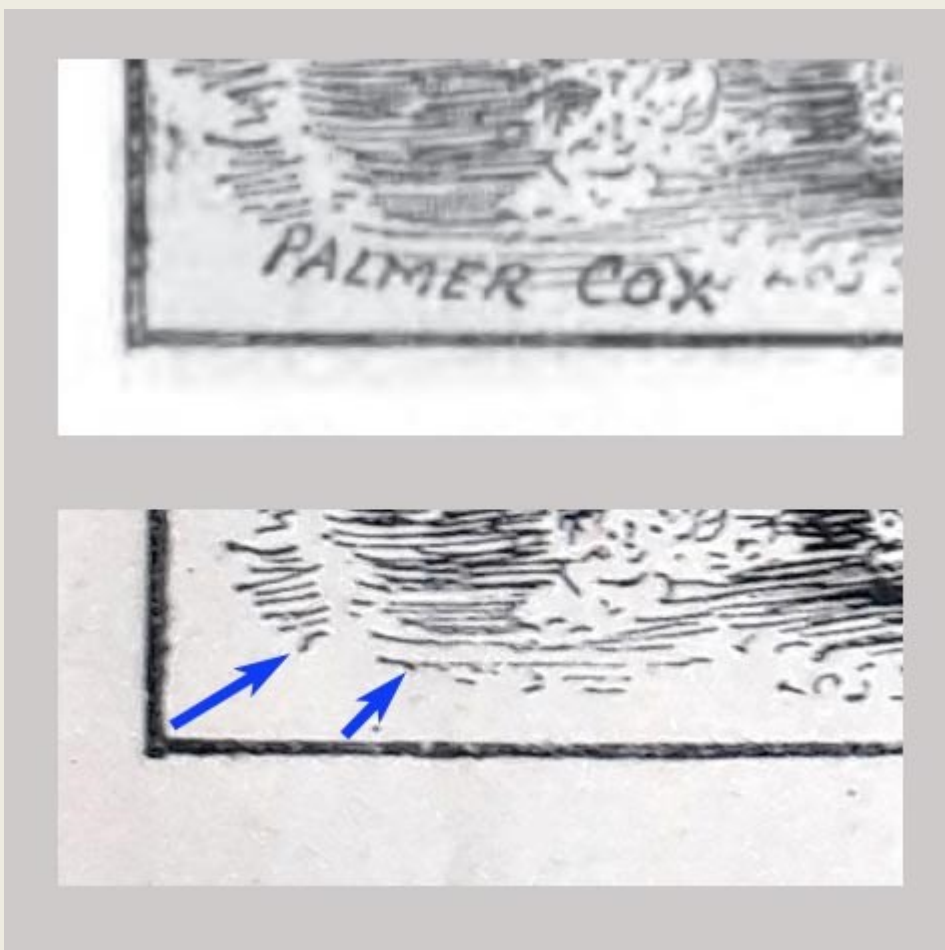
[Илл. 09-03-10-1. Пример затирания подписи художника. Вверху – «Задушевное слово», 28 января 1889, т. 18, № 13, с. 201. Внизу – «St. Nicholas Magazine», февраль 1888, т. 15-1, № 4, с. 306.]

Раз уж об этом зашла речь – на некоторых иллюстрациях подпись Кокса стёрта недостаточно тщательно, так что можно видеть оставшиеся её следы. Например, на предыдущем рисунке, где эльфы плывут на спине кита:

[Илл. 09-03-11-1. Пример недостаточно тщательного затирания подписи художника. Там же, с. 199.]

[Илл. 09-03-12-1. Затереть подпись, идущую по штриховке, не так-то просто. Видны остатки букв «Р» и «М». Вверху – «St. Nicholas Magazine», февраль 1888, т. 15-1, № 4, с. 305. Внизу – «Задушевное слово», 28 января 1889, т. 18, № 13, с. 199.]

Итак, где-то посреди Баренцева моря эльфы перебираются со спины нырнувшего кита на плавающие рядом брёвна. А дальше происходит то, что станет поворотным моментом для всей книги – неведомые силы природы несут эльфов прямо на восток.

Вот как описано у Хвольсон это судьбоносное плавание – от Баренцева моря до Берингова пролива:

Брёвна быстро неслись вперёд, сталкиваясь с льдинами. Неуправляемые никем, они свободно плыли, куда их несло течением. Малютки со страхом следили друг за дружкой. <...> Так плыли они по океану дни и недели, не видя ничего, кроме неба и воды. Наконец, в одно утро они увидели, что плывут уже не в океане, а в не широком проливе.

– Радуйтесь, радуйтесь! – закричал китаец Чи-ка-чи, – я узнаю эту местность; только бы нам держаться к югу, и мы пристанем к берегу, а там моя родина!

(Анна Хвольсон, «Царство Малюток», гл. IV. «Задушевное слово», 28 января 1889, т. 18, № 13, с. 200-201)

Чи-ка-чи не ошибся: эльфы пристанут к берегу именно в Китае. Дальше путешествие пойдёт уже по своим кругосветным законам.

Итак, 21 января 1889 года история эльфов выплеснулась из отведённых ей рамок и зажила своей собственной жизнью. Учитывая график прохождения материалов в еженедельных журналах, некая третья сила вмешалась в планы автора между 7 и 14 января.

А что такого могло произойти между 7 и 14 января 1889 года?

Механика озарений

В общем случае, «неожиданные идеи» посещают человека следующим образом. Процесс имеет три характерные фазы.

1. «Базовая накачка». Человек получает те или иные важные знания, к использованию которых он на тот момент ещё не готов. Это может произойти задолго до будущего «озарения», за много лет.
2. «Активация». Незадолго перед будущим «озарением» эти знания случайно освежаются в его памяти. Это может быть попавшийся на глаза тот же текст, увиденная соответствующая картинка и т.п.
3. «Пусковое событие». Случается непосредственно перед «озарением» и запускает работу уже «активированных» знаний. При этом данное событие не обязательно напрямую повторяет тему «базовой накачки», а может быть связано с ней ассоциативно. Как результат – человека «неожиданно» посещает некая «свежая идея».

Применительно к нашему «Царству Малюток». Думаю, к концу предыдущего раздела все почувствовали, откуда там ветер дует. Уж больно путешествие эльфов похоже на экспедицию Норденшёльда вокруг Евразии, даже в деталях. Нам остаётся только проследить конкретный механизм воздействия той экспедиции на сознание Анны Хвольсон.

1. На дворе 1880-й год. Ане Душевой 12 лет, самый восприимчивый возраст. А вся российская пресса наперебой и взахлёб рассказывает о великом событии – первом за всю историю человечества сквозном прохождении «Северо-Восточного Прохода». На данную тему одна за другой на русском языке выходят толстые книги: «Экспедиции к устьям Енисея...» (1880), «Шведская полярная экспедиция...» (1880), «Путешествие А.Э. Норденшёльда...» (1881), Гранстрем «Вдоль полярных окраин России: Путешествие Норденшёльда...» (1885), Кориандер «В стране льдов и холода: Путешествие бар. А. Е. Норденшёльда...» (1885). И это только книги. У впечатлительного подростка это создаёт базовый информационный фон, сохраняющийся потом всю жизнь.

2. Август 1888 года. Анна Хвольсон, 19, внештатный сотрудник «Задушевного слова» – еженедельного журнала, издаваемого «Товариществом М. О. Вольф». А ещё это «Товарищество» издаёт журнал «Вокруг Света». 1888-й год – год юбилейный для экспедиции Норденшёльда. Ровно 10 лет назад, летом 1878, «Вега»

триумфально прошла вдоль северных берегов России и зазимовала всего в нескольких километрах от Берингова пролива. И по случаю данного юбилея «Вокруг Света» даёт серию публикаций о «русской» фазе той экспедиции (№№ 30-33, 31 июля – 21 августа 1888, сс. 475-476, 491-492, 508, 523-526). В голове молодой писательницы впечатления детства словно оживают.

3. В субботу, 7 января 1889 года, в свет выходит второй фрагмент «Царства Мамлюток» Анны Хвольсон. Ничто пока не предвещает сюрпризов. А на следующий день, в воскресенье 8 января, всё в том же журнале «Вокруг Света» (№1, 1889, с. 12) выходит пространная заметка о зимовке на Новой Земле путешественника Константина Носилова.

[Илл. 09-03-13-1. Журнал «Вокруг Света» от 8 января 1889, №1. Издательство «Товарищество М. О. Вольф» – то же, что и у «Задушевного слова».]

гдѣ, полный радостныхъ ощущений, онъ вырыгнулъ на землю.

Но какъ онъ удивился! Какъ измѣнилось все кругомъ!

Хотя горы стояли на томъ же мѣстѣ, но лѣсовъ не было: мелкій кустарничекъ и поля покрывали откосы. Гдѣ начинался лѣсъ,—высились покрытые мхомъ великаны-деревья. Напрасно искалъ онъ свою хижину. Стройными рядами стояли богатые дома вдоль берега. Деревня рыбаковъ исчезла.

— Три года разлуки, — подумалъ Урашима, — и все кончено.

На мѣстѣ родной хижины, въ которой когда-то заключались все его любовь и счастье, чужие построили новый городъ. Гдѣ же искать родителей? Встрѣчавшихся людей онъ не зналъ, никого не помнилъ. Любопытные, недобрѣчные, изумленные взгляды провожали его.

Его тоже никто не зналъ.

Наконецъ, Урашима осмѣлился подойти къ одному старцу и дрожащимъ голосомъ спросилъ о своихъ родителяхъ.

Тотъ удивленно сказалъ:

— Откуда вы, если спрашиваете о людяхъ, которые жили давнымъ-давно? Но стойте: кажется, имена мнѣ нѣсколько знакомы. Только память слаба. Да, да... теперь припоминаю: еще ребенкомъ я часто слышалъ рассказъ, что давно, извѣстнаго числа лѣтъ, мальчикъ Урашима выѣхалъ въ море и не возвращался. Онъ утонулъ во время бури, а старые родители (онъ былъ ихъ единственнымъ сыномъ) отъ горы умерли... Лѣтъ триста прошло съ тѣхъ поръ. Теперь нишуть 825, а тогда 477, кажется. Это можно прочесть на ихъ гробовомъ камнѣ: они умерли въ тотъ же годъ.

Потресанный до глубины души этимъ извѣстиемъ, Урашима, шатаясь, пошелъ на старое кладбище у склона горы, гдѣ покоился прахъ его родителей. Это священное мѣсто удѣляло отъ дѣйствія времени, такъ какъ японцы благоговѣнно заботятся о прахѣ умершихъ и даже незнакомыхъ могилы украшаютъ зеленью.

Съ плачемъ бросился несчастный къ гробовому камню, посвященному дорогимъ именамъ; отчаяние овладѣло имъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить тому, что видитъ, но все подтверждало слова понавшагося ему на дорогѣ старца. Погибло, все погибло! Но неужели онъ одинъ пережилъ столько поколѣній?

Эта мысль заставляла Урашиму вспомнить о ящикѣ, данномъ ему Сентъ-нинъ.

— О, еслибы здѣсь найти средство, — воскликнулъ онъ, — изгнать злое волшебство, которое такъ издѣвается надо мной, населяя родное чужимъ и новымъ... Еслибы воскресить старое!

Забывъ предостереженіе, онъ тихо отворилъ крышку: изъ раскрытаго ящика поднялось легкое, клочковатое, серебристое облачко и улетѣло къ вѣчно-зеленому острову.

Въ тотъ же мигъ Урашиму облялъ холодъ: волосы его побѣлѣли, глаза потухли, глубокія морщины избороздили лицо, зубы выпали, онъ весь согнулся, задрожалъ; дыханіе становилось слабымъ и слабымъ, сердце не билось.

Онъ покачнулся и трупомъ упалъ на могилу родителей.

***

Въ ящикѣ была жизненная сила, которая даетъ вѣчную молодость.

С. Кронъ.

ХРОНИКА ПУТЕШЕСТВІЙ.

Зимовка ученаго на Новой Землѣ.

Въ настоящее время зимуетъ на Новой Землѣ путешественникъ К. Д. Носиловъ. Онъ задался цѣлью изслѣдовать геологическое строеніе острова. На это дѣло ему потребуются, какъ полагаютъ, не менѣе четырехъ лѣтъ. Г. Носиловъ уже переживалъ одинъ годъ на Новой Землѣ. Это время дало ему возможность собрать обширную коллекцію фауны острова и чрезъ Архангельскъ отправить ее въ Петербургъ. Не малую коллекцію также составлялъ путешественникъ и по флорѣ и геологіи страны. Въ виду генетической связи Новой Земли съ породами Уральскаго хребта, берушаго свое начало отъ Ледовитаго Океана какъ разъ противъ южной оконечности острова, г. Носиловъ занялся изслѣдованіемъ строенія почвы и открылъ въ ней залежи всякихъ рудъ, угля и пр. Къ числу этихъ залежей относятся: 1) одинъ рудникъ золотой; 2) два мѣдныхъ; 3) одинъ рудникъ сѣры; 4) четыре пріиска угольных; 5) одно мѣсторожденіе желѣза. Всѣ эти рудники, какъ намъ сообщаютъ, отиѣчаютъ требованіямъ технической разработкѣ и обѣщаютъ богатую эксплуатацію. Кроме того г. Носиловъ уже успѣлъ произвести много наблюдений надъ мало извѣстною природою сѣвера, записать массу разсказовъ самоѣдовъ, произвелъ метеорологическія наблюденія, свѣлъ планы съ 2,200 квадратныхъ верстъ земли, 1,700 верстъ изъ которыхъ приходится на одну внутреннюю часть острова, еще не снятую на карту; производилъ наблюденія надъ движеніемъ льдовъ въ Карскомъ морѣ

лѣтомъ и зимою; произвелъ еще береговую съемку на 118 потонныхъ верстахъ. Последняя работа дала важные результаты; онъ открылъ три новые острова, лежащіе вблизи Новой Земли, одинъ изъ которыхъ тянется на 25 верстъ вдоль берега и имѣетъ 5 верстъ ширины. Островъ этотъ г. Носиловъ назвалъ своимъ именемъ, а другой, островомъ Посѣта, т. е. въ честь бывшаго министра путей сообщенія. Свои работы на Новой Землѣ г. Носиловъ продолжаетъ и зимою, и лѣтомъ. Нитшнюю зиму г. Носиловъ проводитъ на устьѣ Маточкина Шара. Здѣсь путешественникомъ устроена вторая метеорологическая станція; она поставлена имъ въ избѣ Размыслова. Изба эта сохранилась тутъ еще съ 1796 года, когда сюда заходили русскіе изслѣдователи. Отсюда г. Носиловъ будетъ совершать свои поѣздки вънутрь сѣвернаго острова для съемки его береговъ, материка и рельефовъ. Во время этихъ поѣздокъ путешественникъ намѣренъ достигнуть мѣста стоянки извѣстнаго Пахтусова, уже удостоившагося постановки памятника въ Кронштадтѣ, и стоянки Э. Беренса. Здѣсь главнымъ образомъ занимается путешественникъ разселеніемъ животнаго царства. Предстоящимъ лѣтомъ г. Носиловъ намѣренъ выѣхать на одной изъ норвежскихъ яхтъ въ устье Енисея и прослѣдить путь движенія льдовъ въ Карскомъ морѣ, а равно и глубину этого послѣдняго, со снѣгомъ моря на карту и съ указаніемъ данныхъ замѣреній. Вообще путешественникъ намѣренъ сдѣлать все, что необходимо для знакомства нашего съ полярными морями. По возвращеніи изъ Сибири осенью 1889 года, г. Носиловъ намѣренъ обогнуть сѣверную оконечность Новой Земли и чрезъ Норвегію возвратиться въ Петербургъ.

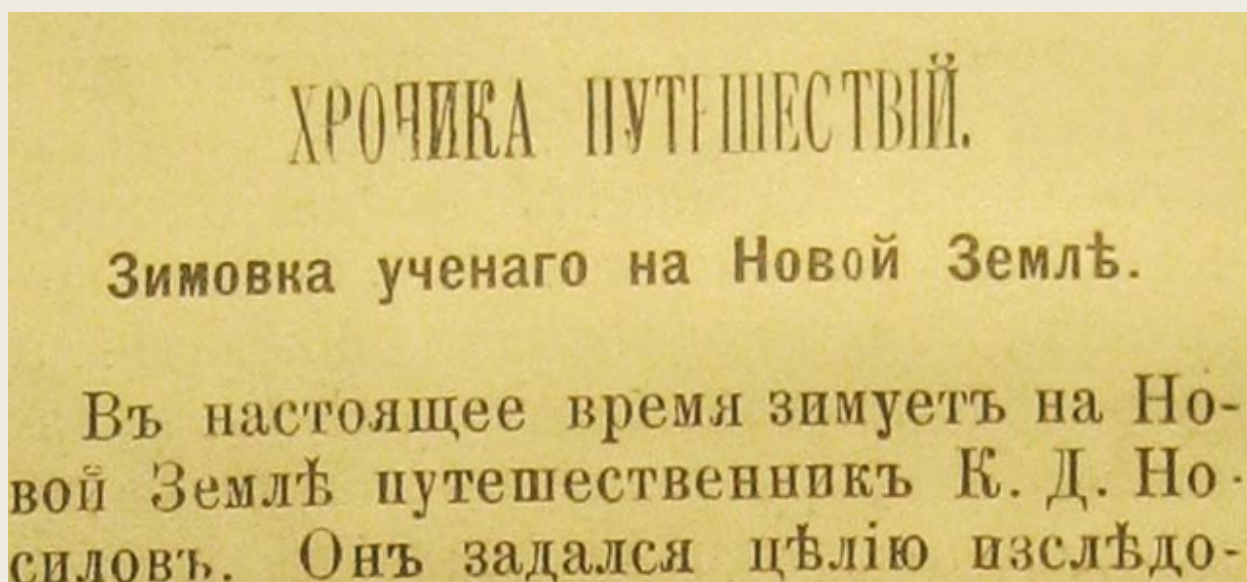
С. А. Юрьевъ.

Некрологъ.

26-го декабря скончался председатель Общества драматическихъ вѣстелей Сергій Андреевичъ Юрьевъ. Покойный давно уже страдалъ нервнымъ расстройствомъ и имѣлъ рядъ нервныхъ ударовъ. Въ послѣднее время болѣзнь осложнилась воспаленіемъ легкихъ. С. А. пользовался большою популярностью въ Москвѣ, но эта популярность едва ли выходила изъ его предѣловъ. Всѣми своими достоинствами, своею оригинальностью, своимъ недостатками, онъ принадлежалъ Москвѣ. Это была типическая личность, о которой разсказывалась алегготы. Покойный Писемскій съ обычной жѣ-

[Илл. 09-03-14-1. Там же, с. 12. Заметка о начале второй зимовки Константина Носилова на Новой Земле.]

[Илл. 09-03-14-2. Там же. «Зимовка учёного на Новой Земле».]

Вот что, оказывается, произошло между 7 и 14 января 1889 – заметка о Новой Земле в журнале «Вокруг Света» от 8 января. И «полярная экзотика» Новой Земли запускает процесс «полярного хода мыслей» Анны Хвольсон, внутренне к этому уже готовой (см. «базовая накачка» и «активация»).

Заметка о зимовке на Новой Земле была написана как нарочно так (возможно, что и без задней мысли), как если бы её автор целенаправленно пытался кодировать читателя на слово «зимовка». Вот самое её начало:

Зимовка ученого на Новой Земле (заголовок). В настоящее время зимует на Новой Земле путешественник К. Д. Носилов. Он задался целью исследовать геологическое строение острова. На это дело ему потребуются, как полагают, не менее четырёх лет. Г. Носилов уже перезимовал один год на Новой Земле... и т.д.

(Редакционная заметка «Зимовка учёного на Новой Земле». Журнал «Вокруг Света», № 1, 1889, с. 12, раздел «Хроника путешествий»)

Не забыта была и ещё одна безотказная деталь, фиксирующая сознание читателя. Золото.

Носилов <...> открыл в ней залежи всяких руд. <...> 1) один рудник золотой.

(Там же.)

[Илл. 09-03-14-3. Там же. «Золото».]

Этого всего оказалось более чем достаточно, чтобы тема «полярных зимовок» и «полярных путешествий» мгновенно запустилась в сознании писательницы и выплеснулась на страницы её сочинения. И потекла там по хорошо ей известному с детства сценарию – полярная зимовка Норденшёльда, прохождение северо-восточного пути Норденшёльда, и плавание кругом Евразии – всё того же Норденшёльда.

Хронометраж даёт тут следующее. Поскольку на день 8 января материал для ближайшего номера «Задушевного слова» (№11, который выйдет через шесть дней, 14 января) был уже запущен в производство, то новый поворот сюжета мог начать реализовываться только со следующего номера – а именно с 21 января. Именно так всё и было, в точности.

Так у эльфов началась их собственная «зимовка» (как у Носилова и у Норденшёльда), завершившаяся (как у Норденшёльда) прохождением «Северо-Восточного Прохода» – вторым, к слову, в истории. По крайней мере в этом направлении.

Дальнейший маршрут эльфов также совпадает в деталях с маршрутом Норденшёльда: Китай, Индия и далее вокруг Евразии. И точно также первой европейской страной у эльфов, как и у Норденшёльда, становится именно Италия.

Всё связано. Когда Анна Хвольсон пишет строки о полярной зимовке и полярном плавании эльфов – в это самое время Константин Носилов (инициировавший зимовку и полярное плавание эльфов) стоит зимним лагерем на Новой Земле у подножия горы Митюшёв Камень.

Вот они: Залив, и Остров, и Горы вершина.

Сила отдачи

Волшебная сила искусства Анны Хвольсон была столь велика, что оказала обратное влияние на свой собственный первоисточник – на цикл историй о «брауни» Палмера Кокса.

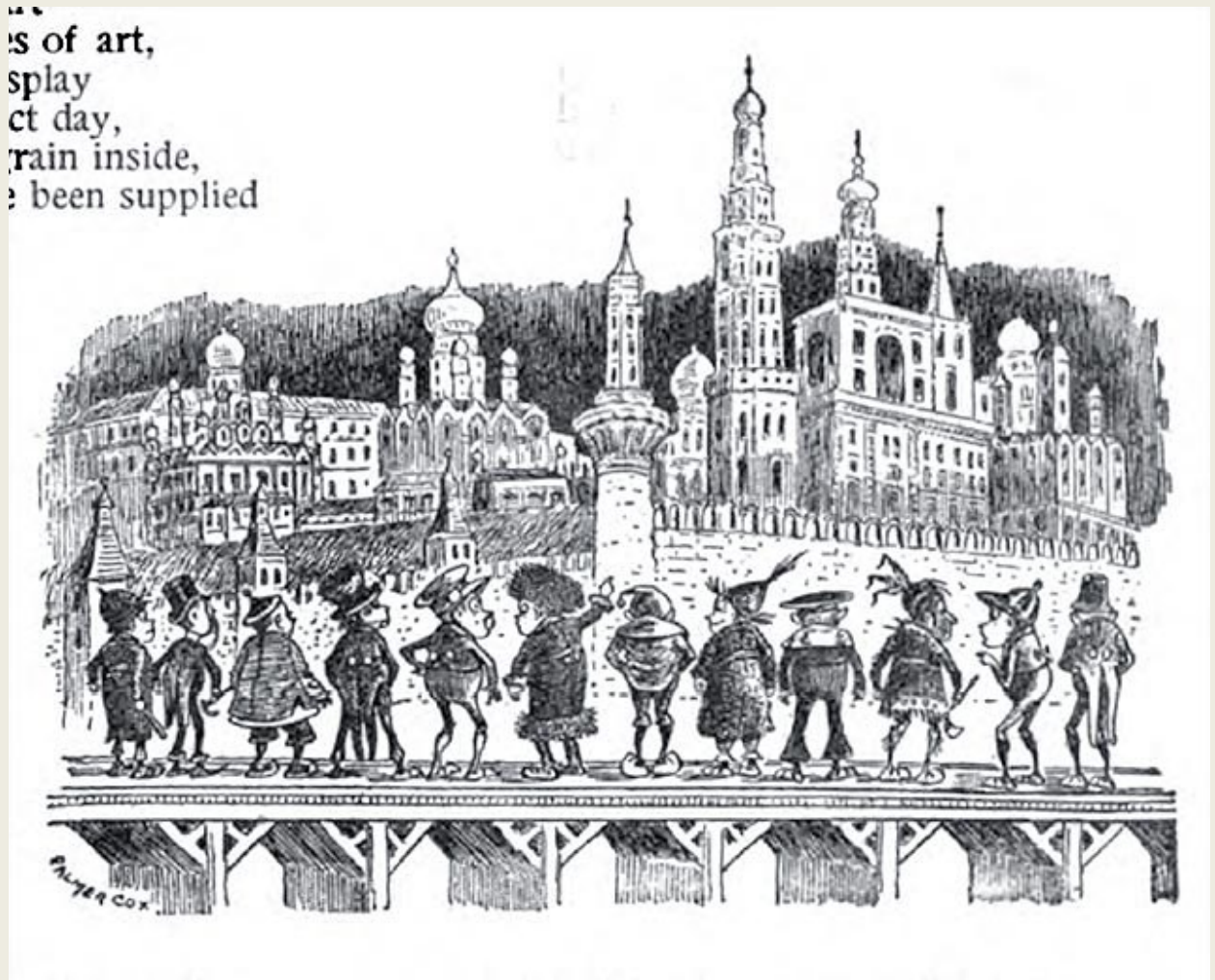
Как мы помним, «брауни» были домоседами. Один раз они попытались, было, путешествовать («The Brownies' Voyage»), но этот опыт окончательно убедил их в правильности исходной ориентации.

И вот, три года спустя после триумфального путешествия эльфов Анны Хвольсон вокруг Евразии, «брауни» Кокса в спешном порядке были командированы их автором в такую же кругосветку.

К этому времени Кокс уже сменил издание и публиковал свои истории в журнале «Ladie's Home Journal». И вот там в течение целого года (начиная с декабря 1892) развернулась настоящая трэвел-оргия «брауни», охватившая все те страны, которые три года назад посетили «эльфы» – а сверх того ещё и многие другие. В этом последнем пункте особенно хорошо прочитывается скрытое желание автора превзойти предшественницу на её же поле.

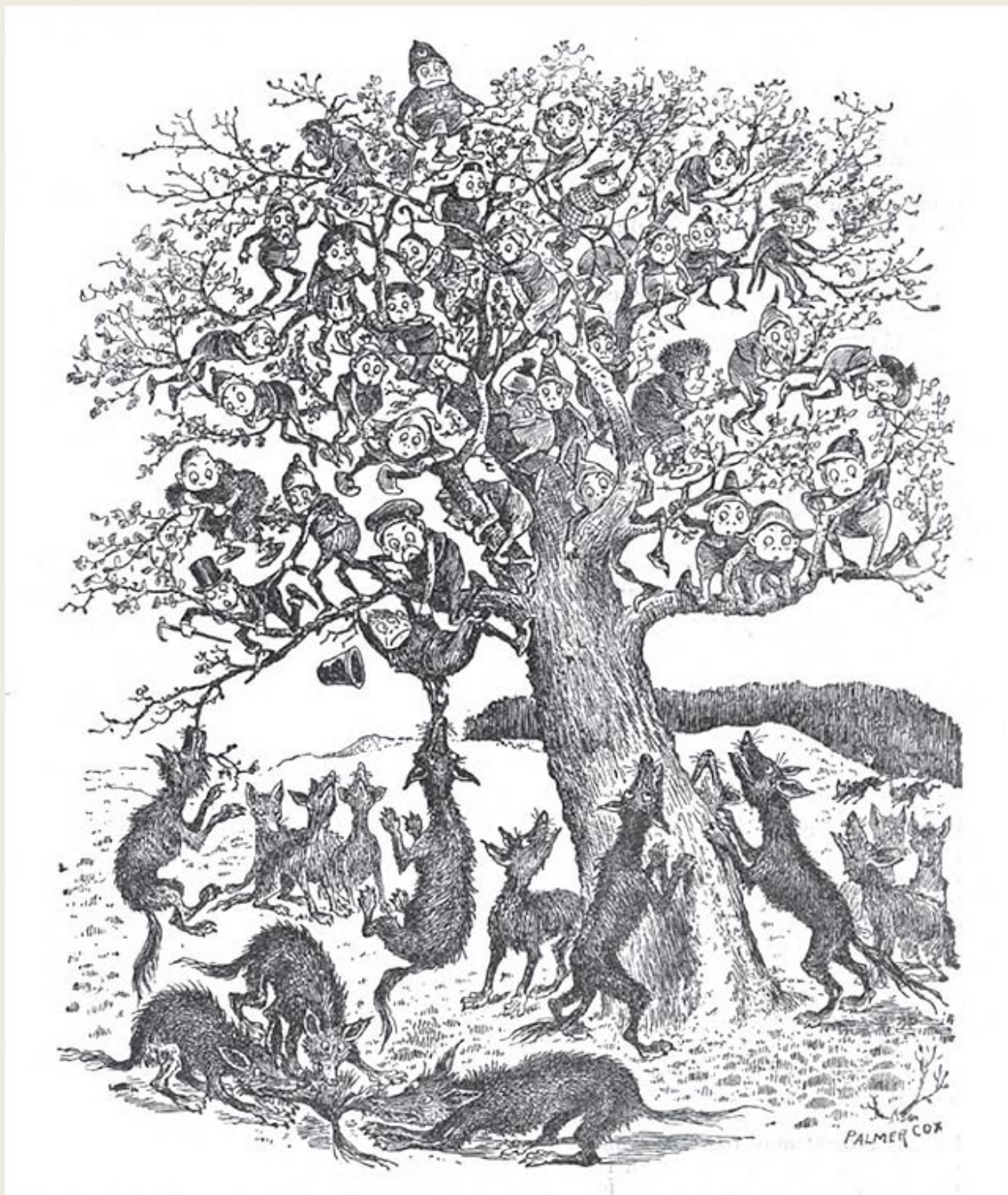
На следующий год всё это вышло уже отдельной книгой («The Brownies Around The World», 1894).

Посетили «брауни» и Россию. Где они, хоронясь от бомбометателей, отравителей и охранителей, полюбовались с Немцова моста панорамой Кремля («That glowed in Oriental style»), а потом, оказавшись за городом, вынуждены были спастись от голодных волков на дереве.

[Илл. 09-03-15-1. Палмер Кокс, Брауни любуются Кремлём. «Ladie's Home Journal», сентябрь 1893, т. 10, № 10, с. 11.]

[Илл. 09-03-16-1. Там же. «Брауни» на русских просторах спасаются от волков.]

После России «брауни» посетили Китай и Японию. А потом началось самое интересное.

Похоже, что «норденшёльдские» корни путешествия «эльфов» Анны Хвольсон были столь очевидны современникам, что Кокс посчитал необходимым также направить своих «брауни» в полярный регион.

Так «брауни» совершают вояж по Арктике – на оленях, собачьих упряжках и плавучей льдине. Спасаются там от белых медведей, шарахаются от моржей и пугают сами себя гипотетическими чудовищами («the monsters of the deep»).

Тем временем льдину с путешественниками прибывает к берегу. И тут мы видим ещё один привет от Носилова:

At length against the darkened skies
They saw rough Mount Verstova rise,
Clad in its robes of white and gray
And overlooking Sitka Bay.

(Palmer Cox, «The Brownies in the Polar Regions». «Ladie's Home Journal», November 1893, v. 10, №12, p. 11.)

Ключевое слово здесь – «Ситка». Деревянный форт на небольшом острове у южных берегов Аляски, куда при большом желании можно доплыть регулярным рейсом из Сан-Франциско. Крохотный, забытый богом посёлок.

Через который всего четыре года спустя хлынут неисчислимые толпы золотоискателей, рвущихся на Клондайк через перевал Чилкут. Чтобы грести там лопатой мифическое «золото Арктики», многократно и втуне озвученное Носиловым.

В завершение стоит лишь добавить, что эта самая «Ситка», расположенная на острове в ледяном океане, ещё недавно называлась «Ново-Архангельском», который всего за 25 лет до визита сюда «брауни» являлся столицей «Русской Америки» и в котором её Верховный Правитель и товарищ Матюшкина по северным путешествиям Фердинанд Врангель жил с семьёй как раз в то время, когда Пушкин писал свою «Сказку о царе Салтане», повествующую о некоем волшебном острове в северном океане, над которым Борис Голицын увидел внутренним взором, с помощью Билибина-Хokusайя, виртуальную «великую гору», воплощённую в Ситке в реальной горе «Верстовой» («Mount Verstova»), вознёсшейся ровно на версту прямо за фортом и изображённой на рисунке Палмера Кокса с большой точностью и мастерством.

[Илл. 09-03-17-1. «Брауни» видят форт «Ситка» у берегов Аляски. Справа – гора «Верстовая». «Ladie's Home Journal», ноябрь 1893, т. 10, № 12, с. 11.]

На этом путешествие «брауни» заканчивается.

Прямые следствия

В жизни всё просто. Норденшёльд и Носилов, сами того не ведая, отправили эльфов в кругосветку, а книгу Анны Хвольсон – в большое плавание.

«Царство Малюток» стало реально культовой книгой, трижды переиздававшейся (не считая журнальной публикации) с 1898 по 1914 годы. Влияние эльфов на два следующих поколения соотечественников было больше, чем у всех членов Священного Синода вместе взятых.

От Стравинского до Ландау, от Гумилёва до Ойстраха, от Хлебникова до Плятта – все эти люди выросли на книге Анны Хвольсон.

Хотя пересилить «Капитал» Маркса она в результате так и не смогла. Другая часть поколения прельстилась иными сказками.

Но так или иначе, а всё что мы называем теперь «русской культурой» (вкладывая в это каждый своё) – всё это ведёт свои корни из этой невесомой небесной субстанции – беззаботных приключений лесных человечков.

Кроме глобальных следствий, у «Царства Малюток» были следствия и локальные.

Чтобы не ходить далеко за примером, возьмём данную книгу. Роль эльфов отнюдь не ограничивается здесь тем, что они дали материал для текущей главы («Точка роста»). Это само собой. Но есть и другие сюжетные ростки, тянущиеся из той же самой точки. Вот хотя бы, навскидку.

Когда я приступил к работе над главой «Точка роста», мне сразу стало ясно, что написанная ранее глава о Норденшёльде совершенно не достаточна, учитывая ту роль, которую этот человек реально играет во всей дальнейшей истории. Так что я вернулся к главе о Норденшёльде и стал её расширять.

Дело шло тяжело. Больше из желания под законным предлогом отвлечься, чем из действительной необходимости, я стал листать изданный Норденшёльдом атлас старинных карт «Periplus». В принципе, все включённые в него карты я знал и раньше. Но только сейчас я обратил внимание на то, что один из островов на карте Мартеллуса (1489) имеет подозрительно знакомую форму.

Я понял, что эта карта просто просится в эпизод о «Неопознанных Картографических Объектах» (к тому времени уже давно написанный). Так в том эпизоде появился нынешний пункт 5 («Карта Мартеллуса»).

Всё хорошо, но в процессе написания этого «пункта 5» мне потребовалось уточнить традицию русской передачи двух гидронимов — наименований рек «Ochardus» и «Bannsiy». В таких случаях если точно не знаешь угадать сложно.

Написание я проверил. Оно, кстати, так и не пригодилось. Но попутно я натолкнулся на некое сделанное походя упоминание одной любопытной работы немецкого алхимика и астролога Элизареуса Рёслина.

Пришлось мне на время погрузиться в трудные труды немецкого алхимика. А от Рёслина, как известно, недалеко уже и до Гийома Постеля, грандиозность чьей фигуры меня с непривычки просто раздавила. А если принять во внимание, что именно с лёгкой руки Постеля и пошла, судя по всему, новоземельская версия Земного Рая — то не трудно догадаться, что на какое-то время всё остальное для меня перестало существовать, и я на несколько недель (а может веков) рухнул в бездонную пучину старофранцузского чернокнижья.

Как результат — появилась новый эпизод «Контекст» (в главе «Лоция Мерша»), ставший моей небольшой гордостью.

После окончания «Контекста» я честно вернулся к работе над «Царством Малюток». Журнал «Задушевное слово» оцифрован тогда не был (не знаю как сейчас — хотя бы уже потому, что не могу знать ваше «сейчас»), поэтому мне приходилось работать с его подшивкой непосредственно в библиотеке. Ждать выполнения заказа нужно там около часа, который особо нечем занять. Благо, в открытом доступе там имелось некоторое количество недавно изданных книг — которые можно было, коротая время, полистать.

В тот раз мой взгляд упал на автобиографию Стивена Фрая. Для меня он в первую очередь — замечательный киноактёр, а в самую-самую первую очередь — исполнитель роли «Питера» в совершенно шедевральных «Друзьях Питера» («Peter's Friends»).

Книга Стивена Фрая оказалось весьма любопытной, и час ожидания прошёл за ней незаметно. Когда я уже собирался её захлопнуть, на глаза мне попала одна там цитата. Именно «цитата», а не «фраза», поскольку Фрай цитировал другого автора. И эта двойная цитата пронзила мне сердце алмазной молнией лотосовых миров.

Когда же я начал проверять эту цитату по первоисточнику, то увидел, что на самом деле всё тут ещё интересней, чем казалось сначала.

Так в эпизоде «Космос» (в «Лоции Мерша») появился новый фрагмент – «Материя».

Думаю, пора остановиться. Мне становится всё очевидней, что следствия книги Анны Хвольсон о лесных человечках попросту неисчислимы, а по большому счёту – и невычленимы из бесконечномерной ткани саморазрастающегося бытия.

Как оно и должно быть у конкретно реального искусства, типа.

1894: Впечатление

Импрессионизм, он ведь что? Сиюминутность и переменчивость.

Он полностью состоит из дам в колышущихся кринолинах, ситцевых зонтиков, глубоких аквамариновых теней, дрожащих солнечных бликов, весенних цветов, множества цветов, охапок цветов, целых полей цветов, люпинов, колокольчиков, маков, цветущих яблонь, дневного марева, летних пикников, соломенных шляпок, удочек, корзиночек, бутылок, лёгких вин, парижского сумбура, выносных столиков кафе, праздности, моря, курортных романов, тёплого ветерка, умело сервированных закусок, Шаляпина.

А Новая Земля? Это – царство Вечности. Место, где один только день длится две тысячи часов. Здесь ничто не меняется никогда.

Так что – где «импрессионизм», и где «Новая Земля»?

И именно поэтому появление на Новой Земле реального импрессиониста и первого по-настоящему крупного художника я рассматриваю как событие знаковое. А было так.

В начале лета 1894 года двоюродный брат Елены Петровны Блаватской отправился в путешествие по Северной Двине, Белому морю и Ледовитому океану. Звали его Сергей Юльевич Витте, и на тот момент он являлся министром финансов, промышленности и коммерции. Целью путешествия было выбрать место на Терском берегу Кольского полуострова для будущего размещения Северного флота.

Влиятельнейшего министра и доверенное лицо императора сопровождали высокопоставленные чиновники, предприниматели и журналисты; взят был с собой даже художник.

Одним из сопровождавших Витте предпринимателей был никто иной, как мультимиллионщик Савва Мамонтов – совладелец Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства, и что не менее важно в данном случае – крупный пайщик строящейся как раз в это время железной дороги из Вологды в Архангельск. А любую дорогу нужно продвигать.

К середине лета Мамонтов был уже снова в Москве. И сразу пригласил в ресторан опекаемых им перспективных художников – Валентина Серова и Константина Коровина.

Коровин сам только что вернулся из Франции (куда ездил уже третий год подряд) и был полон парижского флёра. А как известно, обратной стороной этого флёра, дающего утончённую лёгкость, становится творческая депрессия. Коровин, после Парижских бульваров, явился в ресторан как раз в такой депрессии.

Как подали «Клико», Мамонтов завёл такой примерно разговор.

– Вы вот такие замечательные художники, просто волшебники кисти. Ещё бы вам на Север съездить – и цены бы вам вообще не стало.

«Художники» насторожились, почуяв неладное.

– А я бы оплатил всё. И впечатление получите, – наседал Мамонтов.

– А не нельзя ли лучше оплатить нам пленэры в Ницце, тоже ведь впечатление, – попробовали сопротивляться художники.

Но Мамонтов гнул своё.

– Опять же, через лето в Нижнем выставка будет. И я как раз собирался специальный павильон для вас там отгрохать, хоромы до небес, чудо что! На всю Россию прогремит. А уж покупателей на ваши шедевры туда съедется... Да сами знаете.

«Художники» все обратились в слух.

– Только вот незадача. Павильон будет называться «Север». Так что и картины нужны, выходит, северные. Сами понимаете.

– Да поняли уже, – кисло вздохнули художники, – не дураки. Ну, ладно... Север так Север. Если уж без этого никак.

– Да о чём тут говорить! Ещё спасибо мне скажете, – подвёл разговору итог Мамонтов. – Так что завтра и отправляйтесь.

Так и пришлось Серову с Коровиным в середине лета 1894 тащиться на какой-то там «Север», который неизвестно где и находится, на севере где-то. Но отказаться – себе дороже. Васнецову предложит.

Описывать это путешествие я не буду, его блестяще описал сам Коровин. Желающие могут прочитать самостоятельно. И как чемоданы собирали, и как от комаров спасались, и как на дерево лезли.

Маршрут был такой же, какой месяцем раньше у Витте с Мамонтовым. По Северной Двине до Архангельска, там на морском пароходе по Белому и Баренцеву морям до Норвегии, потом (в отличие от Витте, который пошёл к Стокгольму) обратно в Архангельск.

Вернувшись в Архангельск Серов сказал «всё, с меня хватит». А Коровин сплавал напоследок ещё на Новую Землю и обратно на рейсовом пароходе «Великий князь Владимир». Заняло это чуть больше недели.

На Новой Земле Коровин пробыл в сумме пару-тройку дней – столько, сколько стоял там его пароход в местах стандартных остановок. От последнего такого места, недалеко от Митюшёва острова, пароход круто взял на юго-запад и напрямик возвратился в Архангельск.

Время для посещения Новой Земли было выбрано Коровиным не самое импрессионистское. Уже шёл сентябрь, тучи, дождь со снегом, всё серое, освещение плоское, ни красок, ни теней.

Люди оказались колоритней. Например, приехавший на охоту австрийский барон, на которого Коровин буквально чуть не наступил, гуляя в чистом поле. Всё-таки процитирую, не могу удержаться:

«Вскоре я нашел венского барона. Постелив на мху плед и повесив над собой простыни на палках, барон лежал в меховом мешке, облокотясь на большие подушки. Перед ним стоял лакей в невероятном костюме синего сукна, с эполетами, подпоясанный широким блестящим поясом и в цилиндре с кокардой; в руках у лакея был серебряный поднос с бокалом и открытой бутылкой шампанского. Все это было так невероятно, что я, что называется, стоял с разинутым ртом.»

(Константин Коровин, «Новая Земля»)

Если подвести итог поездке тремя словами, то Мамонтов не обманул – впечатление художники получили. Тут без вопросов.

Другое дело – насколько соответствовала природе их таланта представшая перед ними натура. Вот тут как раз большой вопрос.

Для Серова, сильно подверженного, как выяснилось, морской болезни, данное путешествие оказалось вообще сплошной мукой. Коровин перенёс его лучше. Но в будущем тоже предпочитал ездить на Ривьеру или в Крым.

И тем не менее, благодаря этому путешествию появилась серия интереснейших работ. Они совершенно не похожи на привычного нам «Коровина», но от этого не менее интересны.

Поскольку цель поездки была чисто прагматическая – набрать материала для оформления павильона «Север» на будущей Нижегородской промышленной выставке 1896-го года – то Коровин в основном налегал на эскизы и наброски, на основании которых в будущем можно было бы писать декоративные панно для оформления павильона.

Так что привязка написанных позднее картин к конкретным местам, закреплённая в их названиях, весьма условна. Всё это – «некие берега и острова» Ледовитого океана, точно схваченные острым взглядом большого художника. Датировка, аналогично, отражает лишь время завершения той или иной картины (большей частью между 1896 и 1900), а отнюдь не момент реального посещения данного места.

Вот лишь несколько, навскидку, коровинских заполярных шедевров. В них есть всё: и густой косой свет, и совершенно особое золотистое небо, и узнаваемые линии сглаженных ледниками гор, и характерная волна – «огибень» – длинные пологие валы без пенных гребней, что долго ходят вдоль и поперёк после давно уже стихнувшего шторма. А самое-самое что в них есть – точно схваченное ощущение Вечности.

[Илл. 09-04-01-1. Коровин, «Птицы на скалах у полярного моря», 1899]

[Илл. 09-04-02-1. Коровин, панно в павильоне «Север», 1896.]

[Илл. 09-04-03-1. Коровин, «Ловля рыбы на Мурманском море», 1896.]

А вот как выглядит Коровин «на самом деле»:

[Илл. 09-04-04-1. Коровин, «Летом» («Сирень»), 1895.]

[Илл. 09-04-05-1. Коровин, «На берегу моря», 1910.]

[Илл. 09-04-06-1. Коровин, «Улица на юге Франции», 1923.]

[Илл. 09-04-07-1. Коровин, «Москворецкий (Немцов) мост», 1914.]

[Илл. 09-04-08-1. Коровин, «Шаляпин», 1911.]

Шестнадцать лет спустя после Северного путешествия, Коровин выстроил себе виллу в Гурзуфе. Две картины из представленных выше он написал именно на ней, угадайте какие.

Назвал он эту виллу «Саламбо». Биографы резонно связывают данное название с одноимённым балетом, оформлением которого Коровин занимался незадолго до того. Но в этом названии проглядывает, однако, и ещё один мотив.

Пристань «Соломбала», с деревянных мостков которой молодой Коровин пустился когда-то в плавание к сказочному полярному острову, который ему так и не удалось тогда до конца прочувствовать и «увидеть», но именно который дал начальный импульс всей последующей истории его реального успеха.

Мгновенное впечатление, сохранившееся на всю жизнь – наплывающая в золотом небе великая гора и тающий за кормой остров-мираж, что открывается лишь внутреннему взору истинно просветлённых.

1900: Испытание

Что-то много у нас стало художников: Коровин, Серов – и ещё тот, который в 1894 плыл по Северной Двине в свите Витте (эпизод «Впечатление») – помните?

С другой стороны, без художников в то время было просто никак. Так что придётся потерпеть.

Звали того художника, что был с Витте, Александр Борисов. И из всех известных мне мастеров кисти он имеет к Новой Земле самое большое отношение.

Сейчас картины Борисова не слишком на слуху, но в своё время в Третьяковской галерее под них был выделен целый зал. Потом, в ходе разных советских модернизаций, зал этот был ликвидирован, а картины – рассеяны по разным провинциальным музеям. Где они в настоящее время, хочется верить, пребывают.

А картины эти действительно очень интересные. В них имеет место редкое сочетание твёрдой академической выучки с очень специфическим и труднодоступным объектом изображения. «Труднодоступным» буквально – с трудным к нему доступом.

Впервые о некоем «художнике Борисове» я услышал от своей бабушки, но тогда пропустил это имя мимо ушей. Для меня в ту пору актуальны были Хуан Миро и Павел Филонов – а тут какой-то «академический Борисов».

Но сейчас я охарактеризовал бы для себя его работы, как «по-своему уникальные».

А насчёт «академичности» тут так. Представьте, что вам нужно послать в составе космической экспедиции на неизвестную планету какого-нибудь одного художника – зарисовать неземные пейзажи. На чьей кандидатуре вы бы скорее остановили свой выбор – Малевича или Шишкина?

Вот так же и с Борисовым. Абсолютное большинство людей на этой планете никогда не были, и так никогда и не будут на Новой Земле. А Борисов на ней был – и смог всем остальным её показать. И показать её очень хорошо, с большим пониманием предмета.

Однако роль Новой Земли в судьбе самого Борисова не столь однозначна. Чтобы правильно её оценить следует представлять хотя бы в общих чертах некоторые исходные позиции его биографии.

Для начала даю слово Сергею Юльевичу Витте:

«Во исполнение <...> поручения, данного мне Императором [Александром III, поехать на Север и найти незамерзающую гавань для флота], я и решился отправиться туда летом 1894 года.

Я уже указывал лиц, ехавших со мною, – но, кроме них, в самый последний момент я прихватил еще одного молодого человека – Борисова, который год, как учился рисованию в здешней Академии художеств.

Борисов был сын одного архангельского мужика. Попал он в Академию художеств из Соловецкого монастыря; он имел влечение к живописи, и отец как то пристроил его в Соловецкий монастырь, в тамошнюю живописную, в которой рисуют образа. В Соловецком монастыре его нашел генерал Гончаров, который обратил внимание на то, что у этого крестьянского мальчика большой талант. Гончаров притащил его в Петербург и поместил его здесь в академию Художеств, причем за Борисова в академию художеств в складчину платило несколько человек; Кази, между прочим, обыкновенно обращался и ко мне для ежегодного за него взноса в академию художеств.

Вот поэтому, я этого крестьянского мальчика Борисова [на тот момент 28 лет, – прим. моё], находившегося уже один год в академии художеств, и взял также с собою. <...>

В Соловецком монастырь все узнали приехавшего со мною молодого человека – Борисова, который еще так недавно был там – мальчиком-иконописцем. В течение всей нашей поездки он все время рисовал.

Этот самый Борисов сделался теперь одним из известных художников; все его картины большею частью изображают север. Борисов родился на севере, это его стихия. Он каждый год ездил туда, и несколько лет тому назад был на Новой Земле. Теперь он пользуется довольно большим именем в художественном мире.

Я всегда несколько содействовал карьере Борисова; содействовал устройством выставок картин его, как в Берлине, Лондоне, так и в Америке, так как в Америку он приехал через несколько лет после Портсмутского договора, когда еще мое имя пользовалось там большою популярностью и, так как я ему дал рекомендательное письмо к президенту Рузвельту, вследствие чего Рузвельт принял Борисова весьма радушно – и это все послужило тому, что его выставки всюду имели блестящий успех.»

(С.Ю. Витте «Воспоминания», т. 1 «Правление Александра II и Александра III», гл. 17 «О моей поездке на Мурманское побережье»)

А вот версия самого Борисова:

«Родился я в 1866 году в деревне Глубокий Ручей, Вологодской губернии, Сольвычегодского уезда, на берегу Северной Двины. Детство провел среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не спокойна. Мысли мои неслись куда-то далеко-далеко <...>

Долго боролся я с неотступной мыслью оставить родительский дом. Наконец, 18-ти лет <...> я достал себе тихонько от отца годовой паспорт <...> и уговорил мать весной пойти в Соловки на недельку – поклониться святыне. Мать, не подозревая ничего, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали в Соловки, я сказал ей, что назад я с ней не пойду, что у меня есть уже и паспорт. <...>

В 1885 году Соловецкий монастырь посетил Е. И. В. Великий князь Владимир Александрович, и обратил внимание на мои шестимесячные успехи. Это дало мне сильный толчок и сыграло в жизни моей огромное значение. В 1886 году приезжал в Соловки добрейший А. А. Боголюбов, который и вывез меня впоследствии в Петербург. В Петербурге я сначала поступил в рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств, а затем вольнослушающим в академию художеств. В 1895 г. я сдал экзамен по научным предметам и поступил в число действительных учеников. <...>

Много меня ободрил дорогой Илья Ефимович Репин, который написал восторженные статьи в печати о моих картинах, и мой незабвенный учитель И. И. Шишкин, который поставил меня на твердую дорогу, заставив изучать рисунок. <...>

Советы второго моего учителя, дорогого А. И. Куинджи, раскрыли предо мной новые горизонты в смысле колорита. <...>

Благодаря стечению обстоятельств и поддержке вечно мною оплакиваемого М. И. Кази, летом 1896 года я попал на Новую Землю. <...>

К счастью, мои начинания встретили могущественную поддержку в лице министра финансов С. Ю. Витте. Этот человек верил мне; он представил меня Императору. <...>

В тоже время на работы мои обратил внимание <...> П. М. Третьяков. Удачная продажа ему для его Московской галереи первой серии моих новоземельских этюдов и большой картины <...>, вместе с щедрой субсидией Государя Императора, позволили мне... и т.д.»

(А. А. Борисов, «У самоедов», с. 1-6. По изданию А.Ф. Девриена, СПб, 1907)

Картина, похоже, ясна. Мы имеем дело со сплавом невероятного честолюбия, трудоголизма, недюжинных способностей, трезвого взгляда на жизнь, железной нацеленности на социальный лифт любой ценой, понимания необходимости поддержки со стороны сильных мира сего, умения эту поддержку заполучить, жёсткого характера. Это барчуки да профессорские сынки могут предаваться всяким там «вдохновеньям», он же может рассчитывать только на собственную стальную хватку. При чётком понимании, что какое-то время вначале придётся потерпеть.

Это самое «какое-то время», действительно, несколько затянулось, поскольку Борисов поздно начал. В 1894 ему уже 28 лет, а он для окружающих всё ещё «крестьянский мальчик». Впрочем, он явно на правильном пути, сомнений тут нет. Всего десять лет как он в лаптях и онучах сбежал из Красноборска из отцовской избы, от хлебов и овинов. И можно себе представить, с каким чувством он сейчас в сюртуке и «галстухе» проплывает мимо этого самого Красноборска по Северной Двине в свите могущественнейшего человека империи, к которому их архангельский губернатор должен записываться на приём за пол-года. А Борисов может к нему так просто зайти папироску спросить. Художнику можно.

Жаль, остановки в Красноборске тогда не сделали. А, впрочем – чего тут останавливаться? Красноборск для него отныне и навсегда уже в далёком прошлом.

Но расслабляться Борисову нельзя никак, игра ещё не сделана. И в ней обязательно нужен какой-нибудь козырь, а ещё лучше «джокер».

И тут как раз стала набирать обороты тема Севера. Вот и Коровин с Серовым в ней отметились – а что они могут в этом понимать? И то – просто «на ура» их картины пошли. А ведь Борисов будто для этой темы специально создан. Так что может быть вот он, его «джокер»?

Так в 1896 году, Борисов отправляется на пленэр на Новую Землю, по следам Коровина. Пока на пробу, что получится.

На Новую Землю Борисов попал в канун полного солнечного затмения, приплыв в Малые Кармакулы на одном пароходе с астрономической экспедицией Казанского университета.

В высшем Кармакульском обществе Борисов не замеченным не остался.

В доме, где жила академическая экспедиция, помещались с отцом Ионей ещё трое лиц, прибывших вместе с казанской экспедицией на пароходе «Ломоносов». Один из них был молодой художник Борисов [...] Его можно было встретить при всякой погоде, рисующим на воздухе с натуры.

(Борис Голицын, «Отчёт об экспедиции Императорской Академии наук на Новую Землю летом 1896 года», с. 29. «Записки Императорской Академии Наук», серия VIII, по физико-математическому отделению, том VIII, №1, СПб, 1898)

Само солнечное затмение впечатление на Борисова не очень-то произвело, хотя он его и зарисовал. Однако, похоже, что именно картина «Момент полного солнечного затмения» и придала решающий импульс всей его дальнейшей судьбе.

На материк Борисов вернулся с Новой Земли с последним рейсовым пароходом, привезя с собой целый ворох этюдов и набросков.

И так повезло, что это всё, оптом, тут же скупил Павел Третьяков – отчасти в пику Мамонтову, обошедшему, было, Третьякова в «северной тематике» со своими Коровиным и Серовым. А теперь вот и у Третьякова появился какой-никакой собственный «северный» актив.

А для Борисова это означало прорыв. Он понял: «карта ему пошла». И этот успех нужно срочно закреплять и развивать. То есть – срочно ехать на Новую Землю снова, теперь уже по-настоящему.

Однако у спонсоров свои виды и свои планы. Так что новой Новой Земли Борисову пришлось ждать ещё целых четыре года – пока дошла очередь на финансирование.

Тем временем, чтобы закрепить тему, он «на свои» съездил в творческое путешествие вдоль по Печоре, к Югорскому Шару и острову Вайгач. Что тоже вполне себе Север. Тем более, что путешествие проходило зимой (декабрь 1897- весна 1898).

До Усть-Цильмы добирался на почтовых. По дороге впервые пробовал писать на реальном морозе – на котором стыло не то что масло, а даже скипидар.

С Усть-Цильмы началась собственно Печора. Дорога сюда была живописной, а вот само село Борисову совершенно не показалось.

В художественном отношении это селение [Усть-Цильма] очень бедно. Расположено оно по скучному и однообразному склону к реке.

(Борисов, «У самоедов», с. 14)

Но как это часто бывает, именно пейзаж с Усть-Цильмой станет впоследствии самой знаменитой картиной Борисова этого периода, его фирменным знаком. К ней (и к картине, и к Усть-Цильме) мы в будущем ещё вернёмся.

В этом путешествии Борисов набрался опыта не только художественного. Приобретённое умение «работать» с самоедами впоследствии ему очень пригодится. Вот, навскидку, несколько его наблюдений и реальных ситуаций.

Самоед решается на все, только бы обеспечить себя хоть на некоторое время несколькими бутылками водки. Если нет возможности украсть, тогда он пускается еще на большее. Самоеды упорно убеждены, что если преподнести Сядэю (дьяволу) человеческую голову, тогда непременно Сядэй пошлет богатый промысел. <...>

Я часто говорил с самоедами, что нехорошо приносить человеческие головы Сядэю, что это безнравственно и противно велениям Бога, но мне они отвечали: «Да потому-то мы и делаем это, что противно Богу. Ведь это мы делаем не для Бога (Хая), а для Сядэя (злого духа, дьявола). А дьявол любит, чтобы мы делали худо, и за это нам пригонит много-много зверя и рыбы.» <...>

Они [зыряне] прибавляют туда [в водку для продажи самоедам] перцу, табаку и тому подобной мерзости, чтобы уж очень-то не пахло одной водой. Водка эта зимой замерзает, и ее перевозят льдинами на санях; смотря по требуемому количеству, такую водку откалывают топором или ножом. <...>

Однажды, когда я зашел в соседний чум, самоеды чистосердечно признались мне, что «вот, мол, как ты только показался вон из-за тех холмов, наша старуха и говорит: вон, смотрите, идет какой-то человек, какой он, в тундре пешком, поди, какой недобрый, надо бы его убить; и мы уже вытащили винтовку, чтобы тебя пристрелить, да увидели собаку; а-а, с собакой! Ну, значит, это хороший человек!...» и т.п.

(Борисов, «У самоедов»)

Тем временем ситуация с финансированием Борисова мало-помалу, что называется, «созрела». Свою роль в этом сыграла, я думаю, удачно подоспевшая Великая Золотая Лихорадка на Юконе (Аляске), которая к концу 1899 года как раз достигла своего «информационного пика».

«Лихорадка» началась ровно через 48 часов после того, как астроном Алексей Ганский увидел в теодолит «парящий пик» горы Митюшёв Камень 14 августа 1896 года. И вот через два дня Джордж Кармак нашёл на берегу реки Клондайк крупный золотой самородок.

Не то, чтобы российские государственные ведомства не знали, что Новая Земля находится не на Аляске. Просто ассоциативная цепь «Золото = Юкон = Аляска = Арктика = Новая Земля = золото?» под действием соответствующего информационного фона активировалась в подсознании спонсоров.

Так что деньги на Новую Землю Борисову были выделены и он начал подготовку. Деньги были серьёзные и подготовка была серьёзной. Борисов готовился к этому, как к главному делу всей жизни – каковым оно по факту и оказалось.

Под заказ было построено специальное судно («яхта»), срублен и в разобранном виде привезён в Архангельск большой дом (с окнами только на одну сторону, как это и положено для зимовки), закуплено всё необходимое для двухлетнего комфорта проживания, выписан печник, выделены ставки для персонала, включая тщательно выбранного повара. Не забыты были и скатерти, и крахмальные сорочки, и кровать с шишечками, и тонко составленная карта вин.

С поваром было так. Имелись две возможности: либо взять петербургского повара и натренировать его на северные условия, либо взять северного повара и послать его на стажировку в Петербург. Борисов выбрал второй вариант – и не ошибся.

А всё это делалось потому, что Борисов собирался прожить на Новой Земле целый год, чего до него не делал ни один художник. А значит, ни один художник ещё не видел своими глазами полного набора всех видов освещений, погодных условий и текстур этих мест.

Экспедиция началась летом 1900 года. Дом для зимовки Борисов поставил на берегу Поморской губы пролива «М-шар», окнами на север, с открывающимся видом на Митюшёв остров.

В течение года (лето 1900 – лето 1901) были совершены две большие вылазки (одна по воде, другая посуху) на восточный берег. В ходе первой вылазки яхта в конце концов застряла во льдах и была брошена. Так что тут имело место несколько героических моментов. Но кончилось всё благополучно, всех в результате спасли кочующие самоеды и наши путешественники возвратились обратно в свой дом в Поморской губе.

Все вещи, что были на яхте, включая картины, пропали. Но осталось самое ценное – впечатления. За которыми, собственно, художник и ехал. А впечатлений было хоть отбавляй – и как по тонкому льду пробирались, и как с льдины на льдину прыгали, и как в тузике полыньи переплывали и т.п. А картины – дело нажив-

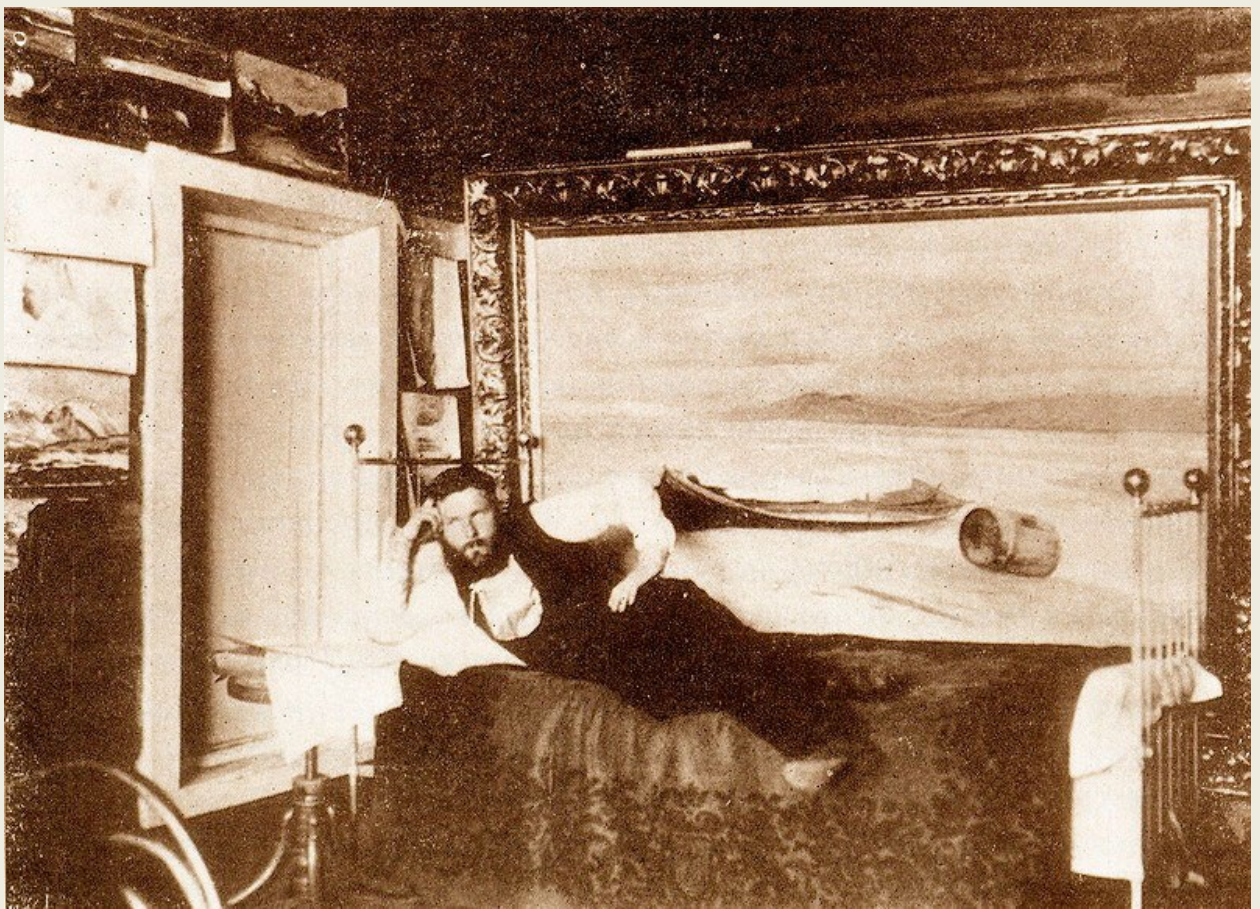
ное, их можно и заново сделать. Чем Борисов в течение зимы со свойственной ему энергией и занимался.

Сама зимовка оставила у Борисова самые приятные воспоминания.

Мы совершенно не заметили, как пролетала зима. Притом мы совершенно не испытали того гнетущего впечатления, на которое жалуются другие путешественники от долгой полярной ночи. С радостным, теплым чувством вспоминаю я до сих пор, как мы провели эту зиму. <...> Я писал пастелью и делал рисунки углем на бумаге.

(Борисов, «В стране холода и смерти», СПб, 1909)

Вот пара фотографий той зимовки, без комментариев.

[Илл. 09-05-01-1. Борисов во время зимовки на Новой Земле.]

[Илл. 09-05-02-1. Встреча Борисовым с компанией Нового 1901 года во время зимовки на Новой Земле.]

В конце лета 1901 года наши путешественники вернулись назад.

И что же осталось в сухом остатке от этих 14 месяцев путешествия?

А осталось глубокое понимание визуальной специфики Новой Земли. И уже в Петербурге Борисов начал писать Новую Землю по-настоящему.

В результате человечество получило целую серию превосходных картин, на которых с полным пониманием предмета запечатлена невиданная доселе реальность – полярный пейзаж.

Самое, на мой взгляд, ценное что есть в этих картинах – это очень точно схваченное ощущение тоски подступающей полярной ночи. Художники-туристы, оказывающиеся на Новой Земле наездом, редко застают этот период года. А Борисов хлебнул его сполна. Светло-серое на тёмно-сером, переходящим в тёмно-тёмно-серое – и один отчаянный солнечный блик, от которого просто сердце разрывается. По-моему, просто великолепно. Вот, посмотрите.

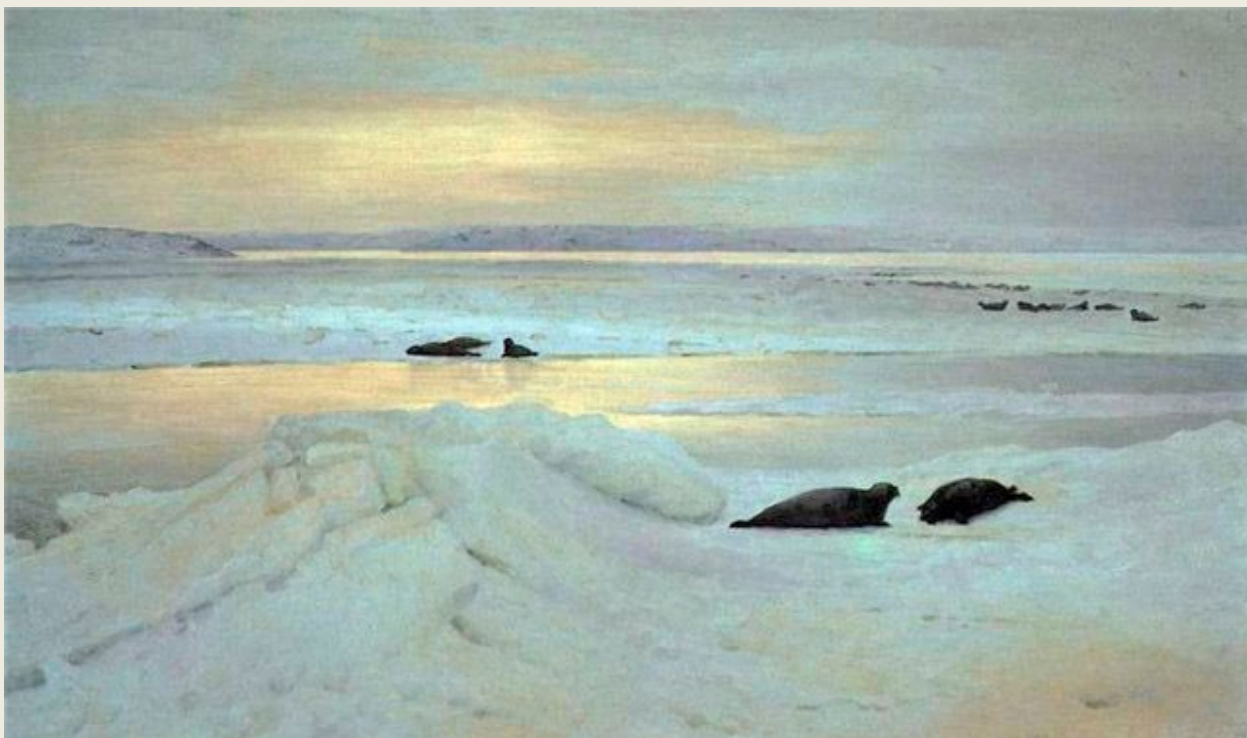

[Илл. 09-05-03-1. Борисов. Льды, серое небо. 1899.]

[Илл. 09-05-04-1. Борисов. Льды, серое небо, тёмный берег.]

[Илл. 09-05-05-1. Борисов. Чёрные тюлени на снегу.]

[Илл. 09-05-06-1. Борисов, «Страна смерти».]

[Илл. 09-05-07-1. Борисов, «Долина реки Маточки».]

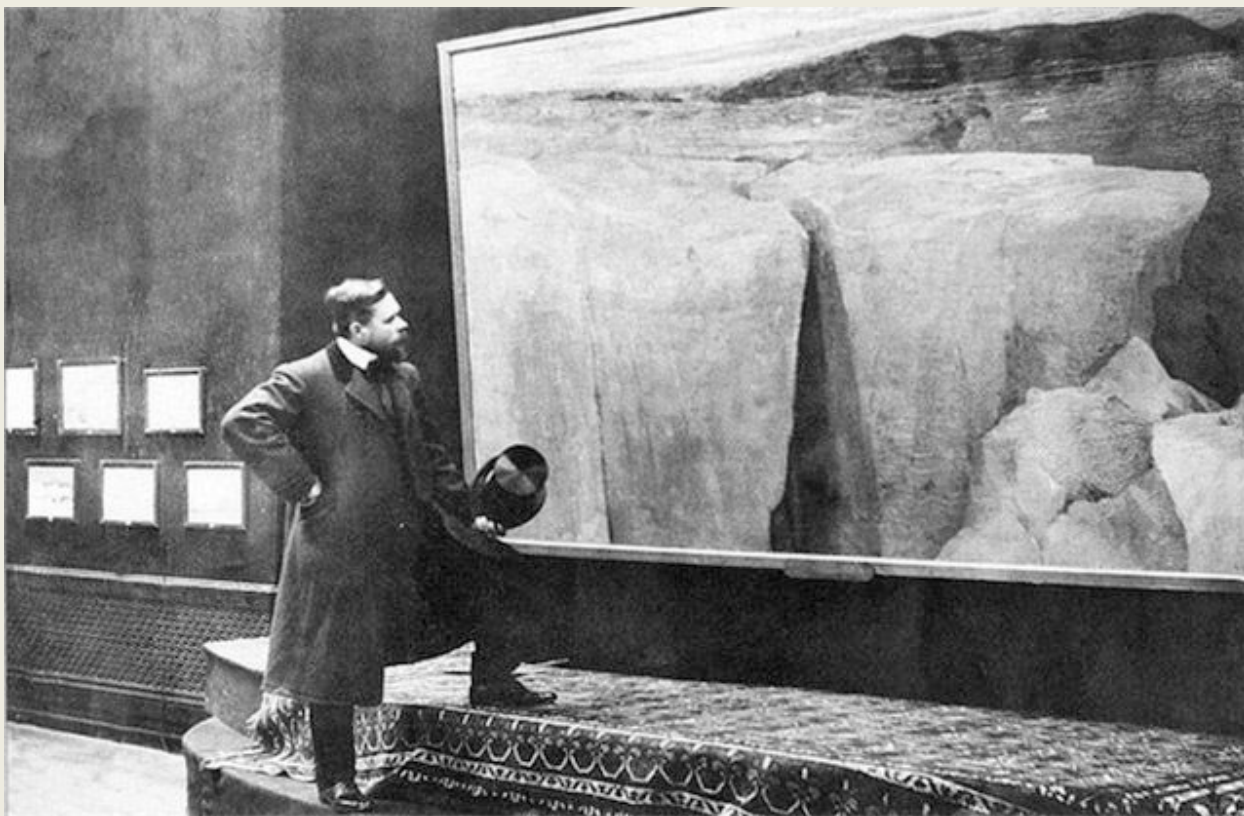
В этом своём восприятии Борисова я не оригинален. Его картины произвели в 1896 году сильное впечатление на петербургскую публику. И не только петербургскую. По возвращении с Новой Земли Борисов мгновенно сделался знаменитым. Новая Земля одномоментно дала ему то, о чём он так страстно мечтал все эти долгие годы.

И тут мы переходим ко второму акту этой пьесы. Теперь уже могу сказать и конкретнее – этой драмы.

Борисову 34 года. По пушкинским меркам ему уже скоро умирать пора, а он ещё толком и жить-то не начинал. Вот, только-только что-то пошло.

Но уж теперь-то! Заказы сыплются со всех сторон, денег стало – девать некуда, газетчики толпятся в сенях в надежде удостоиться хоть словечка для интервью, его картины на чёрном рынке уже подделывать начали. Да что там – сам государь-император перед его полотнами замирает и весь прямо преображается, выставки по всему миру плавно перетекают одна в другую, Европа рукоплещет, ордена засияли на груди – и какие! Орден «Почётного легиона», орден «Святого Олафа», орден «Бани». Президент Соединённых Штатов в Белом Доме в свете софитов руку жмёт – это ему-то, крестьянскому сыну! Вот что значит – суметь развить в себе великий талант. И это всё – только начало.

[Илл. 09-05-08-1. Борисов перед своей новоземельской картиной на выставке.]

Это, действительно, было «только начало». Начало прямой и ровной дороги вниз.

Мода на «Север» за несколько лет прошла, золото на Юконе кончилось, тема отыграла и сменилась новой. И оказалось, что картины Борисова уже не так всем и нужны. Он делает ровно то же, что делал и раньше, даже лучше – а хоть бы какая газетёнка удостоила теперь их парой строчек. Что, вообще, происходит?

А происходила до скуки рутинная вещь – поддавшемуся на Искушение пришёл Счёт на оплату. В 34 года Новая Земля вознесла Борисова на Небо, и все оставшиеся ему следующие 34 года жизни он будет теперь медленно и неотвратно спускаться вниз, во тьму неизвестности.

Борисов строит себе особняк на берегу Северной Двины, около Красноборска, откуда не так уж и давно он сбежал из отцовского дома. Здесь Борисов, конечно, по-прежнему является «местной знаменитостью» – в этом «медвежьем углу», где сельский фельдшер и становой пристав венчают пирамиду высшего общества.

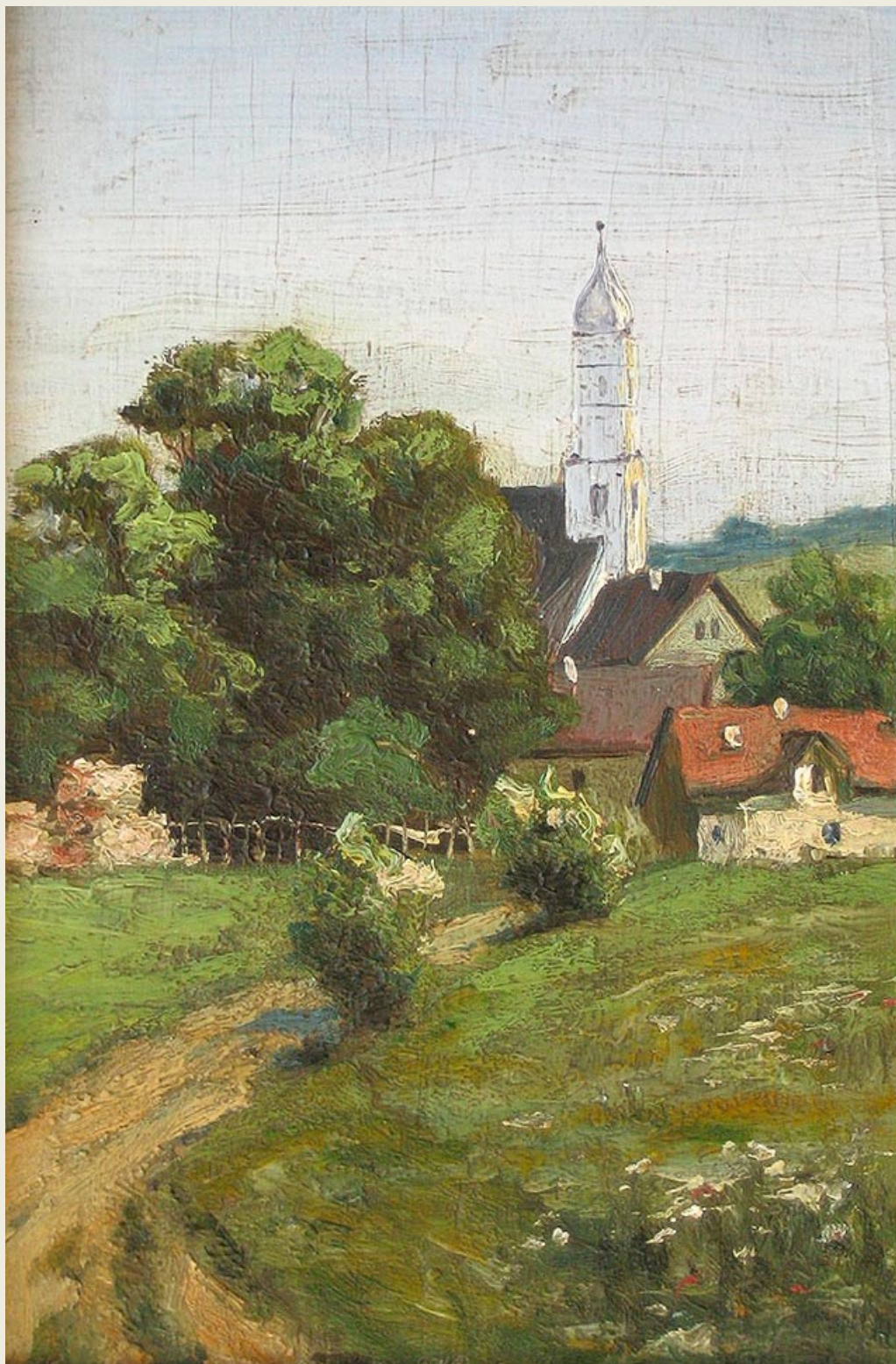
С женой, привезённой из Берлина, Борисов поселяется в Красноборске примерно с 1909 года. Первое время он ещё отъезжает в Петербург и Европу, но эти поездки с каждым годом становятся всё реже и всё короче. С 1914 года он живёт в Красноборске практически безвыездно.

В это время, кстати, он познакомился с моим прадедом, Михаилом Захарычем Арановичем. История этого знакомства плохо документирована, я знаю её со слов бабушки. Её семья жила в Красноборске примерно до 1905 года, а потом они переехали в Усть-Сысольск. Но судя по ряду указаний, Михаил Захарыч приезжал по некому делу в Красноборск в 1913 или 1914 году, брав с собой туда мою 13-

летнюю бабушку. Тогда-то, судя по всему, и состоялось его знакомство с Борисовым.

Бабушка рассказывала, как они с папой ездили к Борисову в усадьбу, как хозяин показывал им свои картины, а Михаил Захарыч, художник-любитель, показывал Борисову свои. Насколько я могу судить, они чем-то друг другу понравились. Вот одна из сохранившихся картин моего прадеда.

[Илл. 09-05-09-1. Михаил Аранович. Пейзаж с колокольней.]

[Илл. 09-05-09-2. Там же. Фрагмент.]

Особое впечатление произвёл тогда на мою бабушку рассказ Борисова о том, как он писал маслом на морозе, используя «живую палитру». Выглядело это следующим образом. Ассистент-самоед поднимал меховую малицу и оголял живот. Борисов смешивал на этом голом животе краски, нужную брал на кисть, а самоед опускал тем временем подол малицы, стараясь не смазать краски на животе. Для нанесения на холст следующего мазка всё повторялось. Не знаю, описана ли Борисовым эта технология в каких-нибудь его публикациях. Бабушке это запомнилось так.

Дело, приведшее моего прадеда в 1913-1914 году в Красноборск, было житейское. Одна из его дочерей, Варя (старшая сестра моей бабушки), познакомилась с молодым человеком (Виктором) родом из Красноборска, и собралась за него замуж. И вот Михаил Захарыч ездил в Красноборск знакомиться с родителями жениха.

Но тут началась Мировая война, Виктора забрали в армию, и с фронта он уже не вернулся. В конце 1915 года Варя получила из Красноборска последнюю открытку от родителей Виктора. В будущем она ещё выйдет замуж – но уже как во сне, ибо сердце её умерло тогда вместе с Виктором. Навсегда.

[Илл. 09-05-10-1. Открытка из Красноборска в Усть-Сысольск от Михаила и Екатерины Соснковских (родителей Виктора) – Варе Аранович, от 19 декабря 1915.]

А Борисов после 1914 года прожил в своей усадьбе близ Красноборска ещё 20 лет. Жена с детьми вскоре вернулась к себе в Берлин. Борисов по привычке продолжал писать маслом, но всё это уже лишилось всякого смысла. Как король Лир, бродил он по этажам своего огромного пустого дома.

Писал Борисов сейчас либо то, что видел в окно (один и тот же вид на Северную Двину), либо всё ту же врезавшуюся в память сцену – сцену мрака, сгущающегося над Новой Землей в преддверии полярной ночи.

Умер Борисов в 1934 году, своей смертью. Чем очень обязал местную «Школу парашютистов», которая тут же и въехала в его всё ещё крепкий дом.

Последней, неоконченной, картиной Александра Борисова стала «Августовская полночь» в Ледовитом океане – сомкнутые льды и кровавая полоска неба, погружающаяся в бесконечную тьму Новой Земли.

10. Пылинка

Чёрный свет – Полное-Частное-Кольцевое – Наблюдатели – Последействие – Бегство – Сила притяжения – Камень – Двойной пик: небо – Двойной пик: земля – Связь – Знак – Daß die – Непроявленная реальность – Царевна Лебедь – Последнее слово

Чёрный Свет

«Зохар говорит о Чёрном Огне, который есть Абсолютный Свет», – написала Блаватская в 1888 году («Тайная доктрина», том 2, Станца 7).

А 9 августа 1896 года, в разгар полярного лета, в 7 часов 35 минут утра Абсолютный Свет залил абсолютной тьмой Митюшёв остров. Землю осветило «Чёрное Солнце». Наступило Затмение.

Полное, Частное, Кольцевое

Чтобы правильно оценить всё значение данного события, нужно знать основные параметры солнечных затмений вообще. Так что – небольшой экскурс в астрономию.

Как ни странно, те или иные солнечные затмения случаются на Земле достаточно часто, два-три раза каждый год. При этом по поверхности Земли пробегает большая размытая тень, сильно слабеющая к краям. Иногда (примерно в одном случае из четырёх) в центре этой тени существует маленькое пятно «полной темноты». Если вы оказываетесь именно в этом «пятне», то видите «Полное затмение», если вне его – то «Частичное затмение» (на астрономическом жаргоне его почему-то называют «Частным»).

Существует, однако, и третья разновидность солнечных затмений. Дело в том, что видимый с Земли размер Луны и видимый размер Солнца очень близки, так вышло случайно. При этом, однако, они почти никогда не равны друг другу точно. И Земля и Луна движутся по эллипсам, поэтому видимый размер и Солнца, и Луны постоянно в небольших пределах меняется. В результате иногда Солнце несколько больше Луны, иногда наоборот.

Так вот, когда Луна точно по центру заслоняет Солнце, но при этом её видимый размер меньше солнечного, то в этом случае на небе появляется узкое огненное кольцо с чёрным кругом посередине. Такое затмение называется «Кольцевым».

Теперь основные параметры. Процесс нерегулярный, поэтому все цифры ориентировочные.

В среднем, затмения случаются на Земле со следующей периодичностью: «Частные» – 1 раз в 5 месяцев, «Кольцевые» и «Полные» – 1 раз в 1,5 года каждое.

Приведённые цифры вовсе не означают, что увидеть «Кольцевое» или «Полное» затмение просто. Они случаются хоть и часто, но видны бывают на очень небольших участках земной поверхности. Поэтому возникает закономерный вопрос – а как часто можно видеть их в некой конкретной, наперёд заданной, точке?

Тут так. «Полные затмения» в некой произвольной точке земной поверхности случаются в среднем 1 раз в 500 лет, а «Кольцевые» – 1 раз в 300 лет. То есть, в масштабах человеческой жизни, очень редко.

И, наконец, нам осталось понять, как часто можно видеть в заданной точке земной поверхности «Частные затмения». Ответ тут менее однозначный, и вот почему.

Как я уже говорил, во время солнечного затмения (не важно какого типа) по Земле движется огромное размытое пятно. О его размерах можно составить представление по следующему конкретному примеру. Когда над Новой Землёй стояла полная темнота, то в Москве при этом Солнце было закрыто тенью больше чем на половину, а некоторое слабое (но не-нулевое) затемнение наблюдалось даже в Кашмире и в Кабуле.

Поэтому говорить просто о факте «Частного затмения» достаточно бессмысленно, если не указывать при этом «силу» этого затмения в интересующей нас точке. Данную «силу» (степень) выражают в зависимости от целей в разных показателях, в нашем случае наиболее наглядной является «степень затемнённости» («Obscuration»), то есть отношение всей площади солнечного диска к той его части, которая закрыта Луной в максимальной фазе затмения. Так, $Obs.=0,66$ означает, что закрыто 66% площади солнечного диска, $Obs.=1$ – что затмение «Полное».

При том, что практически в любой точке Земной поверхности исчезающе слабые «Частные затмения» наблюдаются чуть не ежегодно, хоть сколько-нибудь сильные «Частные затмения» происходят крайне редко. Например, «Частные затмения» с силой $Obs. > 0,95$ происходят в конкретной точке Земной поверхности 1 раз в 50 лет и реже.

Так вот, затмение над Митюшёвым островом в 1896 году имело силу $Obs.=0,988$. Граница «полной тени» прошла всего в 80 километрах от острова. Это было самое сильное «Частное затмение» в данной точке за 200 лет, то есть за весь XIX («электрический») и весь XX («атомный») век.

Тройку же самых сильных здесь затмений за этот период (с 1800 по 2000) составляют затмения следующих годов: 1896, 1927 и 1990. Сила этих затмений была $Obs. = 0,988$; $0,952$ и $0,980$ соответственно (данные NASA, eclipse.gsfc.nasa.gov). К этим датам стоит в будущем присмотреться внимательней.

Теперь о затмениях совсем редких. За все интересующие нас двести лет, «Огненное кольцо» (затмение «Кольцевого» типа) зажигалось в небе над Митюшёвым островом вообще лишь единожды – в апреле 1957 года. При этом оно стало са-

мым сильным здесь «Кольцевым затмением» за последние как минимум 35 веков (дальше у меня просто нет данных).

И, наконец, «Полное затмение» в последний раз имело здесь место в 1587 году – в тот именно год, когда на карте мира впервые появились первые новоземельские топонимы (карта из «Атласа» Ортелия, издания 1587), вскоре за которой последовала и первая в истории карта с указанием названия «М-шара» («Mateskin sark», 1593) из «Атласа» Де Йоде.

Остаётся лишь сказать, что до 1587 года самое близкое по времени «Полное затмение» имело место над Митюшёвым островом в 1370 году.

Наблюдатели

Как видим, затмение 1896 года на Новой Земле стало событием исключительным. Понятно, что мировая астрономическая наука никак не могла остаться от него в стороне.

На Новую Землю отправились целых три группы астрономов – две русские (Академии Наук и Казанского университета), и одна – английская (смешанная, от разных научных организаций).

Направились они все, однако, не в самый центр затмения, а в ближайшее к нему удобное (с точки зрения проживания) место – крохотный посёлок Малые Кармакулы в 120 километрах к югу от Митюшёва острова. Два-три дома (как считать) плюс церковь (это святое).

Экспедиция Академии Наук стала в чём-то показательной, так что возьму за точку отсчёта именно её.

Собирали экспедицию всем миром.

Годом раньше на Новой Земле уже побывал сотрудник Академии адъютант Феодосий Чернышев, так что он выступил теперь главным экспертом по подготовке (хотя сам в этот раз не ехал). Отправлялись на месяц, но Чернышев настоятельно рекомендовал брать продуктов на год – мало ли что. Так что у «поставщика военного ведомства» Азибера были закуплены в соответствующем количестве консервы, консервированная зелень и пряности. На природе консервы Азибера показались всем очень вкусными.

Ещё Чернышев порекомендовал привезти с собой ездовых оленей. Архангельский губернатор Энгельгардт вызвался добыть этих оленей и доставить их по назначению.

Владелец северной железной дороги Савва Мамонтов подарил экспедиции не только бесплатный проезд в обе стороны, но и выделил под это дело два отдельных вагона.

Флотское начальство предоставило в распоряжение экспедиции морской транспорт «Самоед», так что дожидаться рейсового парохода необходимость отпала.

И даже Артиллерийское ведомство не осталось в стороне. Оно снабдило экспедицию образцами новейшего оружия (с расчётом на его испытание) – четырьмя невероятно мощными и скорострельными «трёх-линейными магазинками».

Не были забыты и актинометры, анемометры, барографы, барометры, гелиографы, гигрографы, гигрометры, психрометры, рефракторы, самописцы, спектрографы, статоскопы, магнитные теодолиты, термографы, фотометры, футштоки и хронометры, не говоря уж о запасных элементах Лекланше.

В самом начале экспедиции произошёл один трагический случай, который все участники восприняли, как грозное предзнаменование. Ещё по пути из Москвы в Архангельск механик экспедиции повёл себя в высшей степени странно. В Вологде он вдруг выказал сильные признаки «меланхолии и умопомешательства», по-

том «лицо его совершенно изменилось, выражение глаз стало очень ненормальное». В Великом Устюге механик умер.

Эта внезапная смерть одного из участников экспедиции, в самом начале путешествия, оставила на всех очень тяжёлое впечатление.

(Борис Голицын, «Общий обзор деятельности экспедиции», с. 7, «Записки Императорской Академии Наук», серия VIII, по физико-математическому отделению, том VIII, №1, СПб, 1898)

В остальном всё шло пока вроде по плану. Без препятствий добрались до Архангельска, произнесли приличествующие моменту тосты на устроенном в их честь банкете, пересели на военный транспорт и благополучно доплыли до берегов Новой Земли, любясь необычайно красивыми и сильными радугами.

Уже перед самым прибытием имело место странное «видение», связанное с «раздвоением гор»:

Подходя к берегам Новой Земли, мы были свидетелями <...> миража. Горы <...> представлялись раздвоенными. <...> Под влиянием аномальной [так в тексте] рефракции берега Новой Земли показались нам очень крутыми.

(Голицын, с. 13)

Экспедиция Казанского университета ехала с меньшей помпой, на общих основаниях. Но и они неплохо добрались до Малых Кармакул на рейсовом пароходе «Ломоносов». Вместе с ними на пароходе ехали и просто туристы, желающие наблюдать затмение – студенты (один по фамилии Авенариус) и даже художник (уже знакомый нам Александр Борисов).

Прибытие в Малые Кармакулы транспорта «Самоед» береговые самоеды приветствовали пальбой из собственной пушки времён Смутного времени. Перед каждой зарядкой шаман три раза дул в ствол, потом его подручные начиняли его какими-то смесями, поджигали фитиль и опрометью бросались врассыпную. И правильно делали – при каждом залпе пушка подлетала и несколько раз переворачивалась в воздухе.

Учёные ответно приветствовали самоедов тремя залпами корабельных орудий системы Гочкиса.

Чуть позже прибыла английская экспедиция, включая самого директора Оксфордской обсерватории Эдварда Стоуна (Edward Stone). Участников доставил к берегам Новой Земли на собственной яхте член Парламента сэр Джордж Баден-Пауэлл (George Baden-Powell), путешествующий с супругой, леди Пауэлл.

Оставшиеся до затмения дни учёные провели в замерах всего что только можно измерить поименованными приборами. Петербуржцы, чтобы деревянная поверхность не пропадала зря, пристроили свою мини-обсерваторию прямо к церковной стене. Казанцы наладили лабораторию магнитных измерений в самоедском чуме (Отчёт проф. Дубяго, «Учёные записки Имп. Казанского унив-та», 1896, №11, «Университетская летопись», с. 1-9). Сэр Джордж дал званый обед.

Провели генеральную репетицию затмения. Все делали предполагаемые действия, а зоолог Якобсон отбивал палкой по доске секунды. Наконец всё было готово.

Кроме погоды. Ещё в Архангельске опытный губернатор Энгельгардт, сам недавно плававший на Новую Землю и всячески поддерживавший науку, высказывал, тем не менее, здравые сомнения в технической возможности наблюдения Солнца на Новой Земле, где в этот сезон густые облака покрывают землю восемь дней в неделю.

На месте наши астрономы скоро убедились, что Энгельгардт был абсолютно прав. Реальность оказалась удручающе реальной. Из 26 суток, что экспедиция Академии Наук находилась на Новой Земле, непробиваемая облачность имела место 25 суток с половиной. То есть за почти целый месяц незаходящего полярного солнца, выдалось всего несколько часов, когда это самое солнце хоть сколько-то проглядывало сквозь облака.

Это звучит мало правдоподобно, но именно эти несколько часов ясного неба как раз и выпали на момент затмения.

Итак, наступило 9 августа, 7 часов 34 минуты и 35 секунд утра местного среднего времени. И Время остановилось.

От возникшей картины все просто ошалели. Чуждый всякой сентиментальности, бывший морской офицер, а ныне учёный-физик князь Голицын при описании этого момента перешёл на стихи в прозе. Даже зоолог Якобсон на мгновение застыл и не отбил палкой по доске одну из положенных секунд, длящуюся с тех пор вечно.

У всех замечалась какая-то особая суетливость, торопливость...

Это быстрое, таинственное надвигание темноты производит особо сильное впечатление и кажется чем-то зловещим.

Вся окрестность приняла буроватый, мрачный оттенок, как будто солнце светило через густую мглу.

Горы, которые резко виднелись на горизонте, казались тёмно-синими, тени на них были совсем черные; облака вместо белых стали коричневыми.

Перед самой полной фазой, темнота <...> увеличивалась чрезвычайно быстро, но, казалось, неравномерно, как-бы уступами.

Но вот исчез последний сегмент солнца и на небе сразу вспыхнули планеты.

Это внезапное появление планет на небе, по-видимому, более всего сначала поразило всех. С исчезновением последнего солнечного луча появилась чудная солнечная корона с её волнистыми, довольно неопределёнными контурами.

Во время полной фазы было сравнительно довольно светло, как от освещения солнечной короной, так и от освещения облаками у горизонта, лежащими вне тени луны.

Горизонт на юге был оранжевого цвета, как после солнечного заката.

Окружающие предметы, как-то горы, яхта в заливе и прочие были видны довольно отчётливо.

Корона казалось матовой, почти белой или с очень слабым цветным оттенком.

Кроме планет были видны и звезды первой величины.

Особенно эффектен был тот момент, когда вновь брызнул первый солнечный луч.

(Голицын, с. 36-37)

То, что увидели и почувствовали наблюдатели, никак не передают кадры кинохроник, запечатлевающих всякие-разные затмения. Это надо видеть самому. А может быть, как мы скоро увидим, как раз не-надо.

Как сказал поэт,

В «Каноне Масуда» такой есть рефрен:
«Космос – большой, но волну не гони».
Есть Санта-Елена-де-Уаирэн –
а есть – Сан-Франциско-де-Юруани.

А по поводу собственно «солнечной короны» в «Каноне Масуда» сказано следующее:

Что касается «хвостов», видимых вокруг затмеваемого Солнца, то <...> это – туманные образования, поднимающиеся <...> вблизи огня. Возможно, что одно из свойств Солнца – выпускание дыма.

(«Канон Масуда», кн. 8, гл. 11)

Во время затмения самоеды тоже притихли. Весь месяц они с ужасом наблюдали как Белые Шаманы в их чуме считают качания маятника и колдуют, определяя локальную напряжённость гравитационного поля. А сейчас вот они похитили с неба Солнце. Теперь точно быть войне.

Вечером участники всех трёх экспедиций собрались было вместе, но почему-то вскоре все разошлись, желая остаться наедине со своими впечатлениями от увиденного.

На этом основная часть экспедиций закончилась.

Последействие

На следующий день после затмения сэр Джордж дал званый ужин на борту своей роскошной яхты. К столу он вышел во фраке, а леди Пауэлл – в струящемся вечернем платье и бриллиантовых подвесках. Чем сильно напрягла русских гостей, явившихся к столу в армяках и поддёвках.

Это, впрочем, не помешало формальному руководителю академической экспедиции, директору Пулковской обсерватории Оскару Баклунду на берег уже не возвращаться и следующим утром отбыть в норвежский Хаммерфест на яхте сэра Джорджа.

Остальные участники экспедиции в ожидании обратного парохода совершили вылазку вглубь острова на несколько дней. Доверия военного министерства наши астрономы, однако, не оправдали.

Артиллерийское ведомство, отпуская экспедиции 4 трех-линейные магазинки новейшего образца, просило её доставить сведения о действии стрельбы из этих ружей по белым медведям. К сожалению, однако, академической экспедиции ни разу не пришлось встретиться с белым медведем, а потому она и была лишена возможности доставить какие-либо сведения о разрушительном действии этих новых ружей при стрельбе по крупному зверю.

(Голицын, с. 77)

А потом пришёл пароход и всех забрал.

На этом можно было бы поставить точку. Если бы не ряд последовавших событий, растянувшихся на несколько лет.

Через несколько месяцев по возвращении в Англию с Новой Земли умер директор Оксфордской обсерватории Эдвард Стоун, так и не обработав толком результатов своих наблюдений (1897).

В следующем году, в самом расцвете сил, умер и сам инициатор плавания к Новой Земле, владелец и капитан яхты, сэр Джордж Баден-Пауэлл (1898).

С участниками русской экспедиции тоже творилось что-то неладное.

Как я уже говорил, в самом начале путешествия механик академической экспедиции Г. Абрам без всякой видимой причины сошёл с ума и умер в дороге (1896).

Далее, князь Борис Голицын, являвшийся фактическим руководителем экспедиции (Баклунд был здесь скорее «свадебным академиком»), учёный до мозга костей, через какое-то время неожиданно для всех вдруг оставил науку (1899).

Формальным поводом стало то, что министр финансов Витте (упорно отказывавшийся признавать талант своей двоюродной сестры) предложил Голицыну взять на себя руководство экспедицией. Только не научной экспедицией на Новую Землю, а «Экспедицией заготовления государственных бумаг» (нынешний Гознак). И Голицын почему-то согласился.

Что на этом посту делал талантливый физик понять трудно. Разве что одно – пережидал Судьбу. В «чёрном свете», пролившимся тогда на Новую Землю, он увидел, похоже, нечто такое, от чего посчитал необходимым держаться как можно дальше.

Только через девять лет после экспедиции Голицын рискнул вновь вернуться в науку и продолжить познание мира. Угроза должна была уже миновать.

И, наконец, ещё один участник экспедиции, молодой астроном Алексей Ганский. По возвращении с Новой Земли он спешно уехал в Париж (1897). Как он надеялся, навсегда.

Бегство

Молодой астроном Алексей Ганский после возвращения с Новой Земли вскоре уехал в Париж.

И уехал весьма удачно. Потому что в Париже он после Сорбонны сразу попал в научную группу к одному из ведущих астрономов мира, Пьеру Жюлю Жансену. Тому самому Жансену, который за 28 лет до того, во время затмения в Индии, впервые зафиксировал в спектре солнечной короны ранее неизвестную спектральную линию D3 (5875,6 ангстрем).

Вообще-то всяких линий в спектре короны имеется предостаточно. Но именно данная линия оказалась судьбоносной. Она принадлежала, как сразу предположил Жансен (и что впоследствии полностью подтвердилось), новому, неизвестному доселе элементу. Который мы знаем сейчас как «гелий» («солнечное вещество»).

И вот не к кому-нибудь, а к знаменитому открывателю «гелия» устроился на работу Алексей Ганский.

В науке же в целом было беспокойно. Всего за несколько месяцев до экспедиции Ганского на Новую Землю, в самом конце 1895 были открыты какие-то фантастические «Х-лучи», проникающие через всё и вся. Полиция принимала превентивные меры по защите Нью-Йоркской Биржи и Федерального Резерва, ажиотажным спросом пользовались специальные шляпы, предохраняющие владельцев от просвечивания их мыслей.

Никто не понимал, что это такое, и как так может вообще быть. Но это – было. А раз стало возможным даже такое, то отныне возможным стало вообще всё что угодно.

И «что угодно» не заставило себя долго ждать. Буквально через пару месяцев, весной 1896, появились новые «лучи», пуще прежних. Они исходили уже даже не от «лучевой трубки» (всё-таки специальное научное устройство, с чем ещё хоть как-то можно было смириться), а буквально от голого камня (конкретно – сульфата уранила-дикалия). И эти лучи могли уже не то что просвечивать мысли, а просто оставить ожог на теле через одежду (каковой и получил их открыватель, Антуан Беккерель).

Только-только успел ожог зажить, как на сцену вышли новые персонажи, уже совсем злые бесы – некие «полоний» и «клавдий», или как там его, «радий». Этот вообще светился вечно, не убывая. Просто ужас.

А тут ещё Маркони начал пугать всех какими-то своими третьими «лучами», грозясь вот-вот переплюнуть ими Ламанш. Публика уже устала бояться, но когда Маркони через два года Ламанш этими лучами таки-переплюнул, все снова вздрогнули. Творилось чёрте что.

Вот в такой обстановочке Ганский и продолжил свою научную карьеру на безопасном удалении от Новой Земли. Его специализацией стало всё, что так или иначе связано с Солнцем – «солнечная корона», «солнечные гранулы» и «солнечные пятна».

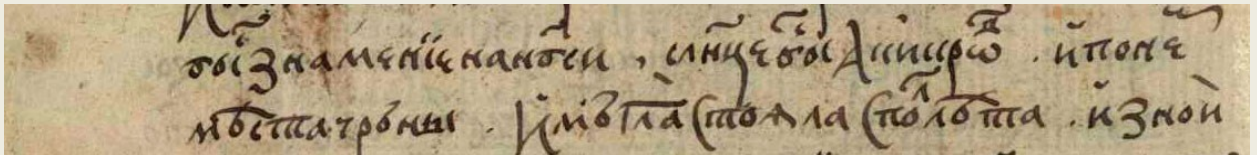
Не знаю, как насчёт «короны» и «гранул», а с «солнечными пятнами» в год отъезда Ганского за границу имело место одно странное совпадение, которое могло быть воспринято как знак.

В 1897 году Археографическая комиссия отпечатаала, наконец, в типографии Скороходова третий (и всё ещё не последний) том «Никоновской летописи», издание которой тянулось к тому моменту уже четверть века. Конкретно данный том охватывал события с 1362 по 1424 годы.

И там, под годом 1365 значилось следующее:

...бысть знамение на небеси, солнце бысть аки кровь, и по немъ места чръны

(«Никоновская летопись», список Оболенского, РГАДА, ф. 201, оп. 1, док. 163, л. 474 об.)

[Илл. 10-05-01-1. Никоновская летопись, список Оболенского. РГАДА, ф. 201, оп. 1, док. 163, л. 474 об. «Места черны».]

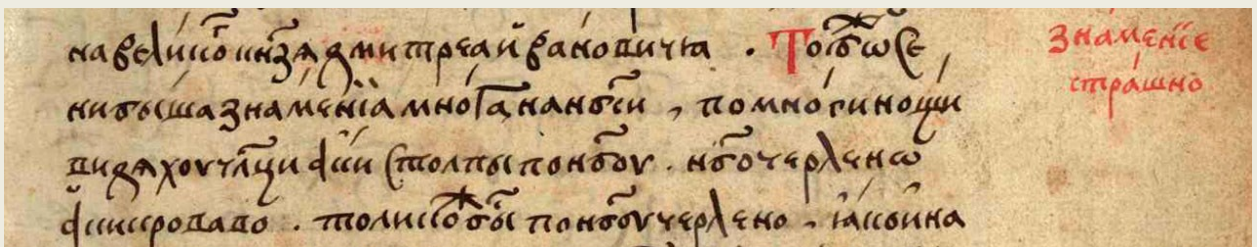
Это – самое первое упоминание в русских летописях пятен на Солнце (ставших видными сквозь дым торфяных пожаров необычно сухого лета).

«Никоновская летопись» до 1897 года уже однажды издавалась (с 1767 по 1792 год, в 8 томах), однако данное место про «солнечные пятна» было по необъяснимой причине тогда опущено. И вот теперь его впервые опубликовали.

Чуть ниже в той же «Никоновской летописи» есть ещё одно интересное место (за 1370 год):

Знамение страшно. Тое же осени быша знаменія многа на небеси, по многи ноци видяху человеци аки столпы по небу, небо черлено, аки кроваво.

(Там же, л. 485)

[Илл. 10-05-02-1. Там же, л. 485. «Знамение страшно».]

Речь здесь идёт, конечно, о «полярном сиянии», наблюдавшемся в тот год в необычно низких широтах. Но не в этом дело.

Данное «знамение страшно» произошло именно в тот год (1370), когда Митюшёв остров Новой Земли, с которой только что вернулся Алексей Ганский, покрывало «полное солнечное затмение» – одно из трёх за всю обозримую историю Руси (1131, 1370 и 1587).

И на этой вот информационной волне Ганский приступает к изучению «солнечных пятен» и «протуберанцев». В Париже.

Сила притяжения

Научная карьера Ганского в Париже уверенно, впрочем, пошла вверх. Он провёл множество исследований и наблюдений, ездил в командировки, девять раз поднимался на один только Монблан, летал на воздушном шаре, посещал «Мулен Руж».

Однако тем, с чем он в результате вошёл в историю науки, стало не это, а его ранняя работа о возможной связи между количеством «солнечных пятен» и формой «солнечной короны». Работа, написанная сразу по возвращении с Новой Земли под впечатлением от «неземного свечения» вокруг «чёрного солнца», явленного ему 9 августа 1896 года.

В парижский период его жизни, отношение Ганского к Новой Земле было двойственное. С одной стороны, Арктика его влечёт, он даже пару раз участвует в соответствующих научных экспедициях (на Шпицберген). Но при этом Новая Земля определённо вселяет в него какой-то безотчётный ужас.

Об этом можно судить по его неопубликованному докладу о специфике научных исследований в Арктике (1902, Архив РАН, ф. 543, оп. 11, док. 24). То, что доклад так и не был опубликован, для наших целей является даже плюсом, поскольку в рукописи, не подвергшейся белой редактуре, наряду с грамматическими ошибками сохранилось самое ценное – эмоции.

И что же это за эмоции? А это – ощущение экзистенциального ужаса перед Севером, как таковым. И дело совсем не в том, случилось ли там с Ганским конкретно что-то плохое или нет. Мы видим здесь некие смутные предчувствия. А они настоящих учёных никогда не обманывают.

Вот лишь несколько цитат из этого доклада. Тут важна тональность:

Смерть уже коснулась нашей планеты...

Перенесясь на далекий север, мы перенесемся в то далекое будущее, до которого нам не дожить...

Смерть уже начала свое опустошительное действие.

Два белых пятна ярко видимы даже с ближайших планет, суть самые верные признаки умирания...

Не даром с глубокой древности люди питали какой-то суеверный ужас к полярным странам. Их заклинали неведомыми существами, чудовищами...

Только любознательность заставила людей преодолеть этот страх перед неведомым и пуститься на дальний север...

Как только осенью, в начале сентября появятся отдельные льдины <...> нужно бросить скорее все и бежать оттуда, пока еще не поздно...

(АРАН, ф. 543, оп. 11, док. 24, лл. 2, 2 об., 8 об.)

Собственно, Ганский всё уже сказал. Он «бросил скорее всё» после некоего видения на Новой Земле, и «бежал оттуда» во Францию, «пока было ещё не поздно». Тут всё как на ладони.

В таком вот «единстве и борьбе противоположностей» Ганский и проводит восемь лет в Париже. Но что-то, наверно, потихоньку в небесах меняется. Вот, например, коллега Ганского по новоземельской экспедиции, князь Борис Голицын, возвращается в 1905 году опять в науку – и ничего плохого с ним не происходит. Может быть и Ганскому уже можно вернуться? Надо попробовать.

Так, в том же 1905 году, не столь уже молодой Алексей Ганский договаривается с Белопольским о месте в ново-образуемом Центре по изучению Солнца при Пулковской обсерватории и переезжает снова в Россию.

Камень

Есть Судьба, и есть Жребий. Иногда они действуют заодно, а иногда – в противофазе.

В 1905 году Ганский возвращается в Россию. И с этого момента мы видим, как его начинает стремительно засасывать в воронку Судьбы.

Вскоре после возвращения, Ганского посылают в рутинную командировку в Крым. Выполнив намеченное и уже возвращаясь назад, он проезжает верхней дорогой над Симеизом. За очередным поворотом его глазам предстаёт совершенно невероятная картина.

На невысокой прибрежной горе белеют купола неведомой астрономической обсерватории. Это было всё равно, что увидеть на маленьком пустынном островке в Ледовитом океане сказочный город «князя Гвидона» с башнями, теремами и золотыми куполами, выросшими здесь за одну ночь.

Оправившись от шока, Ганский узнаёт, что это – обсерватория на горе «Кошка» местного астронома-энтузиаста, владельца земель вокруг Симеиза, Николая Сергеевича Мальцова (или – Мальцева).

Сразу по возвращении в Петербург, Ганский пишет Мальцову взволнованное письмо.

И тут Фортуна выступила, наконец, на стороне Ганского. При безукоризненной работе Почтового ведомства Российской Империи, это письмо совершенно неподобающим образом пропало, не дойдя до адресата.

На этом бы всем и остановиться. Но Судьба сильнее Фортуны. Выждав значительное время, Ганский повторно отправляет письмо Мальцову. И на этот раз мгновенно получает самый горячий отклик, буквально телеграммой. Мальцов просто жаждет встретиться в Ганским.

Встреча происходит в Царском Селе. На ней Мальцов сходу сообщает о своём желании подарить эту обсерваторию, а также землю, на которой она стоит, лично Ганскому.

Тут Фортуна предприняла вторую слабую попытку отвратить Судьбу. Ганский неожиданно отказывается.

Однако в голову ему приходит хорошая, как ему кажется, идея. Он поговорит с руководством Пулковской обсерватории, и если там согласятся, то может быть Мальцов подарит свою обсерваторию прямо этой организации?

Мальцов ради науки согласен на всё. Но Пулковская обсерватория – учреждение казённое, просто так оно сделать не вправе ничего. И третий раз у Ганского появляется шанс, что дело утонет в казённой волоките и камнем ляжет на дно. Но решение неожиданно быстро проходит через Академию, и его тут же утверждает Государственная Дума.

Как только Пулково оказывается в состоянии принять дар, Мальцов без промедления оформляет дарственную. Дело сделано.

Директор Пулковской обсерватории, уже знакомый нам Оскар Баклунд (с которым Ганский 12 лет назад плывал на Новую Землю) принимает вполне разумное в данной ситуации решение – раз Ганский заварил всю эту кашу с Симеизом – так пусть он сам туда и едет налаживать дело.

Так, в 1908 году Алексей Ганский отбывает в Симеиз, где на горе «Кошка» его ожидает новенькая дарёная обсерватория.

Дальше всё происходит просто, коротко и чётко. Ганский приезжает в Симеиз, идёт купаться в море и тонет, стукнувшись головой о камень.

Двойной пик (небо)

Просматривался ли этот «камень» в судьбе Ганского заранее? Вопрос сложный. Известно, что на Новой Земле Ганский увидел некий крайне встревоживший его «знак», но все обстоятельства, с этим связанные, приходится восстанавливать по крупицам.

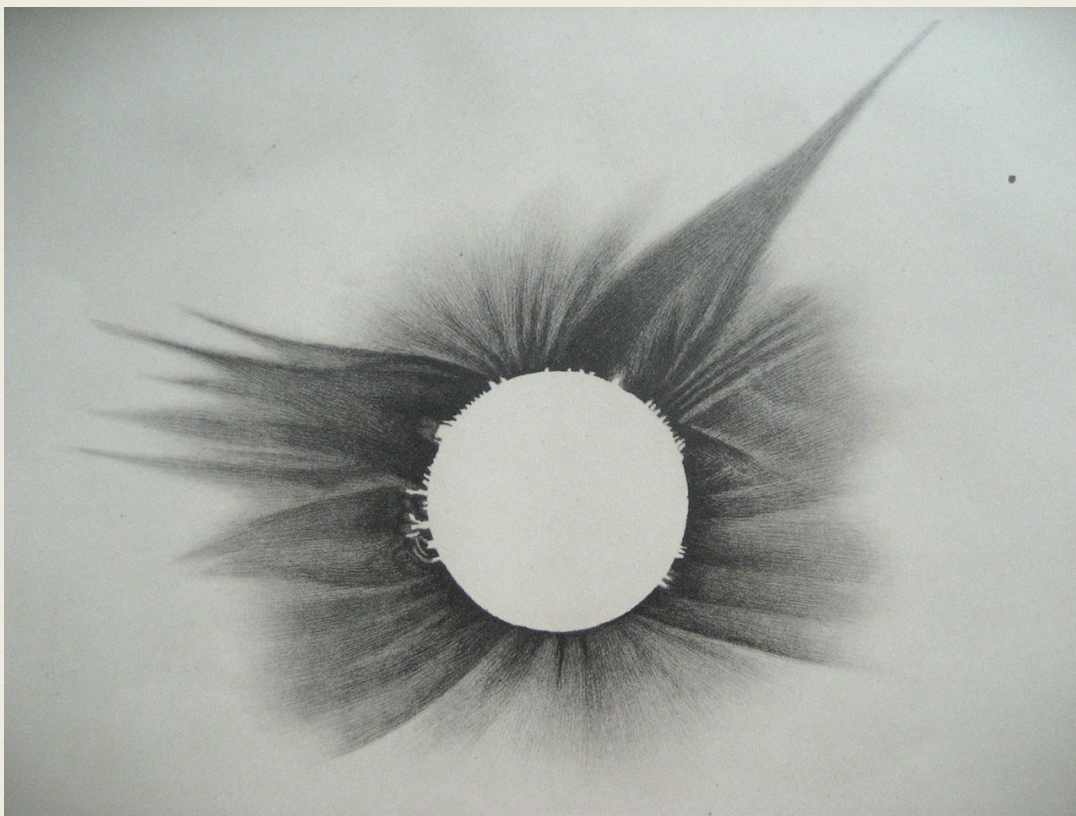
Мы точно знаем, что во время затмения Ганский не ограничился фотографированием солнечной короны, он её ещё и зарисовал «со всеми подробностями и особенностями» (Голицын, с. 38). При регистрации небесных явлений это была, впрочем, обычная практика, поскольку предполагалось (по крайней мере – допускалось), что ориентированные на узкую задачу приборы видят не всё, что может воспринять человеческий глаз (или что там ещё есть).

Благодаря этому у нас сейчас имеется возможность сравнить – что было в тот день в небе над Новой Землёй «на самом деле» (снимок) – с тем, что во всём этом «увидел» Ганский (рисунок).

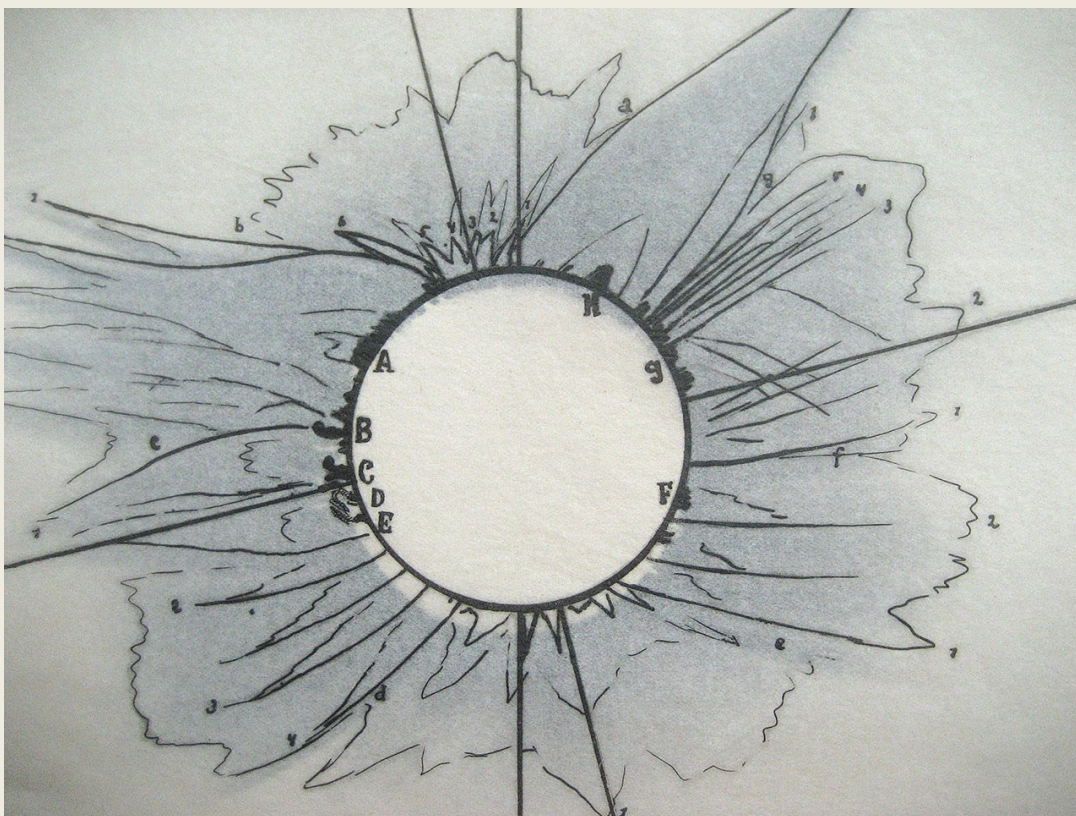

[Илл. 10-08-01-1. Baden-Powell, снимок солнечного затмения на Новой Земле 1896 года.]

[Илл. 10-08-02-1. Алексей Ганский, рисунок солнечной короны и протуберанцев во время затмения 1896 на Новой Земле. «Известия Императорской Академии Наук», 1897, т. 6, №1.]

[Илл. 10-08-03-1. Рисунок Ганского солнечной короны и протуберанцев затмения 1896, на кальке. Там же.]

В целом, изображения похожи. В частностях же имеются отличия.

Уточним термины. «Корональные перья» – это большие (порядка диаметра Солнца) шлемовидные облака либо лучи, вытянутые радиально. Всё, что мы видим глазом вне чёрного круга на снимке – это они и есть. «Протуберанцы» же – это мелкие, но яркие структуры у самой поверхности Солнца. На нашем снимке они еле различимы – это небольшие светлые пятнышки и пики, расположенные прямо по границе чёрного круга.

Внимание участников экспедиции естественным образом было приковано в первую очередь к большим и эффектным «корональным перьям» – тем более, что среди них имелось одно аномально большое и характерное «перо».

Но в сознании Ганского акценты были совершенно другими. Его взгляд притягивают исключительно крохотные «протуберанцы».

Тут мы сталкиваемся с первым случаем раздвоения его сознания. После окончания затмения Ганский пытался отрицать, что вообще видел какие бы то ни было «протуберанцы». Это отдельно зафиксировано в отчёте руководителя экспедиции Оскара Баклунда, приводящего дословно высказывание Ганского:

La couleur de la couronne me semblait bleuâtre; je n'ai pas vu le protubérances.

(Цвет короны показался мне голубоватым; протуберанцев я не видел. – пер. авт.)

(Баклунд, Костинский и др. «Полное солнечное затмение 8/9 августа 1896», с. 6, СПб, 1897)

Однако эти слова Ганского входят в противоречие с его делами. Быстро набросав на бумаге «корональные перья», он целиком и полностью отдаётся воспроизведению именно протуберанцев – причём в мельчайших деталях. Человеческое «зрение» – вещь тонкая, а потому воздержусь от рассуждений на тему – что Ганский мог видеть, а что ну никак не мог. Тут важно что он хотел это видеть.

Рисунок Ганского выполнен в технике «негатива», то есть тёмное небо и тёмное (закрытое Луной) Солнце даны белым цветом, а светящаяся солнечная корона – чёрным. «Протуберанцы», однако, из этой схемы выпадают – их он изобразил тем же цветом, что и «чёрное солнце», что по-своему символично.

Из последующих статей Ганского хорошо видно, что протуберанцы интересовали его в тот раз тоже не все подряд. Основное его внимание было сконцентрировано на одном из них. Этот протуберанец имел крайне странную форму «раздвоенного пика». На своей схеме Ганский его обозначил буквой «С».

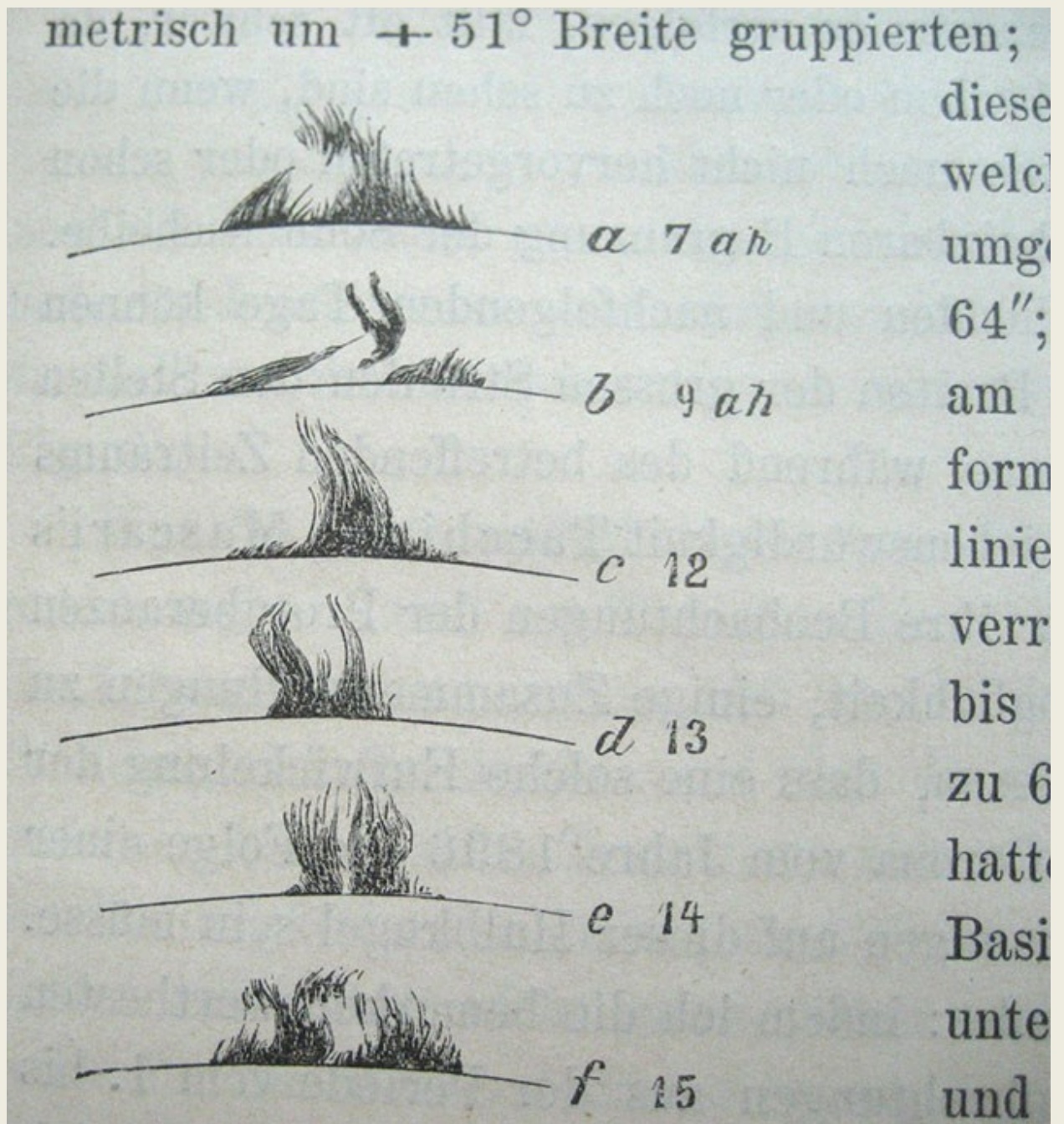
[Илл. 10-08-02-2. Там же. Протуберанец «С» на рисунке Ганского.]

Похоже, что этот «раздвоенный пик» просто не выходил тогда у него из головы. В своей классификации «протуберанцев», наблюдавшихся в том затмении («L'éclipse totale de Soleil du 27 Juillet (8 Août) 1896», Известия Имп. Академии Наук, т. VI, №1, с. 13, 1897 СПб.), он присваивает ему категорию «Très remarquable» – «Совершенно необычный».

В другой статье Ганского («Die Totale Sonnenfinsternis am 8. August 1896», ИИАН, т. VI, №3, с. 254, 1897, СПб) все его мысли также бродят вокруг и около этого «zwei Strahlen», «двойного выброса». Он подробно его описывает, рисует в разных масштабах и возможных стадиях развития, анализирует прилегающий к нему микрорельеф (вытягивая из своего подсознания детали, которых увидеть глазом уж точно не мог), выдвигает разные фантастические предположения.

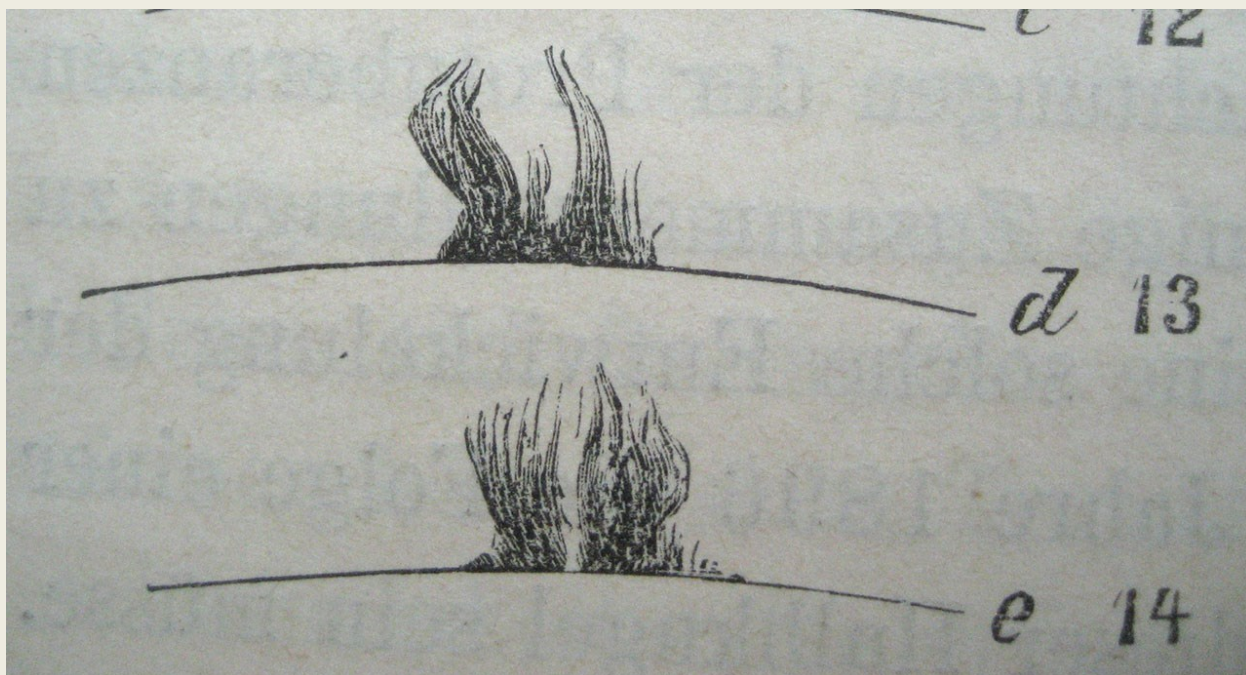
По всему видно, что мысль его крайне возбуждена этим «двойным пиком».

Кончается тем, что уже в Петербурге (но ещё до отъезда в Париж), Ганский начинает искать какие-либо упоминания в научной литературе о подобных солнечных протуберанцах – и не находит. В своей статье он на всякий случай воспроизводит (по Mascari) все известные человечеству виды «двойных» протуберанцев, хотя бы отдалённо напоминающих протуберанец «С».

[Илл. 10-08-04-1. Разные «Двойные пики» протуберанцев из статьи Ганского «Die Totale Sonnenfinsternis am 8. August 1896». ИИАН, т. VI, №3, с. 254, 1897.]

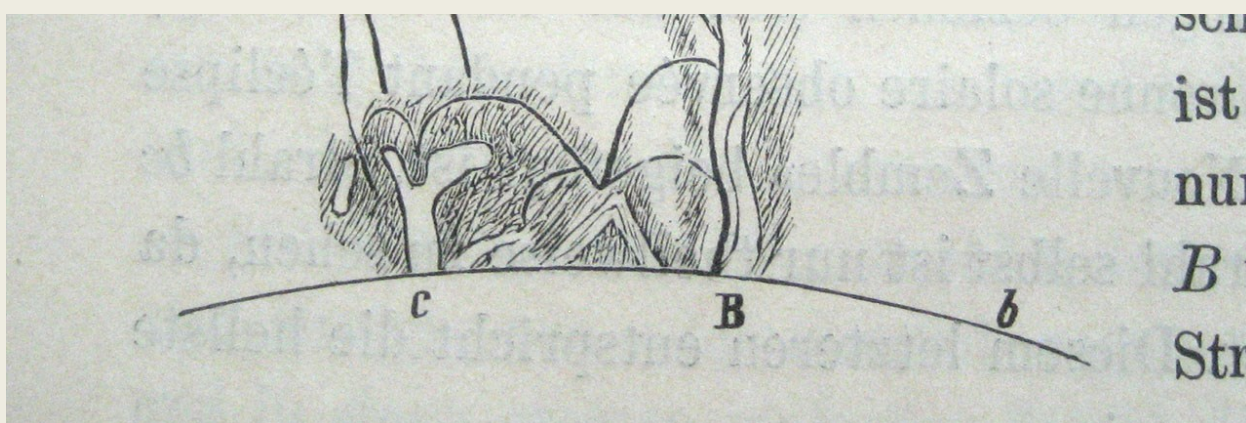

[Илл. 10-08-04-2. Там же. Фрагмент. «Двойные пики» протуберанцев.]

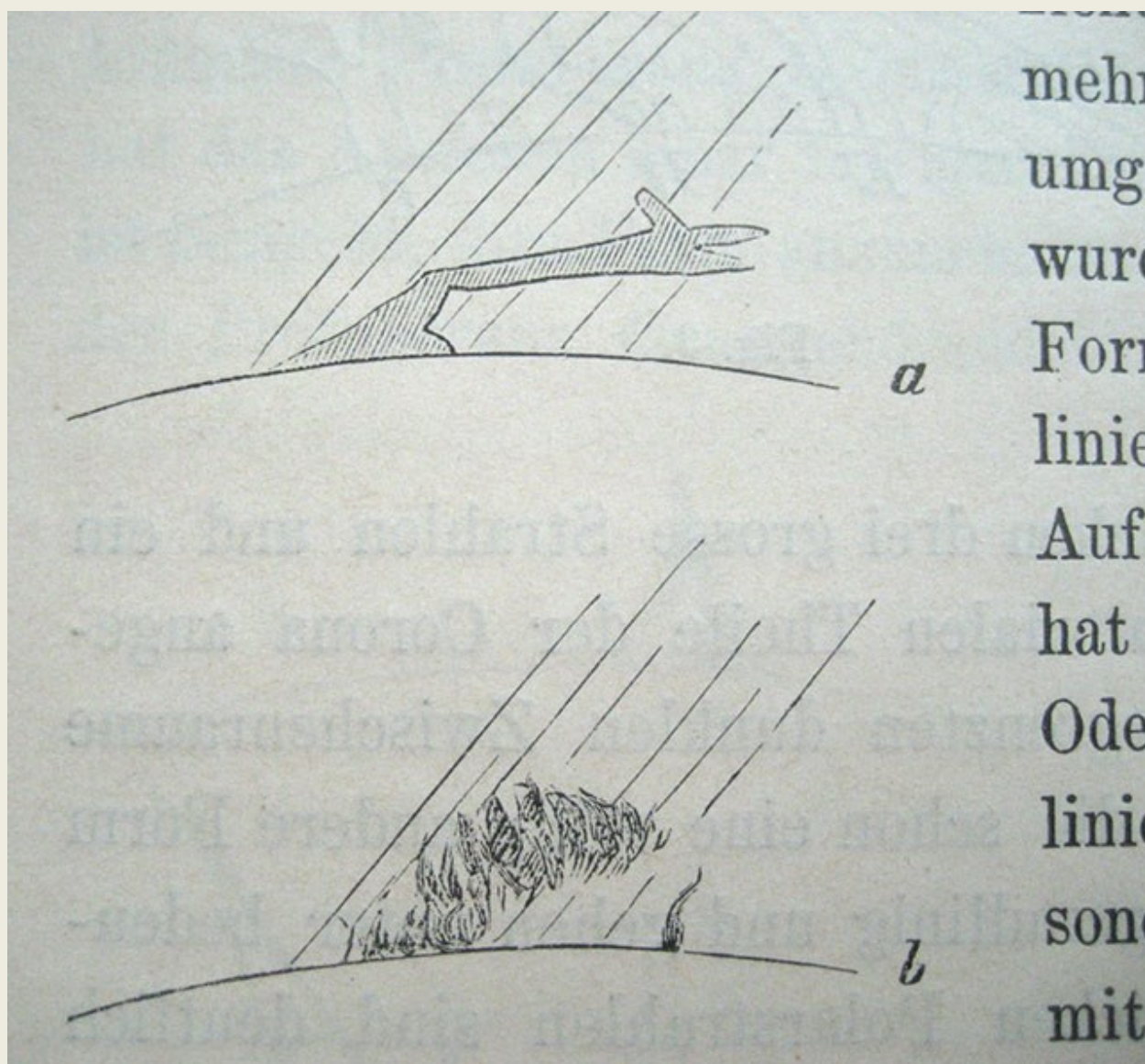

[Илл. 10-08-04-3. Там же. Фрагмент. «Двойные пики» протуберанцев.]

[Илл. 10-08-05-1. Там же. Фрагмент. «Двойные пики» протуберанцев.]

[Илл. 10-08-06-1. Там же. Фрагмент. «Двойные пики» протуберанцев.]

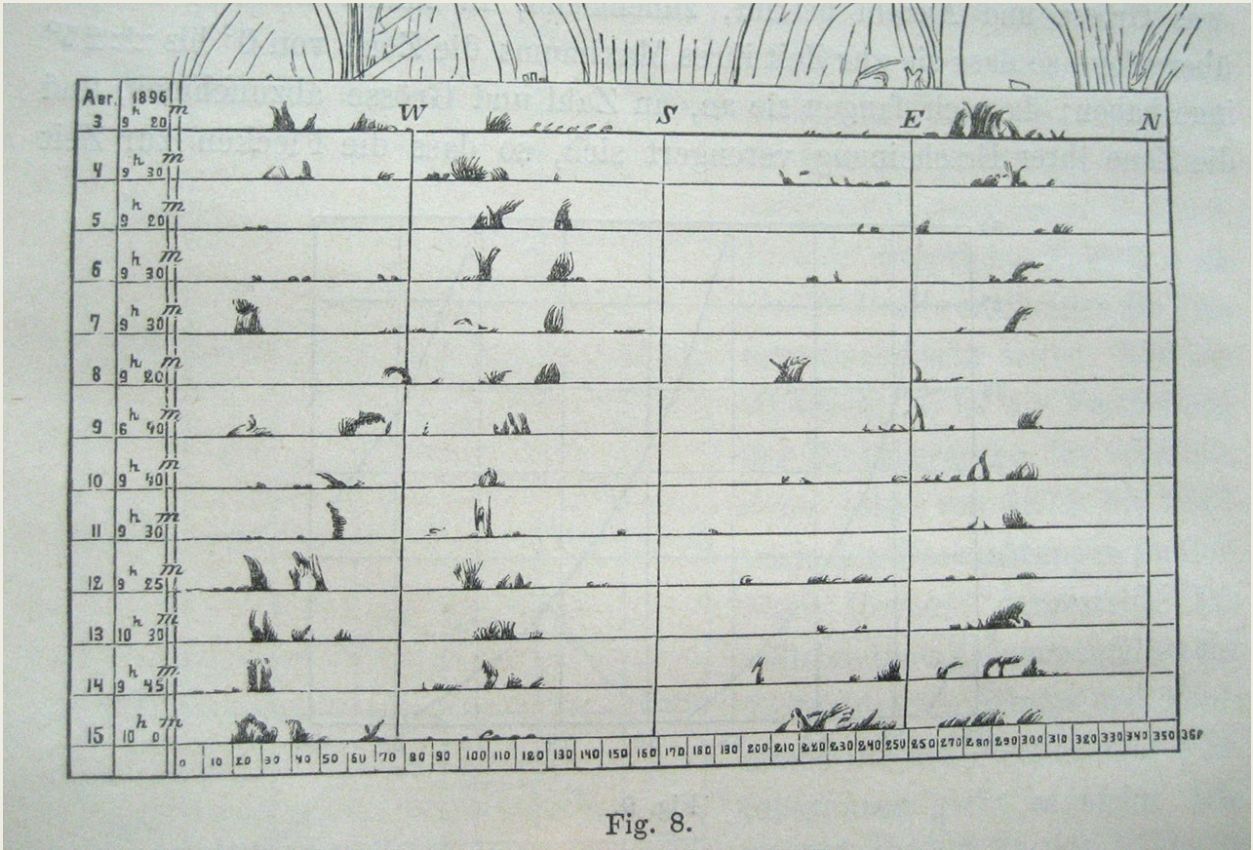
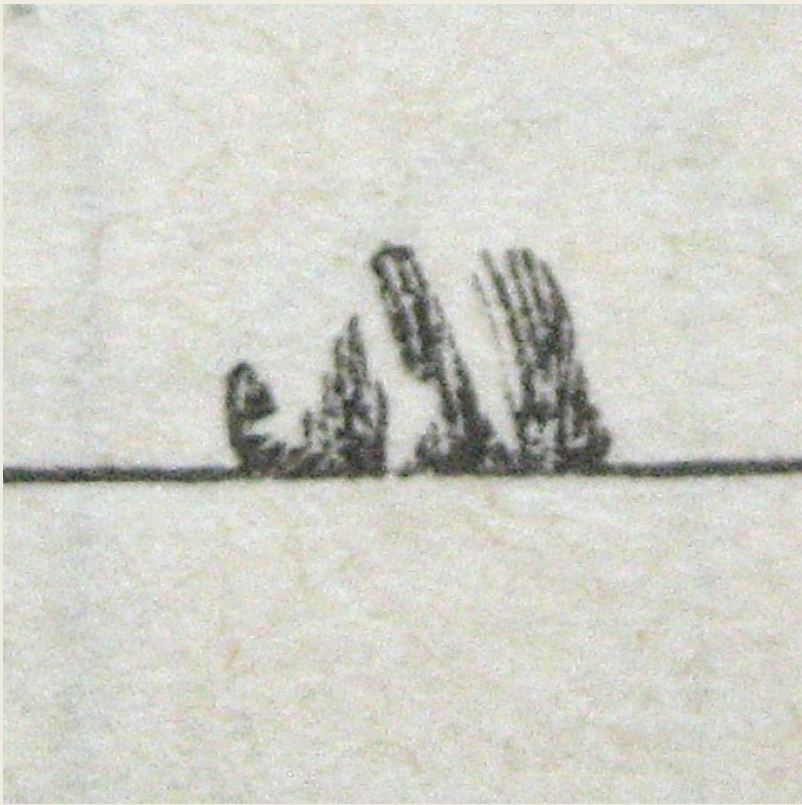

Fig. 8.

[Илл. 10-08-07-1. Там же. Фрагмент. Таблица «Двойных пиков» протуберанцев, составленная Ганским.]

[Илл. 10-08-07-2. Там же. Фрагмент. «Двойные пики» протуберанцев.]

И результат всех этих метаний – ноль. Никакого продвижения, никакого понимания. А тревога только растёт.

И Ганский уезжает.

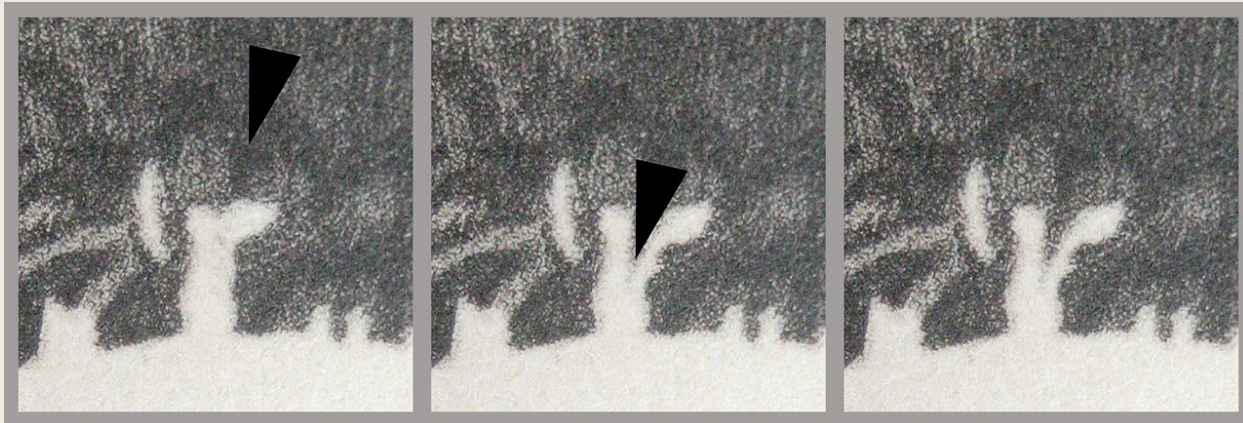
Рискну предложить собственную версию произошедшего.

Для начала нужно принять во внимание действительно редкую форму протуберанца «С». В том, что он привлёк пристальное внимание Ганского, нет ничего странного. А дальше последовало вот что.

Приближается редчайшее небесное явление. Все учёные академической экспедиции ждут его с замиранием сердца, нервы у всех на пределе. Особенно волнуется молодой астроном, впервые оказавшийся в экспедиции подобного уровня. Ему доверено сделать пару снимков, а главное – глядеть во все глаза на то, что явится взору, и зарисовать «всё это».

И, выходит, что в случае со всем остальными учёными эффект будут фиксировать беспристрастные приборы, в случае же с ним, с Ганским – непосредственно и исключительно его мозг. Такой уровень ответственности.

Итак, Ганский смотрит во все глаза, боясь даже моргнуть. И что же он видит? Он видит исходящую прямо из Солнца гигантскую огненную букву «Г» высотой в сто тысяч километров (1,8 угловых минут), которую некая «чёрная молния», явившаяся из глубин Космоса, расщепила надвое, как сухой пень. Тут лучше видеть.

[Илл. 10-08-08-0. Космическая «Чёрная молния» расщепляет Г-образный «протуберанец С» Ганского. Видение.]

И эта космическая «Г» означает ничто иное, как «Ганский». Ганский, расщеплённый надвое «чёрной молнией» Вселенной, препятствующей раскрытию своих тайн.

Тут не надо ничего объяснять и доказывать. Ганский собирает чемоданы и бежит.

В пользу данной версии говорит, кстати, также и следующий факт. В Париж Ганский уехал не прямо в день своего возвращения с Новой Земли, поскольку на устройство дел потребовалось некоторое время. В течение этого времени он продолжал публиковать научные работы. Так вот, начиная прямо с этого момента, он

пишет свои статьи только и исключительно на иностранном языке – французском либо немецком. Как думаете – почему?

А потому, что автор этих статей теперь уже никакой не «Ганский», а «Hansky». Чувствуете разницу? В свете явленного «протуберанца С», олицетворяющего букву «Г», расколотую надвое «чёрной молнией»? А к некому «Hansky» всё это никакого отношения уже не имеет.

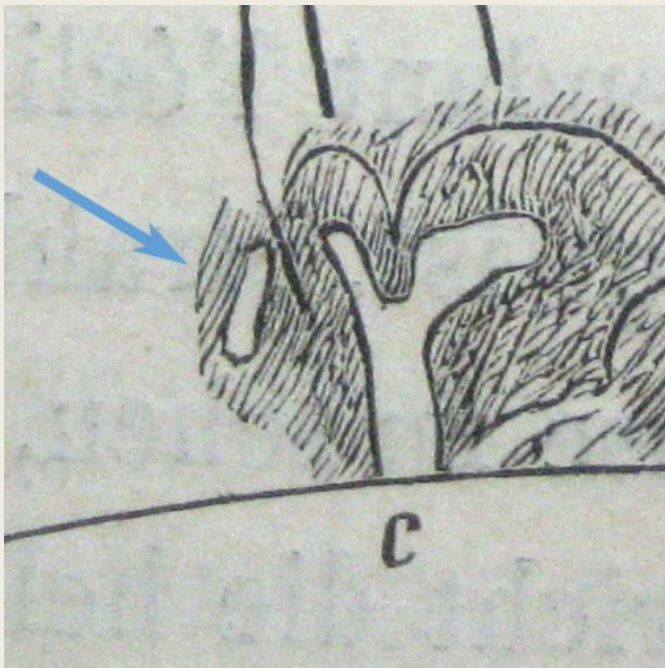
А теперь по поводу «камня», с которого началась данная глава.

Кроме «двойного пика», в небе над Ганским наблюдался ещё один очень странный объект. Но правомерно ли видеть в нём тот самый «камень», сказать не берусь. Так что просто опишу что было.

Объект, о котором идёт речь, с физической точки зрения был даже более странный, чем «протуберанец С». И при этом располагался он буквально вплотную к нашему «двойному пику».

Вообще, формы у «протуберанцев» могут быть самые разные – «факела», «шнуры», «облака», «щёточки», всевозможные «петли». Всё что угодно. Единственное, чего не бывает – это чтобы «протуберанец» отрывался от поверхности Солнца и автономно парил над ним. Это невозможно из-за самой природы магнитных полей (непрерывности их линий), которые и формируют видимые нами потоки вещества. Все «протуберанцы» так или иначе «растут» из Солнца, как трава. А «летающей травы» не бывает.

А тут она была. На рисунке рядом с «протуберанцем С» рукой Ганского отчётливо нанесён некий объект, этакая огненная небесная «пылинка», которую Ганский классифицировал, как «протуберанец», снабдив его примечанием: «Détachée» («Оторванный»).

[Илл. 10-08-05-2. «Летающий протуберанец» рядом с «протуберанцем С». Рисунок Ганского.]

Noms.	Angles de position du point Nord.	Remarques.	Noms.	Angles de position du point Nord.
<i>A</i> (milieu)	60°	{ Evidemment triple; étendue = 6°3; hauteur = 1'0.	<i>G</i> {	296°
—	81			299
—	82			302
—	86			304
<i>B</i>	88	Courbée; hauteur = 1'8.	—	310
—	93	Etendue = 2°.	—	313
<i>C</i>	100	Très remarquable; hauteur = 1'8.	—	316
—	103	Détachée.	—	319

[Илл. 10-08-09-1. «Протуберанец С», категория «Détachée». Таблица Ганского. ИИАН, т. VI, № 1, 1897.]

Что это такое было, и было ли что вообще – достоверно узнать уже вряд ли удастся. Но в любом случае Ганский так или иначе «видел» какой-то странный «парящий объект», расположенный вплотную к и без того странному «двойному пику». И, возможно, этот-то объект и решил окончательно исход дела.

«Судьба» предупреждала его, давая «знак» – в виде «двойного пика» и ещё какого-то «парящего объекта», что бы это ни было.

Повторять дважды Ганский просить Судьбу не стал.

Двойной пик (земля)

Наука учит, что у любого Небесного явления существует «земной образ». Наука «теология».

В этом предмете Ганский разбирался хорошо. В Ришельской гимназии по «Закону Божьему» у него была твёрдая «пятёрка» (в отличие от латыни, где он еле натянул на «тройку»). Да и первый курс Новороссийского университета (математическое отделение физико-математического факультета) он окончил с «пятёркой» по «Богословию» («Аттестат зрелости», «Свидетельство об окончании 1 курса». ЦИАМ, ф. 418, оп. 305, д. 157, лл. 11, 18).

И вот, в полном соответствии с научными представлениями, «земные образы» увиденных им на Солнце «двойного пика» и «парящего объекта» скоро явились на его пути. Скорее, чем можно было ожидать.

Само солнечное затмение академическая экспедиция наблюдала, напомним, в посёлке Малые Кармакулы на берегу Баренцева моря. Когда затмение закончилось, то в ожидании парохода учёные отправились на несколько дней вглубь острова.

Поскольку никаких карт этой части Новой Земли на тот момент не существовало, то в походе они вели попутную топографическую и фотограмметрическую съёмку.

Последняя заключается в том, что с двух разных точек местности специальным образом делают два фотоснимка одной и той же панорамы, а потом уже по фотографиям вычисляют расстояния и направления, идентифицируя на фотографиях одни и те же ориентиры, как правило – характерные горные пики.

Новая Земля в районе Малых Кармакул – достаточно низменная, никаких особых «видов» тут нет, ещё Коровин отметил. Да и погода, как уже было сказано, на протяжении всего пребывания стояла исключительно пасмурная и дождливая. Лишь во время затмения случилось какое-то чудо и небо совсем ненадолго прояснилось.

И вот, во время путешествия вглубь суши, 14 августа, ровно через неделю после затмения, «чудо» точь-в-точь повторилось.

Когда учёные поднялись на некую локальную высотку, небо невероятным образом вдруг ненадолго совершенно расчистилось и им открылся удивительный вид. Предоставляю слово Голицыну.

Голицын, Костинский и Ганский поднялись ещё несколько выше по плоскогорью. <...>

Горизонт был <...> необычайно чист и далеко на севере расстилалась чудная панорама гор. Один хребет шел за другим, <...> и чем дальше, тем выше был хребет; некоторые вершины самого дальнего хребта были совершенно окутаны снегом.

(Голицын, с. 52, 152)

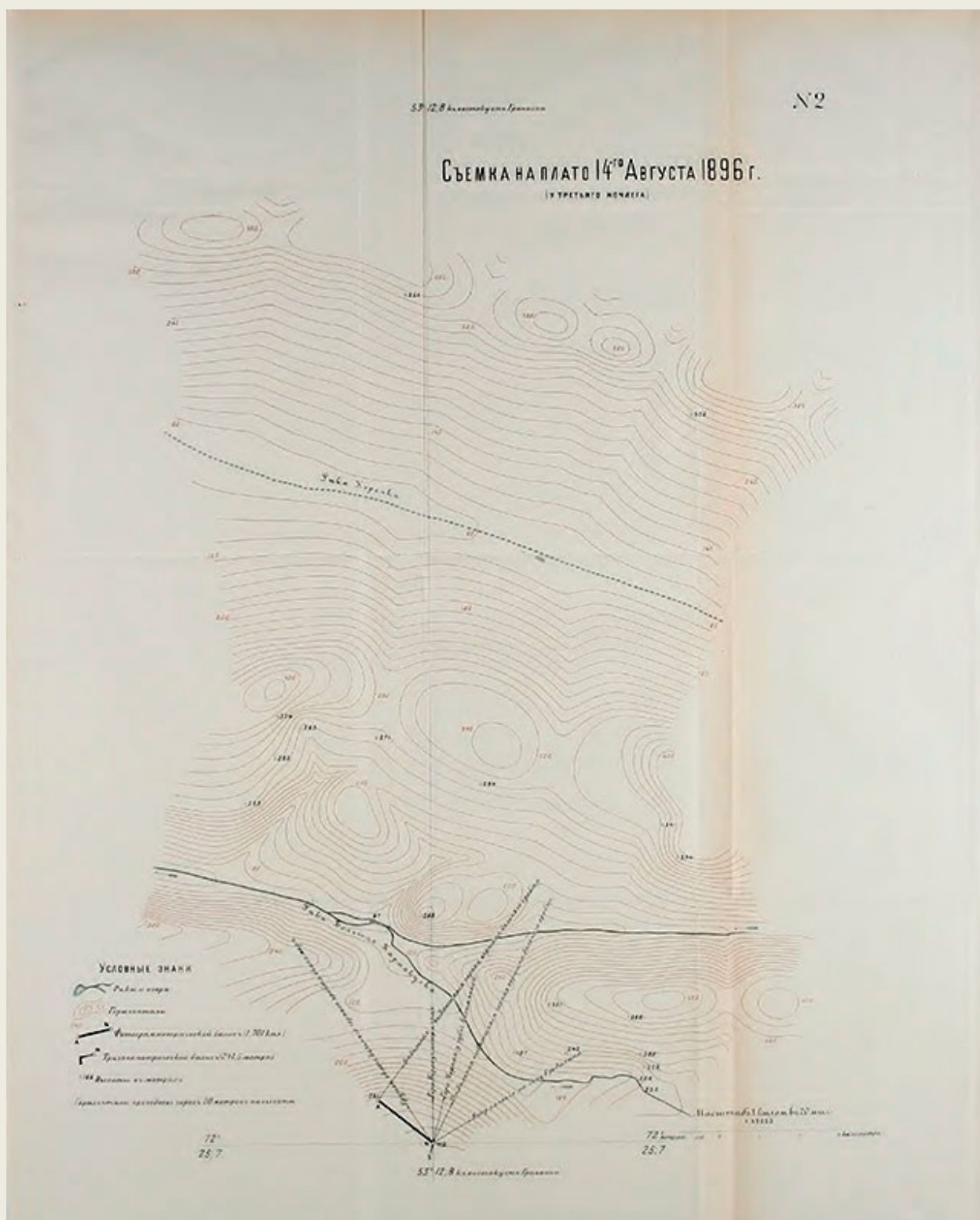
Ветер, однако, тут задул с такой силой, что порвал металлическую ленту, которой Костинский измерял «базис» для фотограмметрии. Снимки, однако, сделали.

«Фотограмметрия» – наука точная, тут важны цифры. Точка, с которой открылась «чудная панорама» имела координаты (72.4283 N, 53.2133 E), высота над уровнем моря – 418 метров (Голицын, с. 157).

Для последующей расшифровки снимков, на горизонте были заранее выбраны характерные горные вершины. Ими, в частности, стали гора «Первоусмотренная» и «предположительно гора Чёрная» («предположительность» последней несколько раз оговорена в отчёте).

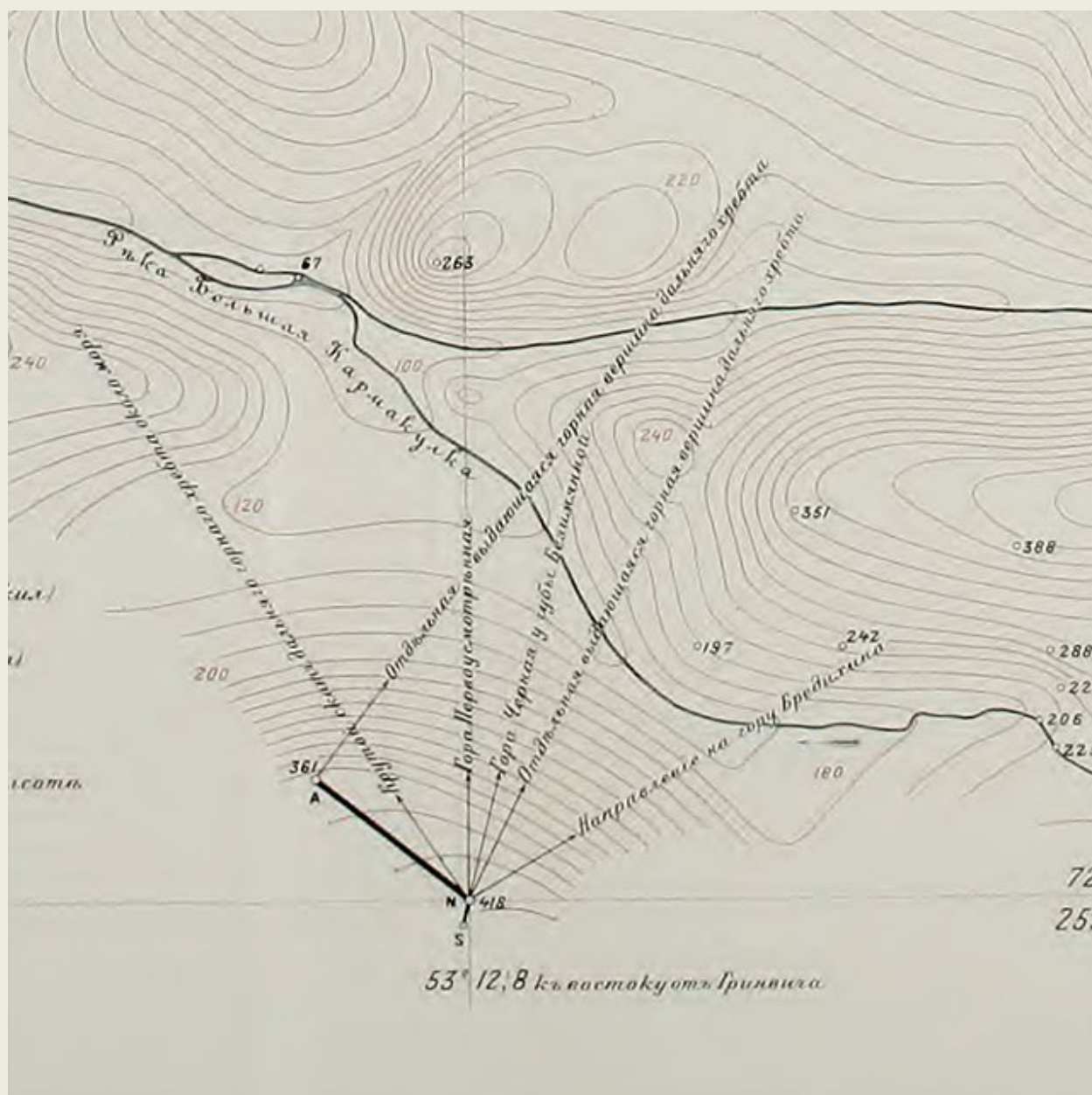
Когда смотришь на хаотичные горные цепи, расположенные на горизонте – трудно понять что есть что, даже имея на руках точную карту. В нашем случае никакой карты не существовало в природе.

Если с горой «Первоусмотренной» (72.9712 N, 53.2076 E) всё было достаточно ясно (поскольку это крайняя гора во всей панораме, влево от неё сразу начинается море), то с горой «Чёрной» (72.8628 N, 53.8342 E, нынешняя гора «Гремячая»), наши астрономы слегка промахнулись. То, что они приняли за «Чёрную», на самом деле являлось более высокой безымянной вершиной «922 м» (73.0735 N, 53.7653 E), расположенной от «Чёрной» более чем в 20 км.

[Илл. 10-09-01-1. Схема топографической съёмки 14 августа 1896 на Новой Земле. «Записки императорской Академии Наук», серия 8, т. 8, №1, 1898 карта. Вкладка между с. 169 и с. 170.]

[Илл. 10-09-01-2. Там же. Фрагмент. Даны азимуты «Гора Первоусмотренная» и «Гора Чёрная».]

Ошибка легко устанавливается при сравнении указанного в отчёте азимута означенной горы (14.6 град. относительно «Первоусмотренной», Голицын, с. 156) с реальными азимутами (GPS) вершины «922 м» (14.2) и горы «Чёрной» (22.7).

А нам-то какая разница, спросите вы, какая именно гора была выбрана тогда в качестве технического ориентира?

А разница в том, что безымянная вершина «922 м» в данной проекции имеет два чётко выраженных пика (922 м, азимут 14.2, и 830 м, азимут 16.4) – и именно они, там и тогда, предстали в окуляре теодолита («буссоли с диоптрами») возбуждённым глазам Ганского. Ему явился всё тот же небесный «двойной пик», только теперь в земном своём воплощении.

Мало того. Рядом с «двойным пиком» («šadi mašu», BM, K. 3060, col. ii-1, IX:37), который Ганский ошибочно принял за гору «Чёрную», отчётливо был виден также и «парящий объект» – ещё один, совсем дальний пик (азимут 17.8), этакая сияющая «пылинка» в окуляре. Благодаря аномальной рефракции пик выглядел именно «парящим». Находился этот третий пик значительно дальше первых двух, буквально на горизонте (73.4766 N, 54.3856 E). Но что такое 120 километров для астронома? Смешно.

Чем больше изучаешь обстоятельства данного эпизода, чем яснее становится, что Ганский получил возможность видеть этот «парящий пик» лишь в результате невероятного стечения обстоятельств.

Высокие гребни близлежащих горных цепей, расположенные в несколько эшелонов, полностью перекрывали дальние виды. И лишь с одной-единственной точки маршрута открывался узкий «пространственный коридор» на север («iltānu», IX:163) с видом на ту дальнюю гору. Выйди они на плато чуть левее или чуть правее – и зазор бы сомкнулся. Аналогично, выйди они на плато часом позже – и захлопнулся бы узкий «временной коридор», единственно в течение которого густые облака не скрывали горизонт (как они скрыли его уже к концу съёмки).

Но именно «там и тогда» горизонт был «необычайно чист» и вершина сияла в окуляре зрительной трубы всеми своими ослепительными гранями.

Ганский так никогда и не узнал, как называлась та «парящая гора». Через 48 часов на Юконе было найдено первое золото.

Связь

В марте 1899 года Гульельмо Маркони установил, наконец, радио-связь между Францией и Англией через Ла-Манш – и это решило его дальнейшую судьбу.

А за три года до этого, в 1896, Алексей Ганский во время полного затмения на Новой Земле увидел в странном солнечном протуберанце «знак Судьбы», но не сумел распознать в нём своей «кармы».

А ведь шанс правильно понять расклад высших сил у Ганского был. Подсказка находилась у него буквально под носом, но он прошёл мимо, можно сказать – «сквозь» неё.

Место, в котором академическая экспедиция наблюдала солнечное затмение, называлось просто и ясно – «Кармакулы».

Конечно, сейчас всё уже свершилось. Но мы вправе задаться вопросом – а могло что-то измениться, распознай тогда Ганский в названии самоедского становища указание на «карму»?

Ответ на этот вопрос будет отрицательным: нет, не могло. Увидеть в названии «Кармакулы» санскритское слово «карма» было совершенно не достаточно. В разговорном русском языке «карма» – это практически та же самая «Судьба», так что никакого нового понимания это бы не дало.

Чтобы преломить дальнейший ход событий, Ганскому необходимо было тогда правильно прочесть кроме «кармы» также и второе слово – «-кулы».

«Кула» («kula», «कुल») на санскрите в числе прочего означает «объединение», «союз» («Sanskrit-English Dictionary» by Monier-Williams, Oxford, 1964, с. 294).

И в этом своём значении «кула» является точным синонимом другого санскритского слова – «йога» («yoga», «योग»), которое буквально переводится также «связь», «соединение», «союз» (Там же, с. 856)

Таким образом в «Карма-кулах» ясно прочитывается ничто иное, как «карма-йога». А это полностью меняет дело.

Термин «карма-йога» несколько сбивает с толку, поскольку на самом деле в нём нет ни «кармы», ни «йоги» – в бытовом понимании этих слов.

«Карма-йога» – это отнюдь не рассуждения на тему «предопределённости Судьбы», и не сидение в позе «лотоса» на вершине Гималаев. Это – конкретный практический подход к решению некой реальной проблемы.

Если помните, наша книга началась с разбора одной проблемы, возникшей у Фёдора Достоевского и названной «синдромом Арджуны» – по имени легендарного героя и действующего (бездействующего) лица возможно самой знаменитой индийской книги – «Бхагавад-Гиты».

В момент сомнения, охватившего Арджуну на поле битвы, Кришна (в облике его возницы) терпеливо разъясняет Арджуне, что самое лучшее, что в принципе может предпринять человек для своего «спасения», это встать на путь «не-деяния». Арджуна всё это слушает, слушает – а потом задаёт резонный вопрос: «Если ты так превозносишь не-деяние, то почему подталкиваешь меня сейчас к прямо обратному – к активным действиям?» (речь идёт о необходимости ввязаться в сражение).

В ответ на это Кришна и излагает концепцию «карма-йоги» (буквально – «единение с Мирозданием посредством действия»).

Да, делать «не-деяние» было бы лучше всего, говорит Кришна. Но на практике из подобных попыток чаще всего ничего не получается. Реальное «не-деяние» – это слишком большой труд и мало кому он под силу. Обычный же человек, даже если он и усядется под деревом «бодхи» и устави́тся в одну точку, то всё равно будет продолжать «действовать» – как минимум в своём возбуждённом сознании.

Так что для большинства людей та или иная деятельность всё равно неизбежна, это факт. По счастью даже и в этом раскладе существует путь к «спасению». Но заключается он не в том, чтобы пытаться «имитировать» бездействие, а в том, чтобы, наоборот, максимально энергично включиться в дело, для которого ты «предназначен». Но при этом обязательно нужно научиться исполнять его так, чтобы полностью абстрагироваться от его плодов. То есть делать дело не для того, чтобы «чего-то достичь», а единственно потому, что это «твой долг».

Конечно, оставаться равнодушным к результатам своих же собственных усилий совсем непросто. Но как раз это можно в себе целенаправленно развивать с помощью специальных тренировок. Главное – понять саму суть проблемы.

Теперь вернёмся к Ганскому. Если бы он увидел в том самоедском становище указание на способ преодоления возникших угроз, предлагаемый «карма-йогой», то ему, не исключено, удалось бы в результате целенаправленных усилий постепенно выправить ситуацию. Однако эта подсказка так и не была им понята, и Ганскому не осталось ничего другого, как начать убегать от Судьбы. Чем это закончилось, мы знаем.

Другое дело – мог ли Ганский в 1896 году знать о самой «карма-йоге»? Как ни странно, мог.

Ещё в 1788 году, за сто с лишним лет до новоземельского затмения, имело место знаковое событие. Точнее даже два. 1) В «Новых Ежемесячных Сочинениях» (т. 19) появилось первое в истории собственно русское описание Новой Земли, составленное Василием Крестининым со слов поморов («Географические известия о Новой Земле полунощного края»), и 2) в Москве, в университетской типографии у Новикова вышло первое в истории издание «Бхагавад-Гиты» на русском языке.

Кстати, в том же самом году произошло ещё и третье событие с далеко идущими последствиями – первая публикация «Одиссеи» Гомера в русском переводе (пока прозаическом, Петра Екимова). Вот такой был 1788 год.

История переводов на русский язык мировой классики складывалась вообще-то не слишком, скажем так, торопливо. Например, в тот момент, когда Пушкин писал

строки «Суровый Дант не презирал сонета» (1830), самой «Божественной Комедии» на русском языке ещё не было и в помине.

На фоне этого, факт осуществления русского перевода «Бхагавад-Гиты» в 1788 году выглядит достаточно фантастично. А сделал этот перевод Александр Андреевич Петров.

Тот самый Петров, который мало того, что был личным секретарём Державина, но при этом являлся ещё и другом молодости Карамзина. С Карамзиным они одно время в целях экономии вообще снимали одну комнату на двоих. Их дружбу можно было бы назвать «нежной», если бы она не была действительно нежной. Карамзин писал Петрову трогательные письма и посвящал стихи. Не вызывает ни малейших сомнений, что сразу по выходе «Бхагавад-Гиты» Карамзин прочитал труд своего друга от корки до корки. Намекая на обретенные Петровым «тайные знания» по «обретению счастья», Карамзин тут же шлёт ему следующее строки:

<...>
 Лети, Зефир прекрасный,
 К тому, который любит
 Меня любовью нежной;
 Лети в деревню к другу;
 Найдя его под тенью
 Лежащего покойно,
 Ввей в слух его тихонько
 Что ты теперь услышишь: <...>
 «Расставшись с тобою, <...>
 Хотел писать я много
 О том, как человеку
 Себя счастливым сделать <...>
 Но, ах! <...> того не знаю,
 О чем писать намерен.»

(Карамзин, «Анакреотические стихи А.А.П.», 1788)

До данного момента я из последних сил удерживался от цитирования «Бхагавад-Гиты» – для того, чтобы сделать это уже сразу в переводе Петрова. Конечно, этот перевод не совершенен. Впоследствии появятся варианты и более научные, и более «художественные». Но этот был – первым.

Само название книги Петров дал так: «Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Арджуном». Деления на шлоки у Петрова нет. Орфографию я слегка осовременил. Итак, «Багуат-Гета», 1788:

...исполнение нравственных должностей, называемое **Карма-Йог** (с. 66, колофон)

(16) Исполненіе дѣлъ. — Отправленіе
обрядовъ религіи и исполненіе нравствен-
ныхъ должностей, называемое Карма-
Йогъ.

[Илл. 10-10-01-1. «Багуат-Гета» в переводе Александра Петрова, 1788, с. 66.
«Карма-Йогъ».]

«Путешествие смертного твоего вида не будет иметь успеха от недей-
ствия. Сей заботливый мир правится иными побуждениями <...> Удали
все собственные (самственные) побуждения и исполняй должность
свою единственно для него единого» (с. 67-68; соответствует главе III
шлоке 9)

«По сему исполняй ты, что тебе делать надлежит <...> не заботясь о
последствии; ибо человек делающий без пристрастия, что ему делать
надлежит, получает Всевышнего» (с. 69-70; соотв. III-19)

«Ищи спасения от этого мира в отказе от привязанностей к его глупо-
стям, в искренности намерения в деяниях <...> без жажды получить в
награду воздаяние.» (та же шлока, БИ-VII, 37:12-14)

«Те, которые с твёрдою верою и без нареkania постоянно будут следо-
вать сему учению [т.е. «карма-йоге» – действию, отстранённому от его
результатов], делами спасутся. Знай, что те, которые <...> не следуют
сему <...> лишились рассудка и погибли.» (с. 72; соотв. III-32)

Последнюю шлоку Петров перевёл будто специально для Ганского. Которому для
спасения всего-то и нужно было, что прочитав правильно одно-единственное
слово – «Кармакулы».

Однако легко сказать. Прочитать-то его надо было – на санскрите. Которого Ган-
ский, само собой, знать не мог. Так что эта возможность была чисто гипотетиче-
ской.

Но – не совсем. Да, Ганский не мог прочесть санскритское слово «кулы», озна-
чающее «соединение», «связь». Однако, он вполне мог увидеть в слове «кулы»
латинское «culo», что по совершенно неправдоподобному совпадению означает
практически то же самое – «соитие», «соединение», «связь» (Дворецкий, «Латин-
ско-русский словарь» с. 276, Москва, 1976). Если отвлечься от некоторых конно-
таций, то латинское «culo», также как и санскритское «kula», является точным
смысловым эквивалентом слова «йога». А в тантрических практиках даже и от-
влекаться не нужно, «йога» там – это именно «соитие с Брахмо».

Не знаю, было ли это редчайшим совпадением, или каким-то закономерным след-
ствием общности индоевропейских языков, но в санскрито-латинском слове «Кар-

ма-culo» можно было распознать ту же «карма-йогу», что по факту давало Ганскому ещё один шанс к спасению.

Но он прошёл мимо и этого шанса. По очень простой и прозаической причине. Помните, что он имел в гимназии по «Закону Божьему»? Правильно, «пятерку». А – по латыни?

Вот именно. Нежелание тратить жизнь на изучение «мёртвого» языка определило кратчайший его путь к смерти.

Человек с «трояком» по латыни знает язык в объёме «узнаваемых слов». То есть таких слов, которые так или иначе вошли в русский язык. Например, «refractio» (рефракция, преломление), «postulatum» (постулат, требование), «effectus» (эффект, действие), «vacuum» (вакуум, пустота).

Соответственно, в слове «кулы» Ганский в лучшем случае мог бы «увидеть» латинское «culmen», кое-как вспомнив его благодаря русскому аналогу – «кульминация».

А «culmen» в точном переводе с латинского это – «вершина», «высшая фаза» (Дворецкий, с. 276). В результате «Карма-culmen» могло дать Ганскому что-то вроде «кармы Вершины», то есть всё той же неотвратимой «Судьбы, связанной с (двойным) пиком».

Так или иначе, а Судьба победила. Но не в тот момент, когда явила Ганскому огненный «двойной пик» в небе над Новой Землёй, а много раньше. Когда гимназист Алёша на задней парте в Ришельской гимназии играл в «орлянку» с дылдой Симаковым – вместо того, чтобы зубрить изо всех мыслимых сил: «video, videtis, videre».

Знак

Где латынь, там обычно и греческий. Но это я так.

Во время солнечного затмения на Новой Земле в 1896 году астроном Алексей Ганский увидел в небе тревожный «знак». Тем не менее в течение ряда следующих лет ему удавалось уклоняться от встречи с назначенным ему «двойным пиком» и неопознанным «парящим объектом», сияющей «пылинкой» мироздания.

Он пытался консультироваться. Когда «воронка судьбы» уже начала всерьёз затягивать его, он даже приезжал советоваться к Толстому. В «Записной книжке» последнего (не путать с «Дневником») за 20 января 1907 года лаконично помечено: «Астрономы интере».

«Астрономы» у Толстого не названы по имени, но в «Ежедневниках» Софьи Андреевны в записи за этот день значится определённо: «Приезжали астрономы: Ганский и Стефаник, очень интересно рассказывали.»

Специалисты по Толстому (но не по Ганскому) эту сокращённую запись Толстого традиционно расшифровывают (не без влияния эмоций добрейшей Софьи Андреевны), как «Астрономы интере[сны]». Однако, гораздо больше оснований раскрыть это сокращение по другому – «Астрономы интере[совались]».

А именно: Ганский интересовался у «гуру» русской культуры своей «кармой». Толстой, имевший к тому времени заслуженную славу величайшего «оракула судеб» – кто как не он (казалось Ганскому) мог пролить свет на его судьбу. Лев Толстой, написавший свою знаменитую «Карму» как раз в канун экспедиции Ганского на Новую Землю в 1896.

Но Толстой, судя по всему, даже не понял вопроса Ганского. И лишь на всякий случай зафиксировал: «Астрономы интере».

Так что с Толстым ничего не получилось. Но на данном примере мы видим, что Ганский проблему осознавал и ей занимался.

В любом случае, чутьё на знаки и приметы должно было за эти годы развиться у него чрезвычайно. Поэтому особенно удивительно, что когда в 1908 он получил назначение в Симеиз, то не почувствовал в этом никакой угрозы и согласился возглавить обсерваторию на горе «Кошка». У подножия которой Судьба мгновенно его и настигла, будто ждала.

Он явно что-то просмотрел, но – что?

А чего тут, собственно, гадать. «Симеиз» – производная от греческого «сима» («σῆμα»), то есть – «знак», «знамение», а кроме того – «могильный камень» (И.Х. Дворецкий, «Древнегреческо-русский словарь», т. 2, с. 1469, М. 1958).

А доминирующая над Симеизом гора – «Нишан-Кая» («Nişan-Qaya») – с крымско-татарского переводится, как «Знаковая Вершина».

Так что предупреждений о наличии «знака», более того – «рокового знака», было там более чем достаточно.

А вот вам и сам знак.

Гора «Кошка», на вершине которой размещалась обсерватория и у самого подножия которой Ганский погиб – она только по-русски «кошка». А так-то она «Кош-Кая» («Qoş-Qaya»). То есть – «Двойной Пик».

СЕМЕИЗЪ, съ сѣверо-восточной стороны.

[Илл. 10-11-01-1. Гора «Кошка» в Симеизе. Снимок начала 1900-х.]

В посёлке под названием «Знак», в прямой видимости «Знаковой Горы», у подножия «Двойного Пика» Ганский пошёл купаться в море – и обрёл свой «камень».

Когда-то он написал слова, смысл которых сам, похоже, тогда не понял.

Под ярким светом огромного <...> Солнца <...> жизнь <...> окончится
<...> в море.

(А. П. Ганский. Черновик неопубликованного доклада 1902, АРАН, ф. 543, оп. 11, док. 24, л. 2)

За мгновение до удара в море о роковой камень, вспомнил ли Ганский ту снежную «двойную вершину», что открылась ему на Новой Земле 14 августа 1896 года, рядом с которой сияла ослепительная «пылинка» – «парящий пик» некой горы на горизонте, чьё название он так никогда и не узнал?

А гора эта была «Митюшёв Камень» (73.4766 N, 54.3856 E).

Daß die

(Игра – Уравнение открытия – Нелинейный член – Затмение-2 – Конкурент – Чего мы не узнали – Ганский-Эйнштейн – Параману-йога – Запасной сценарий – Что известно – И что?)

Игра

Давайте поиграем в игру «А что, если бы...»

А что, если бы Ганский не поехал тогда в Симеиз и остался работать в Пулковской обсерватории? Могло бы от этого что-то измениться в науке и в истории?

Ну, скорее всего Ганский так и продолжал бы работать в Пулковской обсерватории, накапливая данные наблюдений за солнечными «гранулами» и «протуберанцами».

Продолжал бы ездить и снимать солнечные затмения, рос бы в должности и к 1914 году дослужился бы до того, что вероятно возглавил группу по наблюдению «полного солнечного затмения» в Риге. И в конце концов бы женился.

Вот, примерно так.

Уравнение открытия

Если посмотреть на историю науки, то отчётливо видно, что для совершения каждого очередного великого открытия его «открывателю» требовалось формально не так уж и много. Достаточно было «всего лишь» овладеть рядом общедоступных на тот момент знаний («Ж») и иметь повышенный интерес к самому предмету будущего открытия («Θ»). Вот и всё.

Вся «хитрость» здесь в том, что требуется не какое-то одно, а целый набор весьма разнородных знаний, которые, будучи сфокусированными в одной точке, и дают открытие.

А для обладания этими «разнородными знаниями» требуется выполнение двух условий: 1) чтобы все эти «знания» у человечества уже имелись ($\mathcal{J}_1, \mathcal{J}_2, \mathcal{J}_3$ и т.д.), и 2) чтобы у будущего «открывателя» имелись целевые мотивации ($\mathcal{I}$) по обретению каждого конкретного вида «знаний» из «нужного» набора (эти мотивации обозначим $\mathcal{I}_{\mathcal{J}_1}, \mathcal{I}_{\mathcal{J}_2}, \mathcal{I}_{\mathcal{J}_3}$ и т.д.)

Таким образом, «уравнение открытия» можно записать так:

$$\sum [\mathcal{J}_n * \mathcal{I}_{\mathcal{J}_n}] + \Theta = [\text{Открытие}] \quad (1)$$

Здесь каждый требуемый «вид знания» ($\mathcal{J}_n$) умножается на «мотивацию» получения именно этого «знания» нашим «открывателем» ($\mathcal{I}_{\mathcal{J}_n}$) и результат суммируется по всем требуемым видам знаний (т.е. по «n»). И к этому ещё плюсуется сам «интерес к предмету открытия» (Θ).

А теперь давайте посмотрим, что в этом смысле имелось у нашего героя.

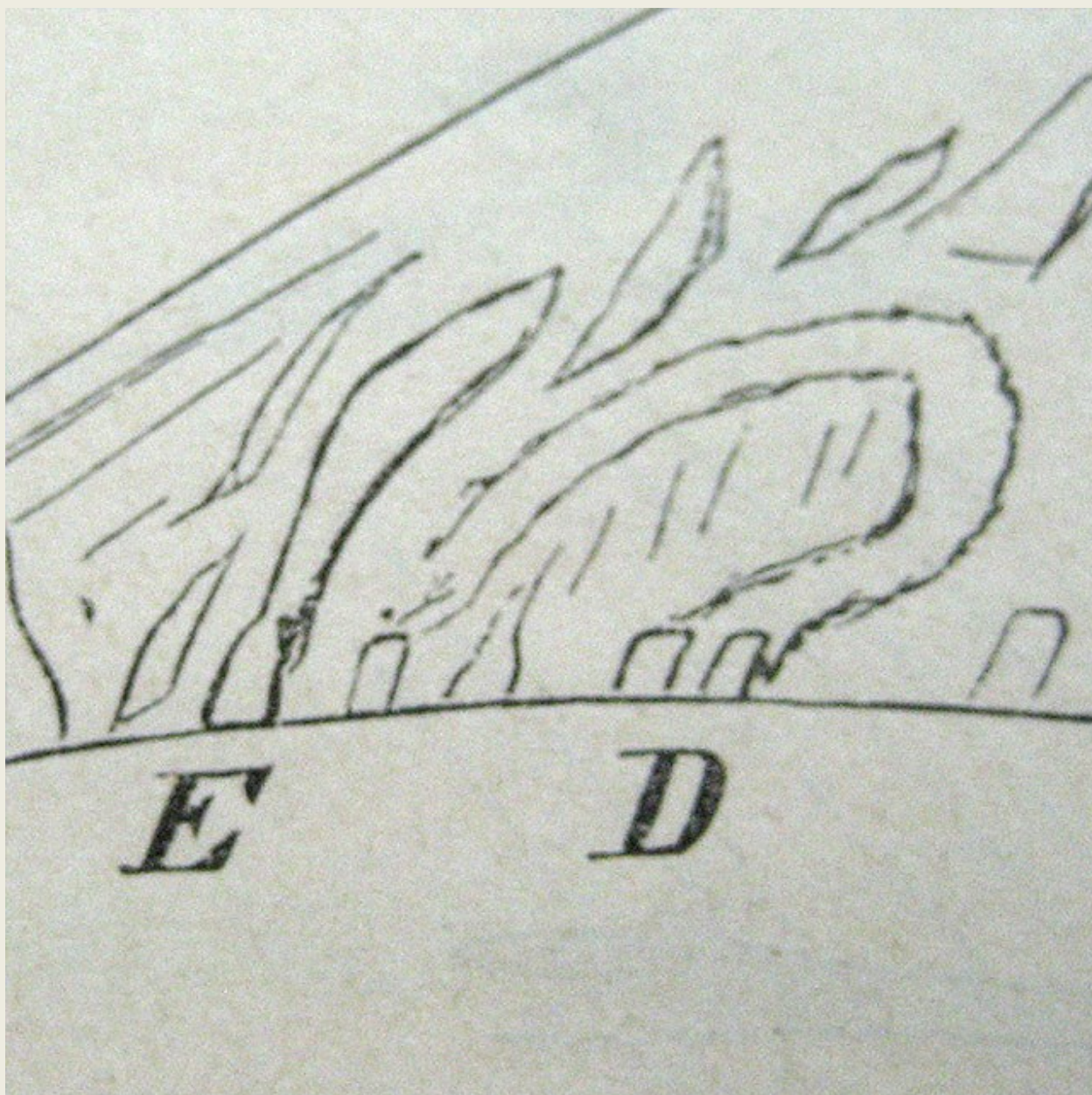
Я уже упоминал особый интерес Ганского к солнечным спектрам (то есть к химическому составу Солнца) и к «петлевым протуберанцам».

Первый из этих двух «интересов» однозначно предполагает знакомство с основами химии. То есть, Ганский должен был знать химию как минимум в объёме менделеевского учебника «Основы химии», вышедшего к 1903 году уже в 7-м издании. Дополнительный «выход на Менделеева» был у Ганского ещё и профессиональный. В Пулковской обсерватории он теснейшим образом сотрудничал с А. А. Белопольским, а тот, в свою очередь, напрямую консультировал Менделеева в ходе работы последнего над статьёй «Попытка химического понимания мирового эфира» (с. 32, СПб., 1905). И, наконец, говоря о «химических» компетенциях Ганского, не стоит забывать, что он несколько лет работал в Париже под руководством самого Жансена – открывателя «солнечного элемента», гелия.

Второй «интерес» Ганского (к «петлевым протуберанцам») возник ещё в 1896 году, во время наблюдения затмения на Новой Земле. Эти странные «петли» полностью завладели сознанием молодого астронома, что хорошо видно по изобразительному ряду его статей того периода.

[Илл. 10-08-03-2. «Петлевые протуберанцы» в рисунках Ганского около «протуберанца С». ИИАН, т. VI, № 1-3, 1897.]

[Илл. 10-13-01-1. «Петлевые протуберанцы» в рисунках Ганского около «протуберанца С». Там же.]

Хотя конкретный механизм образования «петлевых протуберанцев» долго ещё оставался неизвестен, их природа была интуитивно понятна. Уж слишком их форма (как и форма «корональных перьев») походила на те линии, по которым выстраиваются частицы железного порошка в магнитном поле в опытах Фарадея. Без всяких исследований было ясно, что без магнитного поля в формировании «протуберанцев» обойтись не могло ну никак.

Таким образом, интерес к «протуберанцам» вёл прямой дорогой к изучению такой дисциплины, как «электродинамика».

Тем более, что как раз в «электродинамике» совсем недавно появились существенные подвижки, которые Ганский также должен был уметь учитывать в своей работе с «протуберанцами».

В частности, в 1905 году вышла любопытная и широко обсуждаемая статья «К электродинамике движущихся тел» («Annalen der Physik», т. 17, с. 891-921) и её трёхстраничное продолжение «Ist die Trägheit eines Körpers von seinem Energieinhalt abhängig?» («Annalen der Physik», т. 18, с. 639-641). Это был на тот момент, так сказать, «электродинамический ликбез».

И третий явный «интерес» Ганского – это «солнечные гранулы». Тут речь шла об эффекте, как-то связанном с переносом «лучистой энергии» из глубин Солнца к его поверхности. Кстати, во Франции Ганский как раз активно занимался измерением так называемой «солнечной постоянной», то есть – удельной энергии излучения Солнца. Так что третий его «интерес» концентрировался вокруг самого факта излучения Солнцем энергии. Какими именно знаниями обладал Ганский в этой области, я точно сказать не берусь.

Но это и не важно. Поскольку уже перечисленного вполне достаточно для совершения некоего научного открытия.

Нелинейный член

Подставим приведённые выше данные в «уравнение открытия» (1). Под знаком «суммы» (Σ) у нас будет всего два «вида знаний» (для простоты восприятия каждое новое слагаемое в уравнении я буду писать с новой строки). Итак:

[«Знание-1»: Менделеев, «Основы химии», 1903, стр. X, 107, 181, 477] (умножить на) [«Мотивация-1»: интерес к химическому составу Солнца, при наличии прямого выхода на Менделеева через с А.А. Белопольского] +

+ [«Знание-2»: статья «Ist die Trägheit eines Körpers...?», с. 641, 1905, как продолжение статьи «К электродинамике...», 1905] (умножить на) [«Мотивация-2»: интерес к электродинамике в рамках изучения «петлевых протуберанцев»] +

+ [«Интерес к области самого открытия»: интерес к механизму солнечного излучения, как следствие интереса к «гранулам» и «солнечной постоянной»] =

= [Открытие?]

Выходит, начиная уже с 1905 года Ганский мог сделать некое открытие?

Увы, нет. Поскольку уравнение (1), строго говоря, не верно. В нём пропущен один важный нелинейный член. Этот член – «уверенность в собственном праве на открытие» (Λ).

Так что в окончательном виде «уравнение открытия» выглядит так:

$$\Sigma [\mathcal{X}_n * \mathcal{Y}_{\mathcal{X}_n}] + \Theta + \Lambda = [\text{Открытие}] \quad (2)$$

А вот с нелинейным членом «А» у Ганского в 1905 году были большие проблемы. Для их решения нужно было ждать ещё как минимум 9 лет, до 1914 года.

Затмение-2

Но Ганский, как мы знаем, погиб в 1908 году. Так что группу по наблюдению очередного полного солнечного затмения (1914) возглавил не он, а его коллега по новоземельской экспедиции Сергей Костинский.

Затмение 21 августа 1914 года было удобно тем, что его полоса полностью проходила по Европейской территории России, и даже непосредственно через такие города, как Феодосия, Киев, Минск и Рига. Чтобы зря не навёртывать вёрсты, Костинский поехал где ближе, в Ригу.

Наблюдение затмения в Риге прошло нормально. Костинский сделал все намеченные снимки, выполнил план, написал отчёт. Вот некоторые его фрагменты.

Целью <...> было получение снимков как внутренней, так и внешней короны, а также протуберанцев <...>. Имелось также в виду получить <...> изображение ближайших к Солнцу светил (Меркурия, альфа Leonis и других звезд), главным образом – с целью ориентировки. <...>

Вся указанная выше программа фотографирования была выполнена <...>

Освещение фона неба было значительно сильнее, чем при затмении 1896 г. (на Новой Земле). <...> Простым глазом я видел только Меркурия. <...>

Снимки солнечных серпов №№ 0 и 8, снятые специально для ориентировки, имеют побочный интерес, потому что на всех снимках №№ 1-5 вышло также изображение звезды альфа Leonis, которое может лучше всего служить этой цели.

(«Краткий отчёт наблюдения полного солнечного затмения 8/21 августа 1914 года в г. Риге. С.К. Костинского», «Известия Императорской Академии Наук», VI серия, 1914, вып. 13, с. 885-888)

С ума сойти! С момента завершения экспедиции на Новую Землю прошло 18 лет, целая жизнь со всеми её взлётами и падениями, открытиями и свершениями, десятками других затмений, переворотами в мировой науке, японской войной, три года уже как длящейся революцией в Китае, которой не видно ещё конца и края – а Костинский продолжает мерять всё вокруг новоземельскими мерками. Вот что значит «первая – она навсегда».

Но так-то результаты наблюдений в Риге были вполне обычными – подшить и сдать в архив. Кому нужно – найдут и прочтут. Вот, 103 года спустя, оказалось нужно мне. Я нашёл и прочёл. И – не сразу, но увидел.

Конкурент

Впрочем, затмение 1914 снимал не только Костинский. Несколько групп астрономов приехали в Россию и рассредоточились по линии затмения – от Феодосии до Риги. Прибыла и группа из Германии во главе с Эрвином Фрейндлихом и направилась в Феодосию.

Но так вышло, что за несколько дней до затмения началась «германская война». А потому Фрейндлиха задержали до выяснения, а его телескопы на всякий случай реквизировали. На этом экспедиция Фрейндлиха и закончилась.

Ради справедливости следует отметить, что если бы даже ничего этого и не произошло, миссия Фрейндлиха всё равно бы провалилась. Поскольку на всём протяжении линии затмения от Феодосии до Минска небо в тот день закрывали плотные облака. Об этом нам сообщает небезызвестный Оскар Баклунд.

В северной части полосы полного затмения <...> было совершенно ясно; В южной части, начиная с Минска, до Феодосии было почти повсюду пасмурно. <...>

В Риге условия наблюдения были весьма благоприятны. <...> Альфа Leonis блистала в лучах короны.

(«Предварительный отчёт о наблюдении полного затмения Солнца 8/21 августа 1914 года в г. Риге. О. А. Баклунда», «Известия Императорской Академии Наук», VI серия, 1914, вып. 13, с. 883-884)

А Фрейндлиха вскоре отпустили домой. Хотя телескопы так и не вернули.

Чего мы не узнали

А ведь Фрейндлих ехал в Феодосию не наблюдать всякие там «короны-протуберанцы». У него была совершенно особая миссия. По сути, спецзадание.

Надо сказать, что Эрвин Фрейндлих отнюдь не являлся известным астрономом. И возглавил он экспедицию в Феодосию только потому, что он оказался единственным астрономом, которого настоящему инициатору экспедиции удалось уболтать принять участие в этой довольно безумной затее. Инициатором же был Альберт Эйнштейн.

Эйнштейн был настойчив. Он приглашал Фрейндлиха в гости, очаровывал Фрейндлихову невесту, обещал Фрейндлиху найти спонсоров и даже выражал готовность в случае чего добавить в проект свои личные сбережения (и это при том, что он не смог найти не то что требуемых тысяч в карманах «спонсоров», а даже в своём собственном кармане пары купюр не смог найти, когда пришла пора расплатиться за завтрак, на который он пригласил Фрейндлиха с невестой). Короче, Эйнштейн старался вовсю.

Потому что затмение 1914 года было ему нужно позарез. Уже три года как Эйнштейн продвигал свою «Теорию гравитации» (она же – «Общая теория относительности»), из которой следовали весьма «непривычные» выводы. Чтобы убе-

дить скептиков, необходимо было предъявить какое-нибудь экспериментальное «чудо».

Беда была в том, что предсказанные теорией эффекты оказывались в земных условиях исчезающе слабыми, и чтобы их уловить требовались космические масштабы. А как раз такие масштабы и давало затмение 1914 года.

Солнце, согласно новой теории, должно было представлять собой «гравитационную линзу», преломляющую свет далёких звёзд, если он проходит «впритирку» к солнечному краю. Эйнштейн рассчитал угол ожидаемого преломления света конкретной звезды в конкретном месте в конкретное время. Оставалось только этот угол продемонстрировать человечеству. От этого зависело – примет ли это самое человечество остальные аргументы Эйнштейна или нет.

Соответствует ли природе <...> должно решить исследование снимков звезд, появляющихся рядом с Солнцем во время полных солнечных затмений. Можно надеяться, что к важным результатам приведёт уже наблюдение солнечного затмения 1914 года.

(Эйнштейн, «К современному состоянию проблемы тяготения», «Zum gegenwärtigen Stande des Gravitationsproblems», Phys. Z, 1913, 14, с. 1262)

Так что Эйнштейн старался изо всех сил, чтобы экспедиция в Феодосию состоялась. Даже обещанные Фрейндлиху деньги смог выбить (что для него было вообще подвигом), и не у кого-нибудь, а у фабриканта-миroeда Круппа.

И всё это оказалось напрасным. А следующего подходящего затмения ждать теперь было пять лет. А вы говорите – «Ганский»!

<Ганский> → <Эйнштейн>

В заголовке я взял обе фамилии в угловые скобки, чтобы подчеркнуть виртуальный характер записанного взаимодействия. В реальности его не было, но оно «могло быть» – и при определённых условиях «должно было быть».

Представим, что в 1914 году рижскую группу наблюдения возглавил не астроном старой школы Костинский, а яркий, энергичный, открытый всем ветрам Ганский, научное становление которого происходило в самом центре бурлящей европейской науки, в Париже. Ганский, являвшийся учеником Жансена и писавший свои собственные статьи на языке Эйнштейна. Ганский, для которого стадия простого «наблюдения протуберанцев» к тому времени уже давно была в далёком прошлом. Ганский, которому нужны были новые горизонты, что как раз и предлагал Эйнштейн.

Тем более, что никаких особых «измерений» и делать-то не требовалось. Всего и нужно было снять солнечную корону с подходящей экспозицией, чтобы проявились близкие к Солнцу звёзды. После чего оставалось измерить по снимку видимые положения этих звёзд и сравнить их с ожидаемыми (согласно расчётам классической небесной механики) их положениями на небе. Разница, согласно Эйн-

штейну, должна была составить чуть меньше одной угловой секунды. Мало, но уловить можно.

Скажу больше, как минимум часть намеченных Эйнштейном звёзд (если не все) присутствуют даже на снимках Костинского – вспомните его отчёт («на всех снимках №№ 1-5 вышло также изображение звезды альфа Leonis»). Так что многое из того, что было нужно для проверки «Теории гравитации», Костинский и так получил, но не понял этого.

Как мы помним из его отчёта, изображение звезды «альфа Leonis» на своих снимках Костинский планировал использовать «для ориентировки» (то есть принимая его за «истинное», вести отсчёт от него). А надо было вместо этого сравнить полученное положение звезды с расчётным. Но чтобы сделать этот маленький арифметический шаг, требовалось совершить гигантский прыжок в собственном научном сознании. Тот, который не сделал Сергей Костинский, и который, вероятно, смог бы сделать Алексей Ганский.

Это, впрочем, вовсе не означает, что в 1914 году Ганскому было суждено стать человеком, экспериментально подтвердившим «Теорию гравитации» Эйнштейна. Вместо этого, Ганского ждала бы ещё бОльшая слава.

Поскольку измеренный Ганским угол отклонения света не мог в 1914 году совпасть с предсказаниями Эйнштейна. В «Теории гравитации» на тот момент имелась серьёзная ошибка.

Так что будь Ганский жив, он в 1914 году стал бы ни много ни мало, как «человеком, поправившим Эйнштейна». То есть, почти ему равным.

На самой «Теории гравитации» это, впрочем, особо не сказалось бы. Реальная проверка в 1914 году по известным причинам не состоялась, но несмотря на это уже через год Эйнштейн нашёл и исправил свою ошибку сам.

Но для Ганского 1914 год стал бы годом полного триумфа. Никому неизвестный астроном из «страны медведей», победивший «Голиафа» мировой науки. Что ещё, скажите, могло так поднять веру Ганского в себя?

И тогда у Ганского появился бы тот отсутствовавший «нелинейный член» («А») для его «уравнения открытия» (2).

Параману-Йога

«Параману-йога» в буквальном переводе с санскрита на древне-греческий означает «нуклео-синтез». А в переводе на русский это даёт «термоядерную реакцию».

И именно её, а не поправку к «Теории гравитации», по всему должен был открыть Ганский в 1914 году.

Посмотрим снова на «уравнение открытия» (2). Члены « Θ » и «А» («интерес к происхождению солнечной энергии» и «уверенность в собственном праве на открытие») применительно к Ганскому мы уже обсудили.

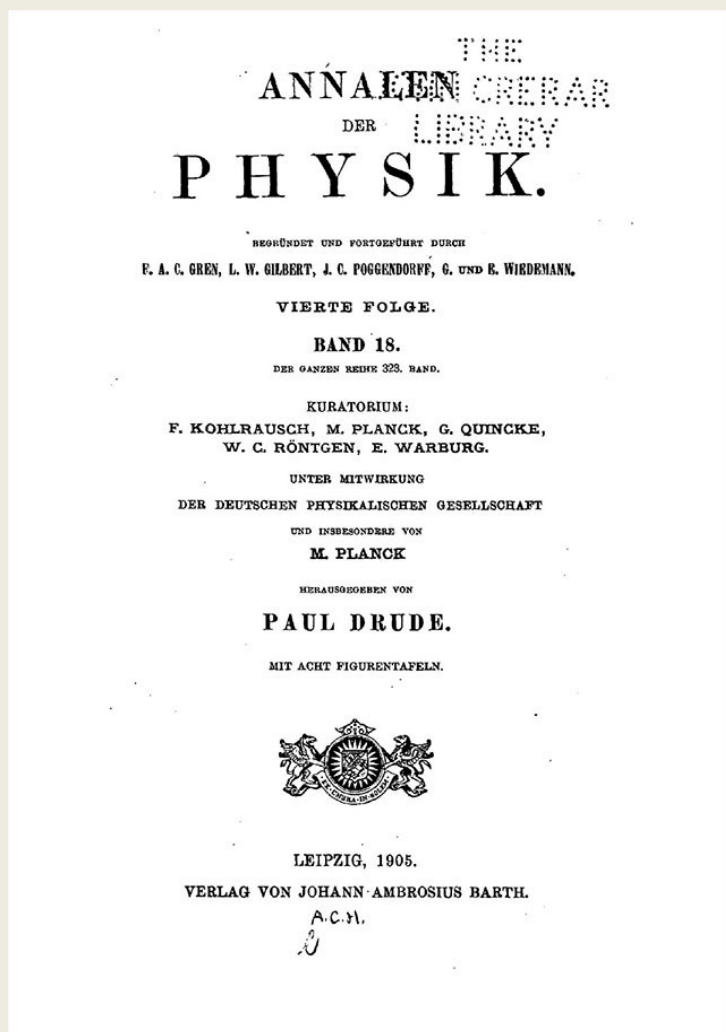
Вообще, история изучения Солнца в XIX веке не может не удивлять. Исследования в этой области продвинулись к концу столетия очень далеко. Были зафиксированы и детально описаны «пятна», «протуберанцы», «корона», «перья», «гранулы», солнечные циклы, спектры, химический состав солнца, хромосфера, фотосфера, температура на поверхности и внутри, интенсивность и состав излучения. И много чего ещё было обнаружено и детально описано в солнечном строении.

И при всём этом не имелось ни малейшего понятия – почему вообще Солнце светит? Просто никаких идей. Отчаянность положения в этом вопросе видна уже по одному тому, что теория «о нагреве Солнца падающими на него метеоритами» не сбрасывалась окончательно с научных счетов. Глупо, конечно, но детям как-то надо объяснять.

Так что вопрос о природе солнечной энергии был в начале XX века как самым животрепещущим, так и самым безнадежным вопросом науки.

И тут в одной точке (в которой должен был находиться в 1914 году Ганский, будь он жив) сошлись следующие две вещи.

а) Страница 641 журнала «Annalen der Physik» за 1905 год, том 18. Вот она:

[Илл. 10-19-01-1. Журнал «Annalen der Physik», т. 18, 1905. Титульный лист.]

Trägheit eines Körpers von seinem Energieinhalt abhängig? 641

tiven Konstanten der Energien H und E abhängt. Wir können also setzen:

$$H_0 - E_0 = K_0 + C,$$

$$H_1 - E_1 = K_1 + C,$$

da C sich während der Lichtaussendung nicht ändert. Wir erhalten also:

$$K_0 - K_1 = L \left\{ \frac{1}{\sqrt{1 - \left(\frac{v}{V}\right)^2}} - 1 \right\}.$$

Die kinetische Energie des Körpers in bezug auf (ξ, η, ζ) nimmt infolge der Lichtaussendung ab, und zwar um einen von den Qualitäten des Körpers unabhängigen Betrag. Die Differenz $K_0 - K_1$ hängt ferner von der Geschwindigkeit ebenso ab wie die kinetische Energie des Elektrons (l. c. § 10).

Unter Vernachlässigung von Größen vierter und höherer Ordnung können wir setzen:

$$K_0 - K_1 = \frac{L}{V^2} \frac{v^2}{2}.$$

Aus dieser Gleichung folgt unmittelbar:

Gibt ein Körper die Energie L in Form von Strahlung ab, so verkleinert sich seine Masse um L/V^2 . Hierbei ist es offenbar unwesentlich, daß die dem Körper entzogene Energie gerade in Energie der Strahlung übergeht, so daß wir zu der allgemeineren Folgerung geführt werden:

Die Masse eines Körpers ist ein Maß für dessen Energieinhalt; ändert sich die Energie um L , so ändert sich die Masse in demselben Sinne um $L/9 \cdot 10^{20}$, wenn die Energie in Erg und die Masse in Gramm gemessen wird.

Es ist nicht ausgeschlossen, daß bei Körpern, deren Energieinhalt in hohem Maße veränderlich ist (z. B. bei den Radiumsalzen), eine Prüfung der Theorie gelingen wird.

Wenn die Theorie den Tatsachen entspricht, so überträgt die Strahlung Trägheit zwischen den emittierenden und absorbierenden Körpern.

Bern, September 1905.

(Eingegangen 27. September 1905.)

[Илл. 10-19-02-1. Там же, с. 641. Статья «Ist die Trägheit eines Körpers von seinem Energieinhalt abhängig?» (окончание).]

Это – последняя страница уже упоминавшейся мной статьи Эйнштейна «Ist die Trägheit eines Körpers von seinem Energieinhalt abhängig?» («Зависит ли инерция тела от содержащейся в нём энергии?»), где автор прямо и недвусмысленно заявляет о буквальной эквивалентности «массы» и «энергии» – и количественной их связи.

Да-да, только что мы видели то самое $E = mc^2$, только в несколько непривычной форме.

Вот как это звучит в переводе (« V » здесь – это «скорость света в вакууме»):

Из этого уравнения непосредственно следует, что если тело отдаёт энергию L в виде излучения, то его масса уменьшается на L/V^2 . При этом очевидно, несущественно, что энергия, взятая у тела, прямо переходит в лучистую энергию излучения, так что мы приходим к более общему выводу.

Масса тела есть мера содержащейся в нём энергии; если энергия изменяется на величину L , то масса меняется соответственно на величину $L/(9 \cdot 10^{20})$, причём здесь энергия измеряется в эргах, а масса – в граммах.

б) Страница 477 «Основ химии» Менделеева, 7-е издание, 1903 год.

На указанной странице (как и на многих других) со всей определённости указаны атомные веса для двух, в частности, элементов – водорода и гелия. А именно: у водорода – 1,008; у гелия – 4 ровно.

и металло- органич. соедине- ния $R=H, CH^3...$	и ихъ атом- ные вѣса.	$X=1/2O, (OH), Cl,$ $(NO^3), (OM),$ гдѣ $M=K, 1/2Ca, 1/3Al$ и т.п.
RH	$H = 1,008$	
	$He = 4,0$	
RLi	$Li = 7,03$	LiX
R^2Be	$Be = 9,1$	BeX^2
R^3B	$B = 11,0$	BX^3
R^4C	$C = 12,0$	CX^4
R^3N	$N = 14,04$	NX

[Илл. 10-19-03-1. Менделеев, «Основы химии», 7-е издание, 1903, с. 477.]

История измерения атомных весов химических элементов насчитывала на тот момент уже не одно столетие. Началось всё с того, что выяснилось, что атомные веса всех известных и вновь открываемых элементов точно кратны $1/16$ веса ато-

ма кислорода. Данное «совпадение» поначалу казалось совершенно неправдоподобным, но со временем с этой неправдоподобной реальностью пришлось смириться.

Однако увеличение точности измерений поставило учёных перед ещё более удивительным фактом: атомные веса не «точно», а «примерно» кратны друг другу. Никаких объяснений этому так и не нашлось, просто это было принято, как факт. Поскольку чистота проводимых замеров не оставляла места ни малейшим сомнениям: водород – 1,008; гелий – 4 ровно.

Итак, Ганскому оставалось только сложить эти «а» и «б». А именно: если четыре атома водорода каким-то образом соединятся, то они дадут один атом гелия, и при этом куда-то «пропадёт» около 1% массы. И вот теперь (с помощью Эйнштейна) становится понятно – куда. Этот 1% массы может непосредственно перейти в энергию светового излучения.

Теперь всё сходилось. И водород и гелий на Солнце есть. Более того, именно на Солнце-то гелий и был обнаружен в огромных количествах, при том что на Земле он к тому моменту был еле-еле уловим.

Если посчитать, умножая в столбик, сколько надо «тратить» водорода, чтобы обеспечить имеющуюся светимость Солнца, и какая у Солнца всего имеется масса, и на сколько лет этого хватит – если всё это прикинуть, то на удивление все концы начинают сразу сходиться с концами.

Так что не остаётся ничего иного, как предположить, что на Солнце протекает реакция слияния ядер атомов водорода – с образованием в результате гелия и выделением огромного количества энергии (как раз такого, какое и фиксируется приборами).

При каких условиях возможно начало и поддержание такой реакции, и можно ли её воспроизвести в земных реалиях – эти вопросы можно было оставить на потом. Важно, что такая реакция в принципе возможна, и её существование объяснило бы многие и многие наблюдаемые эффекты.

Всё. Для открытия этого достаточно. Ганскому в 1914 году предстояло сообщить человечеству, что на Солнце миллиарды лет непрерывно идёт «параману-йога».

Запасной сценарий

Как-то в этих рассуждениях слишком всё просто. Взял одно, сопоставил с другим, вспомнил о третьем, кое-что предположил – и открытие готово. Для литературы это может и сгодиться, но в жизни так не бывает.

Но дело в том, что «в жизни» именно так всё и было. В другом году и с другим человеком – но именно так.

В августе 1914 года проверка «Теории гравитации» Эйнштейна, как мы знаем, не состоялась. Так что всё перенеслось на следующее затмение, на май 1919. Впрочем, нет худы без добра. Отсрочка позволила Эйнштейну самому найти ошибку в

собственной теории, всё поправить и дать уточнённый прогноз угла отклонения света в «гравитационной линзе».

Так что, когда в 1919 году астрономическая экспедиция отправилась к берегам Африки (где проходила полоса затмения) и сделала соответствующие снимки – прогнозы Эйнштейна уже в точности подтвердились.

Человека, который принёс миру эту благую весть звали Артур Эддингтон.

Так Эддингтон (на тот момент малоизвестный астроном и будущий Нобелевский лауреат) получил собственный «нелинейный член» («А») для своего «уравнения открытия». При том, что с теоретическими предпосылками «открытия» всё было к тому времени в полном порядке.

Эйнштейновский «принцип эквивалентности массы и энергии» был на тот момент известен уже 15 лет как.

Ещё больше лет было известно, что масса атома водорода равняется 1,008, а гелия – ровно 4. Эддингтон, впрочем, получил ещё и дополнительное напоминание об этом факте.

В 1919 году из армии демобилизовался Фрэнсис Астон, ученик Томпсона. Первым делом он показал всем знакомым свой дембельский альбом, а вторым делом – изготовил прибор, который впоследствии назовут «масс-спектрографом» (и за который он вскоре получит Нобелевскую премию).

Сделан был «масс-спектрограф» с целью разделения изотопов, но попутно оказалось, что им можно с высокой точностью измерять атомные массы. Чем Астон и развлекался весь год. В числе прочего, он вновь измерил массу водорода и гелия. И вновь подтвердил то, что и до него было хорошо известно Менделееву (а через него и всему учёному миру). А именно: «водород – 1,008; гелий – ровно 4»

Но почему-то результаты конкретно Астона зацепили острый глаз Эддингтона. А дальше всё произошло в точности так, как уже было мной описано в предыдущем пункте.

А именно: астроном Эддингтон, сопоставив всего два факта, сформулировал понятие «термоядерного синтеза» и выдвинул гипотезу его протекания в недрах Солнца.

Озарение пришло в августе 1920, опубликовано – в сентябре в «Nature» и в октябре в «Observatory». Вот как это выглядело дословно.

The nucleus of the helium atom, for example, consists of 4 hydrogen atoms bound with 2 electrons. But Aston has further shown conclusively that the mass of the helium atom is less than the sum of the masses of the 4 hydrogen atoms <...> the atomic weight of hydrogen being 1,008 and the helium just 4. <...> We can therefore at once calculate the quantity of energy liberated when helium is made out of hydrogen. If 5 per cent of star's mass consists initially of hydrogen atoms, <...> the total heat liberated will more than suffice for our demands, and we need look no further for source of star's energy. <...> (p. 354)

If, indeed, the sub-atomic energy in the stars is being freely used to maintain their great furnaces, it seems to bring a little nearer to fulfilment our dream of controlling this latent power for the well-being of human race – or for its suicide. (p. 355)

(Arthur Eddington, «The Internal Constitution of the Stars», журнал «The Observatory», vol. XLIII, № 557, October 1920, p. 341-358)

hydrogen atoms bound together with negative electrons. The nucleus of the helium atom, for example, consists of 4 hydrogen atoms bound with 2 electrons. But Aston has further shown conclusively that the mass of the helium atom is less than the sum of the masses of the 4 hydrogen atoms which enter into it—and in this, at any rate, the chemists agree with him. There is a loss of mass in the synthesis amounting to about 1 part in 120, the atomic weight of hydrogen being 1.008 and that of helium just 4. I will not dwell on his beautiful proof of this, as you will no doubt be able to hear it from himself. Now mass cannot be annihilated, and the deficit can only represent the mass of the electrical energy set free in the transmutation. We can therefore at once calculate the quantity of energy liberated when helium is made out of hydrogen. If 5 per cent. of a star's mass consists initially of hydrogen atoms, which are gradually being combined to form more complex elements, the total heat liberated will more than suffice for our demands, and we need look no further for the source of a star's energy.

Oct. 1920.] *Internal Constitution of the Stars.*

355

hydrogen is the only element for which Mr. Aston has been able to detect the deviation. No doubt we shall learn more about the possibilities in due time. The position may be summarized in these terms: the atoms of all elements are built of hydrogen atoms bound together, and presumably have at one time been formed from hydrogen; the interior of a star seems as likely a place as any for the evolution to have occurred; whenever it did occur a great amount of energy must have been set free—in a star a vast quantity of energy is being set free which is hitherto unaccounted for. You may draw a conclusion if you like.

If, indeed, the sub-atomic energy in the stars is being freely used to maintain their great furnaces, it seems to bring a little nearer to fulfilment our dream of controlling this latent power for the well-being of the human race—or for its suicide.

[Илл. 10-19-04-1. Артур Эдингтон, статья «The Internal Constitution of the Stars». журнал «The Observatory», т. XLIII, № 557, октябрь 1920, с. 354-355. Фрагменты.]

6 лет спустя (1926) Эддингтон издал отдельную книгу с тем же названием, а ещё через 2 года (1928) эту книгу перевёл на русский язык младший брат Николая Вавилова Сергей. Однако сама журнальная статья, в которой Эддингтон впервые выдвинул идею «термоядерного синтеза», на русский до сих пор не переводилась. Так что дам её в собственном переводе.

В частности, ядро атома гелия состоит из 4 атомов водорода, связанных 2 электронами. Но Астон со всей определённости показал также, что масса одного атома гелия меньше, чем сумма масс 4 атомов водорода, <...> атомный вес водорода равен 1,008, а гелия – ровно 4. <...> Таким образом мы можем легко рассчитать [используя уравнение Эйнштейна 1905 года] количество энергии, высвобождаемой при синтезе гелия из водорода. Если изначально звезда на 5 процентов состоит из атомов водорода, <...> то полное количество высвобождаемой теплоты будет более чем достаточно для наших целей [т.е. для объяснения наблюдаемых эффектов], и у нас отпадает необходимость искать иные источники звёздной энергии. (с. 354)

Если суб-атомная энергия звёзд действительно сама собой поддерживает горение в этих великих «печах», то мы, похоже, стоим на пороге воплощения наших грёз о контроле над этой латентной энергией для процветания человеческой расы – или для её самоубийства. (с. 355)

(Артур Эддингтон, «Внутреннее строение звёзд», журнал «The Observatory», том. 43, № 557, с. 341-358, 1920. Перевод мой.)

Эддингтон дорого заплатит за это своё открытие. Вскоре его постигнет тяжкое проклятие «постоянной тонкой структуры». Но это будет уже потом, а сейчас дело было сделано.

Так, в сентябре 1920 года «термоядерный джин» был выпущен Эддингтоном из бутылки. А по всем понятиям, его должен был выпустить Ганский ещё в 1914.

Так или иначе, всё остальное стало с этого момента лишь делом времени.

Что известно

Известно, что свою «Специальную теорию относительности» (статью «К электродинамике движущихся тел») Эйнштейн начал словами «Известно, что...».

Впрочем, на великом и могучем немецком языке эта конструкция выглядит ещё более убедительно. Вот точная структура первой фразы означенной работы 1905 года (каждый знак «=» соответствует одной букве):

Что (Daß die) ===== – === =====
 ===== – == =====
 =====, =====
 =====, есть известно (ist bekannt).

Но не всем, возможно, известно, что первый перевод на английский язык первой публикации «Специальной теории относительности» был выполнен в Индии, в Калькуттском университете.

И что?

Итак, судьба помешала Ганскому сделать открытие «термоядерного синтеза» после затмения 1914 года, но не смогла помешать Эддингтону сделать это после затмения 1919. И в чём тут смысл, спросите вы? Для истории пять лет – это ничто.

Ну, это как посмотреть. Известно, что для создания «оружия возмездия» Гитлеру не хватило четырёх месяцев, а Сталину – четырёх лет. Что было бы с человечеством, если бы Гитлер с Гимлером с одной стороны, и Сталин с Берией с другой, получили бы в руки «оружие сдерживания» тогда, когда «сдерживать» было ещё некого?

Это была бы уже не «Параману-йога», это была бы уже двойная «Брахмастра».

Так что задержка в 5 лет возможно очень многое изменила в истории человечества. Очень-очень многое.

На этом завершим нашу игру в «А что, если бы...». И так заигрались.

Непроявленная реальность

А что другой участник экспедиции 1896 года, князь Голицын? Ему на Новой Земле тоже тогда было «видение», но в конце-концов всё вроде обошлось. Как так вышло?

Отправляясь на Новую Землю, Голицын планировал в первую очередь снимать там спектры затмения. «Spectrum» с латыни переводится как – «видЕние». Так что Голицын целенаправленно ехал именно за «видЕниями».

Специально был взят с собой спектрограф с большой дисперсией – для регистрации тонких эффектов, буде они возникнут. Просто спектры «коронального вещества» Голицына уже не интересовали.

Моя задача была <...> снять фотографию солнечной короны [именно] при большой дисперсии, чтобы потом, детально изучая полученный таким образом спектр, по ожидаемым смещениям тех или других линий, вывести заключения о движении самой солнечной короны.

(«Известия Императорской Академии Наук», 1897, т. VI, №3, с. 231)

Свой мощный спектрограф Голицын опробовал накануне затмения и выданная им картина всех просто заворожала:

[7 августа 1896] Воздух отличался необычайною прозрачностью и вид солнечного спектра в спектроскопе с большой дисперсией представлялся замечательно эффектным: ярким, блестящим, перерезанным множеством мелких линий, которые были как-то особенно отчетливо видны.

(Голицын, с. 33)

Во время затмения планировалось снять два принципиально разных спектра: а) спектр солнечной короны, и б) отдельно спектр «протуберанцев».

Князю Голицыну предстояло <...> снять две спектрограммы, как солнечного серпа в момент его исчезновения [где значительный вклад вносят именно протуберанцы – прим. авт.], так и солнечной короны.

(Там же, с. 35)

Собственно фотоснимки затмения вышли, как мы знаем, хорошо. А вот со спектрами всё сорвалось. О причинах этого Голицын высказывается несколько размыто:

Спектроскопические наблюдения не удалось. <...> Сила света солнечной короны <...> была слишком мала для спектрографа с такой большой дисперсией. <...> Около корональной линии 531,7 нм, где и предполагалось фотографировать спектр короны, дисперсия прибора была 1 нм <...> на 0,48 мм фотографической пластинки.

(Там же, с. 39)

Тут можно только повторить слова Карамзина, который под свежим впечатлением от прочитанной «Бхагавад-Гиты», написал по поводу спектроскопии следующее:

<...>
 Рассматривал я призму,
 <...>
 Но <...> мне нельзя проникнуть
 В состав чудесный света,
 Дробить лучей седмичных
 Великого светила.
 <...>

(Карамзин, «Анакреотические стихи А. А. П<етрову>», 1788)

Итак, со спектрами ничего не получилось. А что у Голицына в принципе могло здесь получиться?

Оттолкнёмся от приведённого в дневнике числа – 5317. Число это говорящее. Это – длина волны несуществующего элемента «корония», определённая к тому же неправильно. По современным представлениям никакого «корония» в природе нет (а есть высоко-ионизированное железо Fe^{13+}), и длина волны излучаемого им света не 5317 (как ошибочно считалось), а 5303.

Однако, на 1896 год «короний» в умах учёных существовал, так что со временем он был включён в менделеевскую «Таблицу Менделеева» (1-й ряд 0-й группы, Менделеев «Попытка химического понимания мирового эфира», с. 23, СПб, 1905; также: «Основы химии», 8-е издание, 1906). Аналогично, длина волны «корония» считалась именно 5317. Так что по крайней мере понятно, о чём здесь идёт речь.

Итак, Голицын собирался измерять тонкие эффекты спектров солнечной короны и протуберанцев в некоторой окрестности линии 5317 ангстрем. Если бы измерения прошли успешно, то в спектре короны была бы получена линия высоко-ионизированного железа, а в спектре «протуберанцев» – не получено даже и этого, поскольку высоко-ионизированного железа в «протуберанцах» нет.

В этом факте и заключена сырая правда – как яйцо в сундуке Кашея. Но – не вся правда. В яйце есть ещё железная иголка.

Да, в протуберанцах нет «высоко-ионизированного железа» (Fe^{13+}). Зато есть железо обычное (Fe). Которое имеет характерную спектральную линию недалеко от исследуемого диапазона (а именно 5250 ангстрем). Впрочем, данная линия была уже хорошо известна учёным и никакого интереса не представляла (-бы).

Если бы в том же 1896 году, уже после возвращения Голицына с Новой Земли, нидерландец Петер Зееман не обнаружил странный эффект (ныне «эффект Зеемана»), за который несколько лет спустя он получит Нобелевскую премию по физике.

Обнаружилось, что спектральные линии всех элементов расщепляются в сильном магнитном поле. На тот момент природа этого расщепления была совершенно непонятна. Но сразу стало ясно, что по данному расщеплению можно определять,

воздействовало ли магнитное поле на излучающий образец и какой оно было силы.

Так, именно с помощью эффекта Зеемана, в будущем и будет измерено магнитное поле Солнца в различных его точках. И измерения будут производиться по расщеплению именно той самой линии железа 5250 ангстрем.

И тогда-то и выяснится, что именно в «солнечных пятнах» (известных с незапамятных времён) напряжённость магнитного поля локально возрастает до просто чудовищных значений. А это даст ключ к пониманию их природы.

А именно – что магнитные линии Солнца периодически спонтанно «пробивают» его поверхность и выходят наружу – и там образуют гигантские магнитные петли. Точки входа и выхода этих «петель» из поверхности Солнца – это и есть «солнечные пятна». По этим «магнитным петлям», как по трубам, несутся потоки солнечного вещества, которые мы с Земли и видим, как «петлевые протуберанцы».

И в случае с Голицыным, мы отчётливо здесь видим упущенный шанс. В спектрах «протуберанцев» он мог (и должен бы был) увидеть странное расщепление линии железа (5250 ангстрем).

«Эффект Зеемана» – эффект слабый. Величина расщепления должна была составить у Голицына порядка одной сотой доли миллиметра на фотопластине. Однако, на эмульсии высокого разрешения (если не на антиореольных «Sandell», то уж точно на ортохроматических «Lumière» – а были взяты и те, и те) такой эффект теоретически мог быть зафиксирован. А открытия всегда делаются на пределе «теоретической возможности».

Так что Голицын был буквально в сотой доле миллиметра от открытия будущего «эффекта Зеемана» в спектре «протуберанцев».

И речь здесь даже не том, что «эффект Зеемана» мог в результате стать «эффектом Голицына». Ставки были гораздо выше.

«Эффект Зеемана» на линии железа (5250) даёт не «простое», а «мультиплексное» расщепление. А «мультиплексное» расщепление принципиально не может быть объяснено в рамках классической физики, тут нужна квантовая теория. На тот момент ещё не существовавшая.

И тут важно знать предысторию. Исходно Голицын (ещё в 1881, как распорядился всем этим Игнатий «Котик» Гриневицкий, купавшийся в Иордане) не был ни сейсмологом, ни метеорологом, ни астрономом. Он начинал свой научный путь как физик-теоретик. Свою диссертацию в 1893 году он назвал просто и со вкусом «Исследования по математической физике». И в ней, рассматривая природу «лучистой энергии», он ещё в 1892 году вплотную подошёл к пониманию необходимости и возможности создания квантовой теории.

Однако, диссертация Голицына была «зарублена» оппонентами. Особенно поусердствовала в этом тройка профессоров Московского Университета – А. П. Соколов, В. Я. Цингер и А. Г. Столетов. Да-да, тот самый Столетов.

В результате диссертация защищена не была, Голицын уволился из Московского Университета, переехал в Тарту и сменил область исследований. Квантовой теории в результате он тогда так и не создал.

И вот, три года спустя, на Новой Земле он оказался в шаге от экспериментального обнаружения некоего нового эффекта, который являлся «квантовым» по самой своей сути. Случись это – и Голицын получил бы мощный импульс к возобновлению своих прежних работ в области теоретической физики. И, возможно, именно ему в результате и было бы суждено стать «отцом» квантовой теории. При этом неизвестно, стала бы эта теория именно такой, какой её сделают в скором будущем Макс Планк, Эрвин Шрёдингер, Вольфганг Паули, Вернер Гейзенберг и другие.

Но на проявленных в кармакульской избе фотопластинах «Люмьера» слабые линии «мультиплекса» железа не проявились. В результате эффект «расщепления» обнаружен Голицыным не был – и призрак «квантовой физики» покинул его – уже навсегда.

Впрочем, «квантовый» подход как раз и предполагает принципиальную «неопределённость» сущего. В самой своей основе он зиждется на представлении, что наш мир может существовать во множестве разных состояний. И конкретно то, что мы наблюдаем на опыте – это лишь «проявившаяся» возможность, одна из многих. За границами которой лежат миллиарды и миллиарды до поры до времени «непроявленных» миров.

Собственно это и пытался донести Кришна до Арджуны в «Бхагавад-Гите», апеллируя к понятию «непроявленной реальности» («авьякты»). Тут лучше всё-таки взять перевод Бориса Смирнова, как терминологически более выверенный:

Есть иное Бытие – Вечное Непроявленное.<...> Им распростёрта Вселенная.

(«Бхагавад-Гита», VIII, 20, 22)

Вот так. «Чёрный огонь Познания» лишь опалил Голицына во время затмения, не дав взамен ничего. Кроме ощущения неясной тревоги, исходящей от солнечных «протуберанцев» странной формы.

Как бы там ни было, угроза создания квантовой теории миновала – и Мироздание оставило Голицына в покое.

Царевна Лебедь

Но самому-то Голицыну вся ситуация представлялась совершенно иначе.

Его, также как и Ганского, что-то сильно беспокоило в новоземельском затмении. Что именно – я могу только догадываться. Впрочем, не так это и важно. Поскольку некоторое время спустя Голицын, после одной поездки в Стокгольм, полностью оставил науку и ушёл на госслужбу.

Сделавшись, кстати, достаточно большим начальником – Управляющим «Экспедиции по заготовлению государственных бумаг». Четыре тысячи человек, не хухры-мухры.

А в России начальник – это тот, кого все непрерывно о чём-нибудь просят. Устроить племянника, поспособствовать решению вопроса, субсидию выделить, наконец. В приёмной с самого утра очередь из знакомых, «знакомых знакомых» и – «так просто», с улицы, кто понаглей.

А художники и поэты – те просто косяками идут. Тут – только дай.

И Голицын, надо сказать, иногда давал. Например, явился один молодой и тощий художник-оформитель, принёс свои комиксы-«манги» показать – нельзя ли как-то их отпечатать, он даже и денег на это скопил, вот, в узелочке завязаны. Голицын посмотрел – а чего? Рисунки хорошие, внятные, старательные, не «тяп-ляп», как сейчас. Можно и на казённый счёт издать. Издал. И даже гонорар выписал. То-то была художнику радость!

Голицыну не жалко, он и другую книжку его издал. А дальше уже само пошло. Звали художника Иван Билибин.

Со своей стороны, Билибин в долгу перед Голицыным не остался. Своему покровителю он пять лет спустя неосознанно оказал услугу, которую трудно переоценить.

В течение зимы 1904-05 Билибин сделал комплект иллюстраций к очередной своей книжке – на этот раз к пушкинской «Сказке о царе Салтане». Первым, кому он показал свою новую работу стал, как всегда, Борис Голицын. А Голицын едва только взглянул на макет книги с Билибинскими рисунками – и будто прозрел!

Настолько ясный и прозрачный посыл содержался, оказывается, в пушкинской сказке, что только сопротивляющийся ум мог умудриться его не распознать.

Судите сами. Сын царя Салтана, будущий «князь Гвидон», в результате злокозненных интриг и наветов (Ткачихи, Поварихи и бабы-Бабарихи) оказывается лишённым всего, что принадлежало ему по праву (царства его отца). Будучи изгнанным, он попадает на некий пустынный и совершенно голый остров. И там случайно присутствует при сцене, как «чёрный коршун» (злой колдун) нападает на «белую лебедь» (добрую волшебницу). Гвидон вмешивается и спасает «белую лебедь». В награду за это он получает практически неограниченные возможности – как административные (становится «князем» специально под него созданного «города»), так и чисто технические («чудо-белка», «изумрудные орешки», «тридцать три богатыря»). Чтобы избыть возникающую временами «тоску по прошлому», он,

в облике насекомого (комара и др.), делает ряд рейдов в места своей былой жизни (ко двору царя Салтана). А в завершение всего он женится на «доброй волшебнице» («Царевне Лебедь») и тогда «прошлое», в лице царя Салтана, само является и нему на поклон. Гвидон полностью реабилитирован, все его полномочия восстановлены и перед ним открывается новая счастливая жизнь.

Вот что представляет из себя на самом деле пушкинская «Сказка о царе Салтане».

И по всему выходит, что Голицын – он и есть тот самый «князь Гвидон». Ну как же! В результате «злокозненных интриг» (профессоров Соколова, Цингера и Столетова) он «лишён того, что принадлежит ему по праву» (достойной оценки его теории теплового излучения) и «изгнан» из родного гнезда (Московского Университета). Оказавшись на «неком совершенно голом острове» (Новой Земле, в 1896) он присутствует при сцене...

В следующем эпизоде Голицыну виделась не буквальная, а скорее символическая аналогия. Итак, на Новой Земле он присутствовал при сцене, в которой некая «чёрная сущность» (Луна), навалилась и закрыла собой лучезарную «белую сущность» (Солнце). Это – понятный образ солнечного затмения 9 августа 1896 года. Конечно, Голицын реально не «освобождал» тогда Солнце от Луны, хотя кармакульские самоеды именно так всё тогда и поняли. Но Голицын остро сопереживал событию, отслеживал его по секундам, вживался в каждый нюанс. Так что не только «символически», но и «эмоционально» он в нём определённо участвовал. А кроме того, согласно новой теории, только что созданной неким Эйнштейном, любое «наблюдение» принципиально является актом «вмешательства» в событие.

Далее. После того, как на Новой Земле «белая лебедь» (Солнце) была освобождена от «чёрного коршуна» (Луны), Голицын получил в награду «неограниченные возможности» – как «административные» (должность Управляющего крупнейшим казённым учреждением), так и «технические» (в его распоряжении оказались лаборатории с прекрасным оборудованием).

И точно так же, как и «Гвидон», Голицын на своём новом посту временами испытывал «тоску по прошлому» (по научной работе) и несколько раз, «инкогнито», делал вылазки в прошлую жизнь (предпринимал на свой страх и риск некоторые научные изыскания, например – усовершенствовал «сейсмограф», 1902).

Все действующие лица здесь предельно понятны. «Баба-Бабариха» – это, конечно, Столетов. «Ткачиха» с «Поварихой» – профессора Цингер и Соколов (последний мало того, что всегда начинал свои лекции словами: «Вот что я вам сегодня приготовил...», так ещё и жил на Поварской).

«Чудо-белка», достающая неизвестно откуда орешки с «золотыми скорлупками» – это министр финансов граф Витте, сотворивший (при активном участии Голицына) чудо чудесное, дав России «золотой рубль». Тут всё прямо по тексту: «из скорлупок лют монету да пускают в ход по свету», для контроля «приставлен дьяк приказный строгий счёт орехам вестъ» и т.д.

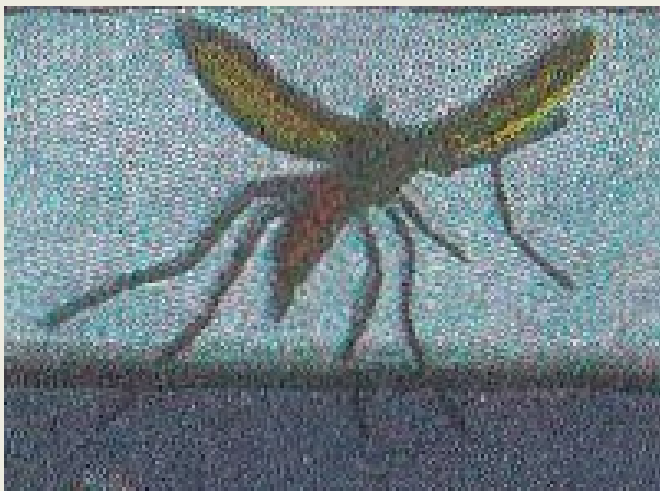
«Князь Гвидон» – это он сам, Голицын. Который в последние несколько лет тайком наведывался в науку, как «комар-невидимка». Эту параллель укрепляла и

«расшифровка» Голицыным названия новоземельского посёлка («Кармакулы»). Ведь это ничто иное, как «карма» (это понятно) плюс латинское «culex», то есть – «комар». И как раз эта самая «карма комара» и запечатлена Билибиным на иллюстрации, в цветах и красках.

[Илл. 10-24-01-1. Билибин, иллюстрация к «Сказке о царе Салтане» Пушкина. «Экспедиция заготовления государственных бумаг», СПб., 1905, с. 10. Сказочный остров царя Гвидона.]

[Илл. 10-24-01-2. Там же. Фрагмент. «Комар».]

А кто тогда в этом раскладе «его суженая», «Царевна Лебедь»? В рамках предложенной логики, это, выходит, собственно «наука». С которой Голицын должен обручиться отныне «на веки вечные».

И получалось – что? Что уже с того самого момента, когда солнечный диск освободился от тени луны (9 августа 1896 года, в 8 часов 37 минут 12 секунд местного времени) – с самого этого момента наложенное на Голицына «заклятие» (если таковое даже и имелось) было в любом случае уже полностью снято.

То есть – никакого «тяготеющего над ним Рока» все эти годы не было и в помине. Выходит, скрывался он от Судьбы на госслужбе – напрасно. Значит, он может безбоязненно вернуться в науку. Хоть прямо сейчас.

И Голицын возвращается в науку – «прямо сейчас». Чуть ли не с макетом билибинской книги ещё в руках, он увольняется из «Экспедиции заготовления государственных бумаг» и, как в омут головой, бросается в «Океан Познания».

А какая во всём этом роль собственно Билибина – спросите вы? А вот такая.

Описанную выше «цепную реакцию» отождествления себя с «князем Гвидоном» инициировал не сам пушкинский текст (известный Голицыну с детства), а именно иллюстрации к нему Билибина. Точнее, одна из них.

Та, в которой Билибин умудрился свести воедино три критически важные компонента – 1) «волшебный остров» (на котором Голицын наблюдал некогда затмение), 2) «великую гору» (которую Голицын 14 августа 1896 разглядывал вместе с Ганским в теодолит – «парящую» в небе громаду «Митюшёва Камня», 73.4766 N, 54.3856 E), и 3) «сакральное Солнце» (закрытое Луной и ставшее причиной всего произошедшего).

Все три ключевые образа, что на тот момент являлись «осями координат» сознания Голицына, Билибин связал в одной картине.

Возможно, тут требуется некоторое пояснение. Поскольку, ни «Горы», ни «Солнца» на рисунке Билибина в явном виде вроде бы нет.

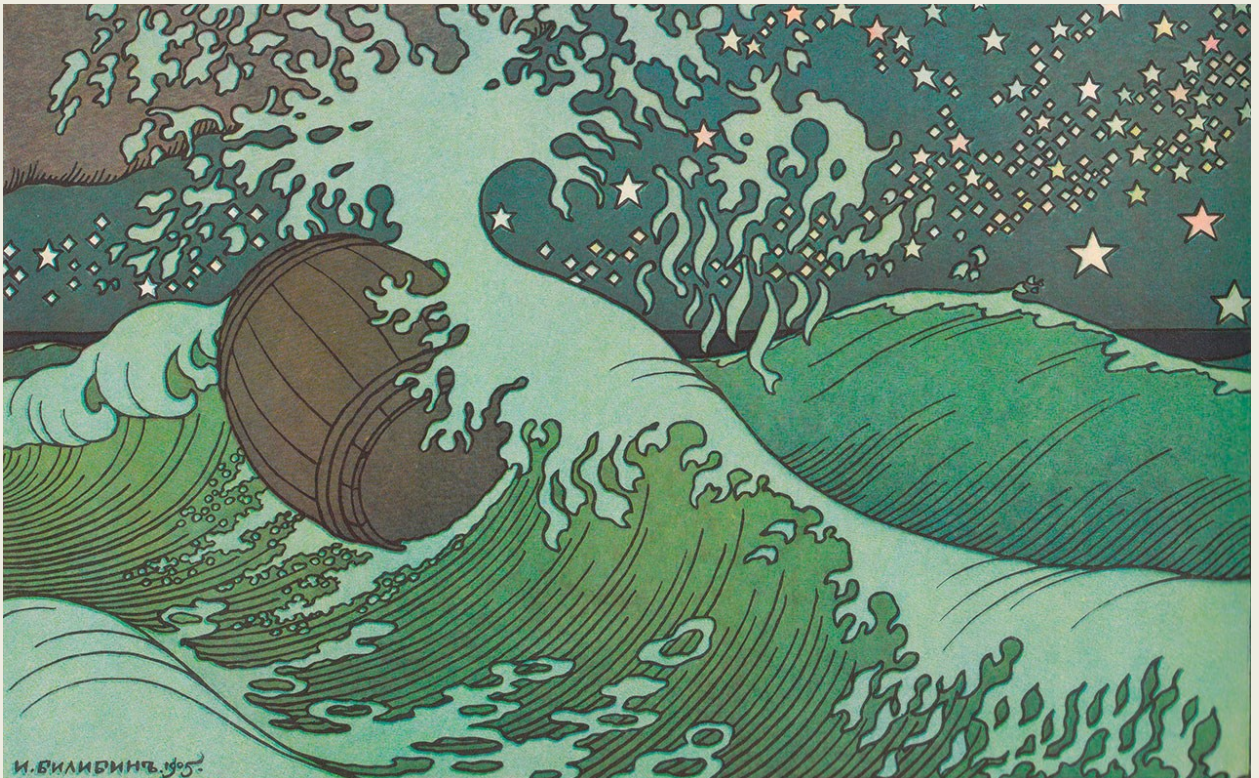
Именно, что «вроде бы». Поскольку и «Гора» и «Солнце» отчётливо и несомненно присутствуют на иллюстрации – «за кадром» (впрочем, Солнце в контакте с Луной присутствует и явно – на соседней странице).

[Илл. 10-24-02-1. Там же, с. 9. «Солнце и Луна».]

Так вот, Иван Билибин, при всей своей самобытности, в данной серии иллюстраций был, мягко говоря, «не совсем самостоятелен». А говоря по-простому, он напрямую «позаимствовал» то, что и составляет наиболее яркую и характерную особенность этих его картинок. А именно – технику изображения морских волн. Особенно это заметно на примере другой иллюстрации Билибина к «Сказке о царе Салтане» – плывущей по морю бочки.

[Илл. 10-24-03-1. Там же, с. 8. «Бочка».]

Все эти острые «водяные шипы», дробные «куски» пены, разлетающиеся не то звёздами, не то птицами, «переламывающаяся» назад верхушка пенного гребня, продольные «линии движения» волн – все эти элементы в иллюстрациях Билибина свежи, новы, точны и яркие. Именно они и придают всё очарование работе мастера.

Только надо при этом понимать, что абсолютно всё перечисленное Билибин целиком и полностью взял готовым у другого художника – Кацусики Хокусая, современника Карамзина.

Эти Билибинские заимствования хорошо известны искусствоведам. Единственно, в качестве примера здесь почему-то обычно приводят картину Хокусая «Большая волна в Канагаве» (1823-1831) – не самую, мне кажется, тут показательную. Более наглядной в этом смысле мне представляется картина Хокусая «Волна». Вот она:

[Илл. 10-24-04-1. Кацусика Хокусай, «Волна». Серия «100 видов Фудзи», 1834.]

А картина Хокусая «Волна» создавалась не сама по себе, а в рамках большой серии. На картинах этой серии могло быть изображено всё что угодно (волна, прополка брюквы, купание красавиц), но при этом обязательно должен был присутствовать один элемент – «священная гора» Фудзияма. Потому что серия так и называлась: «100 видов Фудзи».

Так что «священная гора» – это первое о чём вспоминаешь, когда видишь «хокусайские» иллюстрации «Сказки о царе Салтане» Билибина.

А второе, о чём при этом вспоминаешь – это о самой стране Кацусики Хокусайя. «Стране Восходящего Солнца».

Стране, по которой 9 августа 1896 года, также как и по Новой Земле, узкой полосой прошла тень того же самого полного солнечного затмения. И где астрономические наблюдения оказались полностью невозможны по причине густых облаков.

Последнее слово

Во всём этом, конечно, есть некоторая доля допущений. Но что вы хотите от главы, начинающейся с пещер и дебрей Индостана?

11. Молодые львы

Ситуационное поле – Пробный элемент – Лингвист – Студент – Смутьян – Блуждающие скалы – Шварки клуш – Un excursion – Станция – Новой Земли много не бывает – О всё выдавшем – Невеста – Чай – Былина – «Кореньница» – Петля времени

Ситуационное поле

Описывая сложные события, авторы часто прибегают к хорошо зарекомендовавшей себя модели «бильярдных шаров».

Эта модель предполагает, что ход событий определяется единственно последовательностью столкновений действующих лиц. В результате которых траектория движения каждого следующего персонажа меняется, что позволяет ему столкнуться со следующим персонажем, что в результате и приводит к требуемому финалу.

Так, первый шар ударяет во второй, второй (от борта) – в третий, а тот уже залезает в лузу (например, Аннушка разливает масло – и поэт Бездомный год спустя меняет профессию).

Эта модель в ряде случаев хорошо работает, но она не универсальна. С её помощью удаётся объяснить (и тем более предсказать) далеко не все происходящие процессы.

Так что следующим шагом в моделировании событийного континуума является введение понятия «ситуационного поля».

Само понятие «поле» означает, что в каждой точке пространства, в каждый момент времени существует некая потенциальная «интенция». То есть – если поместить в эту точку «пробный элемент» соответствующей природы (в случае электрического поля – единичный заряд, в случае гравитационного – единичную массу, в случае «ситуационного поля» – некий персонаж), то на этот элемент начнёт действовать сила, приводящая его в движение. Величина этой «силы» и её направление называются «напряжённостью поля» в данной точке.

Применительно к социальному бытию это выглядит так. Существует широко распространённое и интуитивно понятное выражение «общая ситуация». Наличием этой «общей ситуации» удаётся в целом объяснить глобальные тенденции и макро-события. Возникла «напряжённая ситуация на Балканах» – и вот вам Мировая война.

Однако, если присмотреться внимательней, то можно заметить, что в каждой точке пространства, в каждый момент времени имеется своя собственная «микроситуация». Так вот, совокупность всех «микроситуаций» всего мироздания и представляет собой «ситуационное поле». А «общая ситуация» является всего-навсего его средне-взвешенным значением.

В рамках этой модели, на каждый персонаж действует сторонняя сила, направление и величина которой определяется напряжённостью «ситуационного поля» в этой точке.

Так, персонажи со сходными свойствами, оказавшись в одной и той же точке, подталкиваются «внешней силой» в одном и том же направлении к одним и тем же поступкам, и траектории их судеб искривляются одинаковым образом.

Собственно по линиям движения сходных персонажей мы и можем судить о наличии «ситуационного поля» (а также о его силе и направленности) в той или иной области пространства.

Место для «свободы воли» при этом остаётся. Персонажи движутся в «одном направлении», однако на этом пути возникает более чем достаточно «точек бифуркации», когда выбор конкретной реализации «жизненного пути» в рамках «общей тенденции» определяется личным выбором или чистой случайностью («пришёл автобус вовремя – или опоздал», «было ясно – или с утра шёл дождь»).

Само же «ситуационное поле» порождается, в свою очередь, всей совокупностью «персонажей» и их действиями. То есть, если один персонаж под действием «поля» проехал рядом с городом Соловцом, то он тем самым изменил «ситуационное поле» в Соловце, и другой персонаж, находящийся в Соловце, ощутит на себе это изменение.

Так что персонажи, находящиеся в сходных условиях, взаимно влияют на поведение друг друга, даже не вступая в классический прямой контакт.

В нижеследующей истории предметом интереса (и изображения) будет в первую очередь именно «ситуационное поле», а не отдельные судьбы отдельных персонажей. Которые все ощутили на себе воздействие одной и той же «северостремительной силы», и все, в принципе, могли оказаться на Новой Земле. Но один на ней так и не оказался, другой проплыл совсем рядом, но чистая случайность унесла его прочь, а третий увяз в Новой Земле что называется «по уши». При этом они легко могли поменяться местами. «Ситуационное поле» оказывало на них сходное действие и жизненные их пути получились в чём-то неуловимо похожи. А различие в конкретной географии – это уже было делом случая.

Во взаимном движении персонажей просматривается и вот ещё какая закономерность. При том, что движущийся персонаж как бы «тянет» за собой другого – два сходных персонажа редко оказываются одновременно в одной точке. То есть второй, начиная движение следом за первым, либо «ждёт», пока первый покинет означенную точку, либо его траектория отклоняется таким образом, что он проходит близко, но мимо неё. Если же он даже в неё и попадает, то в любом случае не задерживается в ней, а без промедления движется дальше (пока первый персонаж продолжает в этой точке пребывать).

Это чем-то напоминает «Принцип Паули», запрещающий двум однотипным элементарным частицам (фермионам) одновременно находиться в одном и том же квантовом состоянии. Прямым следствием этого «принципа» является существование всех известных нам химических элементов в природе.

И последнее. Наиболее ярко эффект «ситуационного поля» проявляется на наиболее подвижных и активных «частицах». То есть – на персонажах молодых и пассионарных. Таковых я и выбрал для своей истории – для большей наглядности эффекта.

Итак, единое «ситуационное поле» в действии.

Пробный элемент

Описываемое нами поле не имеет ни начала ни конца – как в пространстве, так и во времени. У любой временной его точки существует предшествующая и последующая. Но с чего-то надо начинать – и для ровного счёта начну я с 1901 года, открывающего собой Век Народного Счастья.

Итак. Как всем хорошо известно (по крайней мере и Лепёхину, и Озерковецкому, и тому же Максиму), на Печоре былин нет. Печора – это такая река.

А потому, молодой фольклорист Николай Ончуков, 29, отправляется летом 1901 года на Печору скорее для порядка – ну, может записать пару-тройку рутинных «старин», не более.

Торопиться особо некуда, так что прибывает он в Усть-Цильму, с которой начинается «нижняя Печора», только к Петрову дню.

Усть-Цильма – село большое, как тут говорят «почти город» («славна да больша Усть-Цильма»). Две церкви, две школы, больница, почта, телеграф. Спокойно можно послать телеграмму в Норвегию и заказать себе беговые коньки новейшей модели.

Три года назад тут проезжал художник Александр Борисов (который сейчас, в июле 1901, уже пакует на Новой Земле вещи и готовится отбыть на материк после зимовки) и запечатлел образ Усть-Цильмы на века. Эту картину я уже вскользь упоминал, теперь пришло время её посмотреть внимательней. Вот такая она, Усть-Цильма.

[Илл. 11-02-01-1. Борисов, «Усть-Цильма», зима 1898.]

Ончуков, далеко не ходя, нашёл себе «старинщика» прямо в Усть-Цильме и сел записывать. Каково же было его изумление, когда тот сходу запел не что-нибудь,

а классическую былину. Выяснилось, что «стАринами» здесь былины и называют – про Илью Муромца, Садко, Чурилу Плёнковича, Бутмана Колыбановича и т.д.

Тут Ончуков бросился записывать всё подряд. Но случалась незадача – сразу после Петрова дня вся Усть-Цильма, от мала до велика, снялась как один с места и усвистела на лов сёмги и выпас скота. В «почти городе» не осталось до осени ни единой живой души. Так что в тот раз удалось записать только семь былин. Но и те произвели в Петербурге фурор.

Пришлось Ончукову возвращаться в Усть-Цильму на следующий год, но уже подготовившись и рассчитав правильно время. Записывать былины здесь лучше всего от Пасхи до Петрова дня – так Ончуков и ехал, отправившись из Петербурга 2 апреля 1902. Десять дней спустя он был уже в Усть-Цильме.

Пасха здесь – это всё ещё почти зима. А зимой на Печору едут посуху, проезжим (временами – малопроезжим) трактом из Архангельска, через Мезень и вдоль реки Цильмы – до самого места впадения её в Печору. Тут, на другом берегу великой реки, Усть-Цильма и стоит.

На этот раз Ончуков превзошёл сам себя. Он записал на Печоре всё, что только можно было записать. И эти его записи 1902 года составили добрую часть всего корпуса известных нам сейчас русских былин.

Были среди них былины и совсем уж редкие.

...ямщик мой указал мне на Петра Агеева, знающего какую-то очень уж складную стАрину, такую, какую ямщик не слышал больше нигде. Пошёл я к Агееву и попросил спеть. Тот <...> сказал, что стАрину он не поет, а «читает, как по книжке». Делать нечего, я согласился и на это. Тогда Агеев взял деревянную покрывку с горшка, лёг на кровать и, глядя в покрывку, как в книжку, без запинки отбарабанил мне лермонтовскую песню про купца Калашникова. <...> Песню 40-45 летний Агеев запомнил недавно, когда его грамотный брат, солдат, читал раза два по книжке.

(Ончуков, «Печорские былины», с. XXX, СПб., 1904)

Дело обычное. В 1937 году 10-летний фольклорист Валерий Митюшёв (мой отец) решил записывать коми-зырянские народные сказки. В семье язык коми знала к тому моменту уже только одна бабушка, Александра Ивановна. Валерий обратился к ней за материалом. И бабушка стала диктовать старинную сказку: «Чери кыйысь да чери йылысь мойд...» – и так далее.

Валерий тщательно всё записал, а потом попросил бабушку перевести это на русский. Александра Ивановна начала переводить: «Жил старик со своею старухой у самого синего моря...» – Стоп, – сказал Валерий – это же «Сказка о рыбаке и рыбке», Пушкин? – Ну, да, Пушкин, – подтвердила бабушка, – а какие ещё могут быть сказки?

Но шутки-шутками, а были у Ончукова в 1902 году записи действительно уникальные. Не только и не столько своей темой (все былины архетипичны, по определению), сколько по глубине проработки и уровню детализации.

Например, былина «Василий Буслаев в Иерусалим ездил», записанная около Пустозёрска (деревня Бедовая, «старинщик» Марков Павел Григорьевич), стала самой полной версией этой былины из всех нам известных.

И вообще, былина эта достойная. Василий Буслаев собрался плыть в Иерусалим – грехи молодости замаливать («У меня с молодости было бито-граблено»). Для убедительности он хочет прихватить с собой «подношеньце» («сорок тысяч»). Но мать его отговаривает:

<...>

Ерусалим-град дороженька не ближнее:
Кривой ездой ехать ровно три года,
Прямой ездой ехать нынче три месяца,
На прямоежкой дорожке есть субой [сбой струй] быстёр,
Субой-от быстёр, дак есть розбой велик <...>
Туда много добрых молодцов ведь уж хаживало,
Назад молодцы не ворочались. <...>

Но Василий мать не слушает. Он снаряжает специальный корабль и отплывает в Иерусалим вместе с тридцатью своими головорезами. Корабль в былине описан с большим знанием дела: нос и корма у него «по звериному, да хоботы мецёт по змеиному», мачты «кипарисные», оснастка «бела-шелкова», паруса «белополотнены», якоря «булатные» и т.п. Сходни, разумеется, «дубовые». Поплыли.

В пути Василию открывается «видение» над некой «крутой горой» (расположенной, судя по всему, на неожиданно показавшемся острове). Здесь былинный Василий делает традиционную былинную ошибку, выказав надменность там, где не следовало бы. Но в тот раз всё вроде-бы обошлось, и они поплыли дальше.

Побежали они да в ЕросАлим-град.
Заходили-то в галань карабельную,
Опушшали тонки парусы полотнены,
Пометали-то якоря булатные,
Поклали-то сходни концем на землю,
Пошли-то они да в ЕросАлим-град, <...>
Ко Господней гробничи приложились;
Положил Василей положеньичо,
Немало положеньё — сорок тысяч,
Пошел-то Василей ко Ердан-реки

Тут Василий совершает вторую непростительную ошибку. В Иордане без одежды купаться не положено, а он стал.

Скинывал-то Василей чветно платьичо,
Спускался Василей во Ердан-реку <...>

А как сказал Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех в «Книге путей и стран»:

Человек, потерпевший поражение, приходит и погружается в воду реки ал-Урдун <...> и извлекает немного...

(Ибн Хордадбех, «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик», л. 79)

На обратном пути из Иерусалима Василий и его товарищи вновь оказались у берегов того же острова с «крутой горой». И опять было Василию то же самое «видение». Решено было остановиться и подняться на эту гору.

Подошли-то они да ко крутой горы,
Не нашли-то они да чудна креста,
Нашли-то они да сер-горючь камень,
В ширину-то камень тридцать локот,
В долину-то камень да сорок локот,
Вышина его у камешка ведь трёх локот <...>

Скакали они да вдоль по камешку,
Вперёд-от скочили, назад отскочили;
Скочил Василей сын Буслаевич,
Да пал-то Василей грудью белою,
Да пал, разломил-то да грудь свою белую <...>

Положили их да во белой гроб <...>

Если коротко, Василий Буслаев отправился в «Град Небесный» Иерусалим, увидел над крутой горой на острове некое «видение», поднялся на эту гору, ударился о камень и убится. Такая история.

Или вот ещё ончуковская былина – о «жестокой любви», записанная в 50 километрах от Усть-Цильмы, в деревне Верхнее Бугаево. Называется она «Чурило и неверная жена». Собственно, название содержит в себе всё её содержание. Стоит лишь уточнить, что «Чурило» здесь персонаж отрицательный – создающий проблемы как себе (что ещё ладно бы), так и окружающим. Он выступает в роли соблазнителя – и обманутый муж убивает в конце сначала его, а потом и свою «неверную жену».

Эту «стАрину» исполнил Ончукову крестьянин Шишолов Василий Дорофеевич. Ончуков снабдил его следующей характеристикой:

Лет 40-45, веселый, разухабистый мужик, постоянно почти навеселе. С женой он не живет, а имеет «подругу», с которой также живет едва ли хорошо – всегда жалуется на свою судьбу, говорит намёками про какое-то горе. СтАрину про Чурила спел он прекрасно, с большим чувством, применяя верно содержание стАрины к своей доле; при пении голос его дрожал.

(Ончуков, «Печорские былины», с. 275-276)

Как только в начале июня открылась навигация на Печоре, Ончуков первым парходом выплывает из Усть-Цильмы вниз по течению, а 4 июля 1902 он уже покидает Печору и возвращается в Петербург – обрести заслуженную славу.

А Василий Буслаев, Чурило, Шишолов и Верхнее Бугаево нам в будущем ещё пригодятся.

Лингвист, 33

Осенью 1901 года хмурые северные просторы были озарены ярким светом – восходящее солнце финно-угорской лингвистики, молодой учёный Юрьё Вихманн посетил зырянский край.

В нашей книге Вихманн уже появлялся – мы пользовались его фундаментальным словарём, когда говорили о значениях зырянского слова «matka» (глава «Динамическая модель шара», эпизод «Угорский путь в русском поле»).

«Ситуационное поле», возбуждённое Борисовым и Ончуковым, сдвинуло, по факту, с места и такого домоседа, как Юрьё Вихманн, 33. Вслед за Николаем Ончуковым, он отправляется из Гельсингфорса (Хельсинки) на Север за «разговорным золотом» – финно-угорскими диалектами.

По-хорошему, ехать Вихманну надо было сразу на Печору. Тем более, что Ончуков оттуда только что убыл, так что данное «квантовое состояние» освободилось. Но Вихманн вышел из поезда Ярославль-Архангельск в промежуточном пункте, в Вологде. Случилось это 1 октября 1901 года.

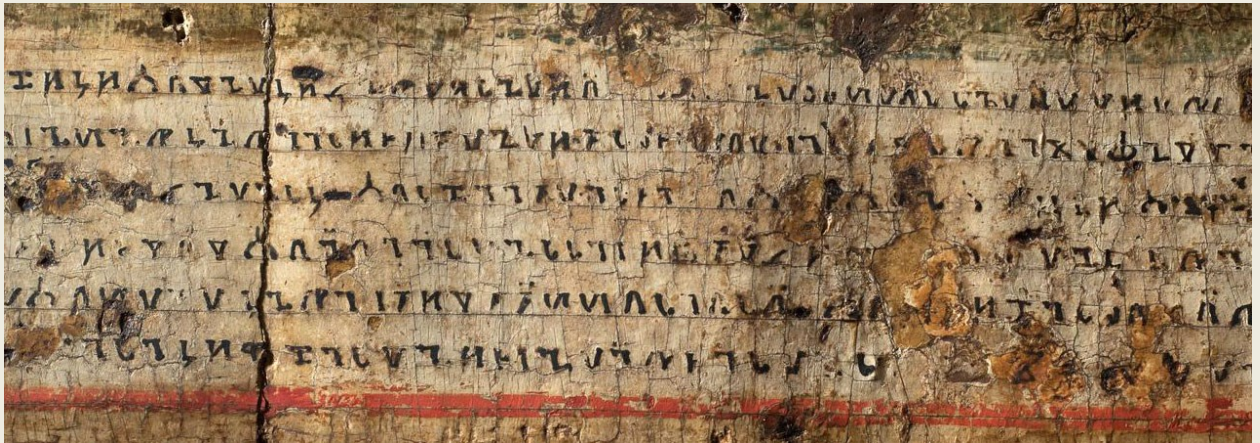
Причина тому, впрочем, имелась. В Вологду его затянул уникальнейший документ – один из самых ранних (если не самый) образцов текста, написанных на коми-зырянском языке с помощью древней «зырянской азбуки» – так называемого «анбура». «Анбур» (по первым двум буквам – «Ан» и «Бур») был разработан в 1370-х годах Стефаном Пермским. В нём около 30 букв, выглядящих очень колоритно. Этаким род греко-рунического письма, где почти узнаваемые символы соседствуют с какими-то магическими засечками и колдовскими клеймами. Например, название этой книги записывается «анбуром» так:

[Илл. 11-03-01-1. Название этой книги, набранное «анбуром».]

Количество сохранившихся текстов, записанных с помощью «анбура», можно пересчитать по пальцам. И один из них (возможно, самый древний) находился как раз в Вологде.

Это – достаточно длинный текст (больше 100 слов), написанный на лицевой стороне иконы «Ветхозаветной троицы» (так называемая «Зырянская троица») и представляющий собой перевод на коми-зырянский язык соответствующего отрывка из «Книги Бытия» (гл. 18, ст. 1-8). Перевод этот достаточно «творческий», жаль только, что за его бортом осталась моя любимая фраза этого эпизода – «И они ели.»

[Илл. 11-03-02-1. Фрагмент текста «анбуром», написанного на лицевой стороне «Зырянской троицы». Вологда.]

К моменту поездки Вихманна этот текст был известен науке уже более ста лет – однако точность его копирования и расшифровки вызвала некоторые сомнения. Вихманн собирался сфотографировать эту надпись, чем поставить точку в данном вопросе.

Фотографии он сделал. Но то ли ему не хватило фотографического мастерства, то ли отсутствовало требуемое в таком деле озарение (или хотя бы освещение), то ли судьба была против – но из этой съёмки ничего не вышло. Так что Вихманну пришлось делать в очередной раз очередную ручную копию текста. Это вызвало непредвиденную задержку в Вологде, в сумме на 9 дней.

Вологда – город хоть и губернский, но небольшой. От Соборной горки до Леонтьевского ручья не более полутора километров, 30 тысяч жителей, все тут на виду. Не зря город уверенно зарекомендовал себя в качестве места ссылки неблагонадёжных элементов «под надзор полиции».

Так что девятидневное пребывание Вихманна в Вологде, равно как и факт убытия его в дальнейшую «северную экспедицию», не могли остаться незамеченными у городской чистой публики.

Вообще-то, главной целью Вихманна была не «Зырянская троица», а коми-зырянские былины, сказки, песни и т.п. Тот же фольклор, что собирал и Ончуков, только не на русском, а на коми-зырянском языке, причём на различных его диалектах.

Эта задача и определяла предполагаемую географию предстоящей экспедиции – вдоль течения рек Печора, Ижма, Вычегда и Сысола. В любой последовательности.

Логичней, повторяюсь, было начинать с Печоры. Но Вихманн завозился в Вологде, прокрутился, потерял начальный импульс – и в результате «вылетел» из Вологды он уже в несколько ином направлении, чем сюда «влетел», сильно отклонившись на восток, к городу Усть-Сысольск (не путать с Усть-Цильмой) на реке Вычегде. Докуда и то была почти тысяча вёрст пути.

Между нами говоря, в те времена местные жители между Вологодой и Усть-Сысольском мотались туда-сюда только так, чаю попить. Но в октябре месяце реки здесь уже начинали покрываться льдом, и дорога у Вихманна реально выглядела чуть сложнее.

Вологда – Тотьма (пароход), Тотьма – Великий Устюг (на лошадях), Великий Устюг – Котлас (лодка), Котлас – Яренск (пассажирский буксир «Луза»), Яренск – Усть-Вымь (буксир «Георгий», на котором впервые за всю дорогу «не было ресто-рана»), Усть-Вымь – Усть-Сысольск (на лошадях). На всё это ушло десять дней.

В Усть-Сысольске Вихманн провёл всю зиму 1901-1902 года, собирая фольклор и диалекты. Матери он пишет, что местные жители видели в городе на улицах волков, но объективности ради добавляет – «Лично я их не видел» (письмо из Визинги от 29 апреля 1902).

За эту зиму Вихманн собирает прямо в городе массу фольклорного материала. Хотя жители здесь оказались не такими уж и посконными: его новые знакомые приглашают его в гости и потчуют «музыкой и хорошим европейским ужином».

В Усть-Сысольске хорошо. Но по весне надо будет ехать дальше. И «ситуационное поле», созданное прошлогодней поездкой Ончукова в Усть-Цильму, тянет Вихманна на Печору. Но, с другой стороны, что-то необъяснимое этому препятствует. Отзвуки внутренней борьбы мы видим в его письме домой от 17 января 1902:

Мама думает, что я собираюсь ещё на Печору. Только в этот раз я не успею туда съездить.

Но наступает конец марта и приходит пора определяться окончательно. Так вот: Вихманн мог и не знать, а мы-то с вами знаем – именно в эти самые дни на Печору выезжает в свою вторую экспедицию неукротимый Николай Ончуков. 2 апреля он выедет из Петербурга, а 12-го уже хлопнет с размаху мохнатой шапкой по дубовой стойке уездной конторы Усть-Цильмы.

И «принцип Паули» совершенно неправдоподобным, но абсолютно безотказным образом «срабатывает» и тут – Вихманн отбрасывает все сомнения, и вместо Печоры направляется из Усть-Сысольска в совершенно другую сторону, прямо на юг. По реке Сысоле, в село Визингу. Тут, со 2 апреля по 29 мая 1902 он будет изучать «сысольский диалект» и собирать «сысольский фольклор». Траектории движения двух героев, виртуально провзаимодействовав, разошлись окончательно.

Из этой экспедиции Вихманн привёз домой столько материала, что его хватило ему для научной работы до конца жизни. Материала было даже больше, чем он смог в результате обработать.

Главное дело его жизни, «Диалектический словарь зырянского языка» опубликовали уже его ученики, в 1942 году, десять лет спустя после смерти Юрьё Вихманна («Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet und Herausgegeben von T. E. Uotila», Helsinki, 1942).

Другим его фундаментальным трудом стал сборник зырянского фольклора «Syrjänische Volksdichtung» (опубликован в «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», v. 38, 1916), содержащим множество сказок, песен, загадок, пословиц, плачей и детских считалок – причём отдельно на каждом диалекте коми-зырянского языка.

Ну а непосредственно по следам экспедиции Вихманн опубликовал подробнейший о ней отчёт, хоть и назвал он его «Краткий очерк научной поездки к зырянам в 1901–1902 годах» («Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901–1902», в журнале «Journal de la Société Finno-Ougrienne», v. XXI, 1903)

Долгое время считалось, что учителем Вихманна по «сысольскому диалекту» был мой прадед, отставной солдат и «торгующий крестьянин» Василий Александрович Митюшёв, и что он же и снабдил учёного в Визинге всем «сысольским фольклором».

Основанием тому служило прямое указание Вихманна, зафиксированное во всех трёх упомянутых трудах, что его учителем был «отставной солдат» («früheren Soldaten») «V. A. Mitjušev aus Vizinga» («Kurzer Bericht... 1903», с. 16; «Syrjänische Volksdichtung... 1916», с. VI, предисловие; «Syrjänischer Wortschatz... 1942», с. VI, вступление).

soldaten, den syrjänen V. MITUŠEV,

[Илл. 11-03-03-1. Вихманн, Отчёт о путешествии в Вологду, Усть-Сысольск и Визингу. «Kurzer Bericht... 1903», с. 16. Фрагмент.]

V. A. MITJUŠEV (aus Vizinga),

[Илл. 11-03-04-1. Вихманн, Сборник зырянского фольклора. «Syrjänische Volksdichtung... 1916», с. VI, предисловие. Фрагмент.]

V. A. Mitjušev aus Vizinga, »der seine Aufgabe mit Gewissenhaftigkeit und Eifer erledigte».

[Илл. 11-03-05-1. Вихманн, Зырянский диалектический словарь. «Syrjänischer Wortschatz... 1942», с. VI, вступление. Фрагмент.]

Однако, в этой версии некоторые детали не сходились с другими. Так что вопрос требовал уточнения.

И после некоторых изысканий выяснилось, что «V. A. Mitjušev aus Vizinga» – это на самом деле двоюродный брат моего прадеда, носивший то же имя и ту же фамилию, имевший отчество начинающееся с той же буквы и живший тоже в Визинге

– Василий АФАНАСЬЕВИЧ Митюшёв, тоже «отставной солдат». Что не удивительно – «отставным солдатом» был тогда в Визинге каждый второй житель, хоть сколько-то умеющий изъясняться по-русски (обязательное условие Вихманна).

Таким образом, семейная легенда была несколько уточнена. К этому стоит добавить, что мой дед, Павел Васильевич Митюшёв, родившийся в 1896 году, жил тогда также в Визинге и, по всей видимости, видел Вихманна – но, разумеется, не мог запомнить эту встречу в силу своего юного возраста.

Студент, 19

Следующий мой герой в популярной литературе выступает в удивительно разных качествах. Его называют (неизменно с приставкой «знаменитый») то «учёным», то «путешественником», то «хозяйственным деятелем» – в зависимости от профиля соответствующего издания и целей автора.

Мне же наиболее подходящим представляется следующее его определение – «Миклухо-Маклай Севера». «Учёные» случались и по-учёнее его, «путешественники» – по-масштабнее, а «хозяйственные деятели» – экономически эффективнее. Но никто, пожалуй, в начале 20 века не оказал на Север цивилизационного воздействия такой силы, как Андрей Журавский.

Он стал «культурным героем» в эпическом значении этого слова. Вплоть до буквальных параллелей – взявшись «ниоткуда», он, в числе прочего, принёс с собой и насадил новые, неведомые в регионе сельхоз культуры, например какую-то сказочную «картошку». «Гончарный круг» и «огонь» до Журавского известны здесь были, а вот насчёт «колеса» я уже не уверен, учитывая состояние сухопутных дорог. И уж точно «мобильных оранжерей с каркасом из крупновской стали», выписанных из Берлина, до Журавского здесь не видел никто.

А начиналось всё так. Студент-первокурсник Петербургского Университета Андрей Журавский оказывается предоставленным самому себе в большой квартире и с некоторыми средствами. В силу возраста и склада личности, он открыт всем внешним влияниям – в первую очередь со стороны своих новых университетских преподавателей и книг.

И что же это были за книги такие? Андрей ведёт дневник, так что мы достоверно знаем не только их состав, но и их рейтинг – сообразно произведённому впечатлению («Дневник Журавского», Архив НАРК, ф. 340, оп. 1, док. 69, л. 1-19 об., фотокопия).

Согласно дневнику, один из его «лидеров мнений» – это Василий Немирович-Данченко со своей книгой «Страна холода», романтически воспевающей Север вообще и Новую Землю в частности. В которой как раз и рассказана та знаменитая история о явлении «Града Небесного» над горой Митюшёв Камень (опубликованная ранее Достоевским в его журнале «Гражданин»).

А кто у Журавского любимый преподаватель? Помните «адъюнкта академии Феофосия Чернышёва», который в 1895 году совершил успешную поездку на Новую Землю, и на этом основании консультировал астрономическую экспедицию Голицына и Ганского в Малые Кармакулы в 1896 году, насоветовав им брать с собой оленей? Так вот, теперь Чернышёв уже полный академик и, по совместительству – кумир студента Журавского.

И Журавский от него только и слышит: «Бла-бла-бла – Новая Земля... Бла-бла-бла – Новая Земля...»

Вот вам и круг «агентов влияния» на вчерашнего гимназиста. Масла в огонь подлила ещё и «золотая лихорадка» на Юконе, находившаяся как раз на самом пике информационной волны (а в реальности уже шедшая на убыль). Юные души всего мира бередили «золотом Севера». Не удивительно, что едва дождавшись пер-

вых летних каникул, 19-летний оболтус срывается с места и летит, как выразительно сказано в его «Дневнике» – «куда-нибудь на Север», в целом в сторону Новой Земли. Так, в начале июля 1902 года он естественным образом оказывается в Архангельске и идёт на пристань покупать «билет в Незнаемое».

И тут мы видим первую точку бифуркации в судьбе Журавского, где дальнейший её ход был возможен в разных направлениях – так что дело решил чистый случай.

А именно – выясняется, что первый транспорт на Новую Землю отправится в этом году необычно поздно, только 24 июля, это ещё почти месяц ждать («Сведения о рейсах...», «Материалы по исследованию Новой Земли» под ред. Сосновского, вып. 1, с. 112, СПб, 1910).

Зато в некую «Кую», что находится в устье некой «Печоры», можно отправиться хоть прямо сейчас. Журавский поспрашивал – говорят, тоже Север. Ну, Печора так Печора, не ждать же месяц! И Журавский плывёт на Печору, для первого раза сойдёт.

Но Куя – это ещё не «край света», поскольку сюда ходят большие морские пароходы. Так что Журавский, сменив борт, плывёт оттуда дальше по реке Печоре на уже самый-самый «дальний Север» (в реальности же – строго на юг) – в былинную Усть-Цильму.

Тем более, что «принцип Паули» плыть ему сюда не «запрещает» – знаменитый Николай Ончуков, находившийся в том году в Усть-Цильме с самой Пасхи, 4 июля как раз покидает село, «освобождая» его для Журавского.

Ошеломительное впечатление, произведённое на Журавского «Севером» (в данном случае – Усть-Цильмой) было вполне предсказуемо и полностью соответствовало общей картине, описанной мной в эпизоде «Новая Шамбала» (глава «Земля после синдрома»).

Дополнительный градус ощущениям Журавского придал, конечно, и местный хит – невероятно роскошные женские наряды, шитые по новгородской моде XI века (а у кого-то и сохранившиеся с тех времён), которые нигде больше, кроме Усть-Цильмы, не встречаются. Наряды эти действительно запоминающиеся – яркие, богатые, многослойные, из парчи, шёлка, золотого шитья и жемчуга.

Короче, на следующий (1903) год Журавский возвращается в Усть-Цильму уже целенаправленно и с жаром проводит в регионе всё лето. Результатом этого становятся две вещи – 1) несколько подвод собранного «научного материала» (самого пёстрого – чучела птиц, ворохи гербариев, коллекции жуков и бабочек, кипы записанных «древних» сказаний, куски угля и сланца, камни разные, самоедские костюмы и «предметы быта», тазовые кости мамонта и проч. и проч. – всё, что оставляло на себе его взгляд, а останавливало взгляд столичного студента здесь буквально всё), и 2) обещание жениться на дочке местного исправника.

Второй пункт Журавский честно выполнил в начале января 1904 года, связав себя таким образом с Усть-Цильмой ещё больше. Природа этой связи была скорее мистической, чем семейно-брачной (как можно было бы подумать), поскольку «молодая жена» (на деле – пятью годами старше действительно молодого Журавско-

го), тут же потребовала вывезти её из «медвежьего угла» в блестящий Петербург и ввести там в самое шикарное общество.

Пока «молодые», в весёлой компании студентов-шаферов, шумно едут в поезде из Архангельска (где проходило венчание) в Петербург (где их ждёт «общество»), мы их на время оставим и перейдём к следующему нашему герою, в полной мере ощутившему на себе действие того же самого «ситуационного поля».

Смутьян, 26

Когда Юрьё Вихманн в первых числах октября 1901 года снимал копию с текста «Зырянской троицы» в вологодском Софийском соборе, в полутора километрах от него, в доме Неклюдова, что на Леонтьевском ручье, проживал с женой молодой человек по имени Владимир Русанов, 26. Проживал он здесь временно.

Пройдёт всего несколько лет, и Русанов станет «супер-мега-звездой» полярных путешествий. А пока он – недоучившийся студент Киевского университета и «политический ссыльный», высланный в Вологду из Орла «под надзор полиции» за неоднократную «неблагодёжность».

Ничего особенного Русанов дома не совершил, просто посидел на вечеринке в какой-то не той компании и подержал дома под кроватью какую-то не ту литературу. И вот он в Вологде, где теперь должен прожить два года, с молодой женой. Квартира у него здесь правда хорошая, большая.

Хочу сразу прояснить один момент. В биографической литературе растиражирована одна ошибка, касающаяся этого этапа жизни Русанова – и я даже догадываюсь об источнике её происхождения. Ошибка состоит в том, что авторы, заимствуя друг у друга, сообщают, что Русанов якобы был направлен в ссылку в город Усть-Сысольск. Это не так. Жил он в городе Вологде, по указанному выше адресу. А ошибка эта произошла вот откуда.

В 1945 году был издан толстый сборник работ Русанова и некоторого количества архивных документов – писем, справок, выписок и т.п. (Русанов В. А. «Статьи, лекции, письма», Севморпуть, 1945). Сборник этот до сих пор остаётся самой полной публикацией Русановских материалов.

Книга была сопровождена пространным биографическим очерком, составленным С.П. Петросовым. И вот там-то и был ошибочно указан Усть-Сысольск в качестве места ссылки Русанова (на с. 15).

А так случилось, что данный сборник стал главным, а зачастую и единственным источником для большинства авторов, пишущих о Русанове. Так что не смущайтесь разночтениями и твёрдо держите в уме – Русанов жил в Вологде.

Как и все ссыльные, он пытался перевестись в какое-нибудь более приличное место. В земской больнице он выправил липовую справку, и размахивая ею, подал прошение о переводе на Дальний Восток.

Но начальство родилось тоже не вчера. Каждый первый ссыльный предпринимал что-нибудь подобное. Так что в Дальнем Востоке Русанову было отказано, а вместо этого (с учётом справки) был предложен перевод в Астраханскую губернию. От Астрахани Русанов отказался сам.

И тут важны даты. Телодвижения с переводом начались в начале 1902, и паратройка месяцев ушла на рассмотрения, встречные предложения, рассмотрения встречных предложений, отказ от встречных предложений, рассмотрения отказа от встречных предложений и т.п.

Так наступило 2 апреля 1902 – и в этот день Русанов резко, на 180 градусов, меняет свою позицию. И вдруг решает, что на югА (в Астрахань) он больше не хочет, а Вологда ему теперь как раз очень даже по душе. Более того, он хочет отсюда совершить летнее путешествие ещё дальше на Север, аж в «Усть-Сысольский уезд».

Это всё может показаться весьма странным, если не вспомнить, что 1) именно в далёкий Усть-Сысольск недавно уехал из Вологды в свою экспедицию Юрьё Вихманн (локально возбудив этим «ситуационное поле» и вызвав своеобразную «тягу» вслед своему движению), и 2) как раз накануне (первого апреля 1902) Вихманн Усть-Сысольск уже покинул, «освободив» его для Русанова.

Начальство против поездки в «Усть-Сысольский уезд» (простирающийся аж до верховьев Печоры) не возражало. Так Русанов не попал, в результате, на «Дальний Восток», и так для него начался «его Север».

Короче, в последних числах мая 1902 года он отправился из Вологды в своё первое в жизни путешествие – в какой-то загадочный «Усть-Сысольский уезд».

Статус данной поездки был специфическим. Формально, Русанов был принят на работу Усть-Сысольским земством на должность «статистика», но всё это было оформленно дистанционно, ещё в Вологде, у производителя «статистических работ» господина А. Рума. Работы эти Русанову оплачивались, и неплохо – 65 рублей в месяц, плюс компенсация всех накладных расходов (включая наём рабочих, транспортных средств и т.п.). А вот цели работ были не столь чёткими, как их материально-техническое обеспечение.

Судя по названию должности, Русанов вроде бы должен был «собирать статистику» по местному населению. Однако в том регионе, куда он в результате попал, никакого «местного населения» не было и в помине – одни белки да лоси.

Если судить по другим нашим персонажам – и по Ончукову (который в апреле 1902 нагрянул в Усть-Цильму), и по Журавскому (который в середине июля его там «сменит») – то «ситуационное поле» в этом сезоне «тянуло» всех напрямик на Печору.

И в полном соответствии с этим, Русанов, просвистев на рейсовом пароходе по Вычегде мимо Усть-Сысольска (возможно, с короткой остановкой), плывёт дальше вверх по течению – к водоразделу Вычегды и Печоры. И в начале июля углубляется там по слабопроезжим дорогам в заповедные леса и болота. Что ещё нужно молодому и здоровому, как лось, человеку? Вот они, приключения!

Тут ему прямая бы дорога в Усть-Цильму – но «принцип Паули» в Усть-Цильму его «не пускает», её к этому времени уже «занял» Журавский. Поэтому вся «статистическая экспедиция» Русанова ограничивается глухими верховьями левых притоков Печоры.

Впечатления? Да ровно те же самые, см. Журавского, Ончукова, Носилова и иже. Русанов в восторге, уезжать назад ему не хочется. У него за спиной ружьё, за поясом кинжал. Доходит до того, что он из своих болот посылает по почте в Вологду официальный запрос – а нельзя ли ему и дальше чего-нибудь исследовать «в Усть-Сысольском уезде»?

И начальство идёт ему на встречу. Во всяком случае вице-директор департамента полиции Языков пишет, что лично он:

...не встречает препятствий к разрешению поднадзорному Владимиру Русанову разъездов в пределах Усть-Сысольского уезда на указанных условиях.

(Письмо Языкова от 16 ноября 1902 года за № 14105)

Условия эти таковы:

...совместно с г. Рума и под личной его ответственностью, и при условии, что работа Русанова при разъездах ограничится исключительно выписками из дел волостных правлений и землеописных книг, не сопровождаясь опросом населения.

(Письмо вице-губернатора Муравьёва, от 9 ноября 1902 за № 2117)

Итак, Русанов имеет официальное разрешение провести зиму 1902 – 1903 «в Усть-Сысольском уезде». Где он эту зиму проводит на самом деле – я не знаю, документов на эту тему никто пока не обнаруживал. Так что возможно, что какое-то время он находился, действительно, в Усть-Сысольске. Но это только одна из гипотетических возможностей, а не установленный факт.

В любом случае в конце апреля 1903 Русанов обнаруживается в Вологде. А тут и 2-летний срок его высылки подходит к концу.

Хлебнув в своём первом путешествии добрый глоток зелья под названием «свобода», Русанов с Севера уже особо никуда не рвётся. Он выписывается из Вологодской квартиры – лишь для того, чтобы отправится снова в путешествие на ту же Печору – но уже «свободным художником».

Любопытна одна связанная с этим бюрократическая коллизия. Пристав 1-го участка Вологды составляет 28 июля 1903 справку следующего содержания:

Владимир Александров Русанов выбыл из г. Вологды на жительство в г. Усть-Сысольск; проживал он в г. Вологде <там-то> до 6 июня сего года, а 6 июня из г. Вологды выбыл в Усть-Сысольск.

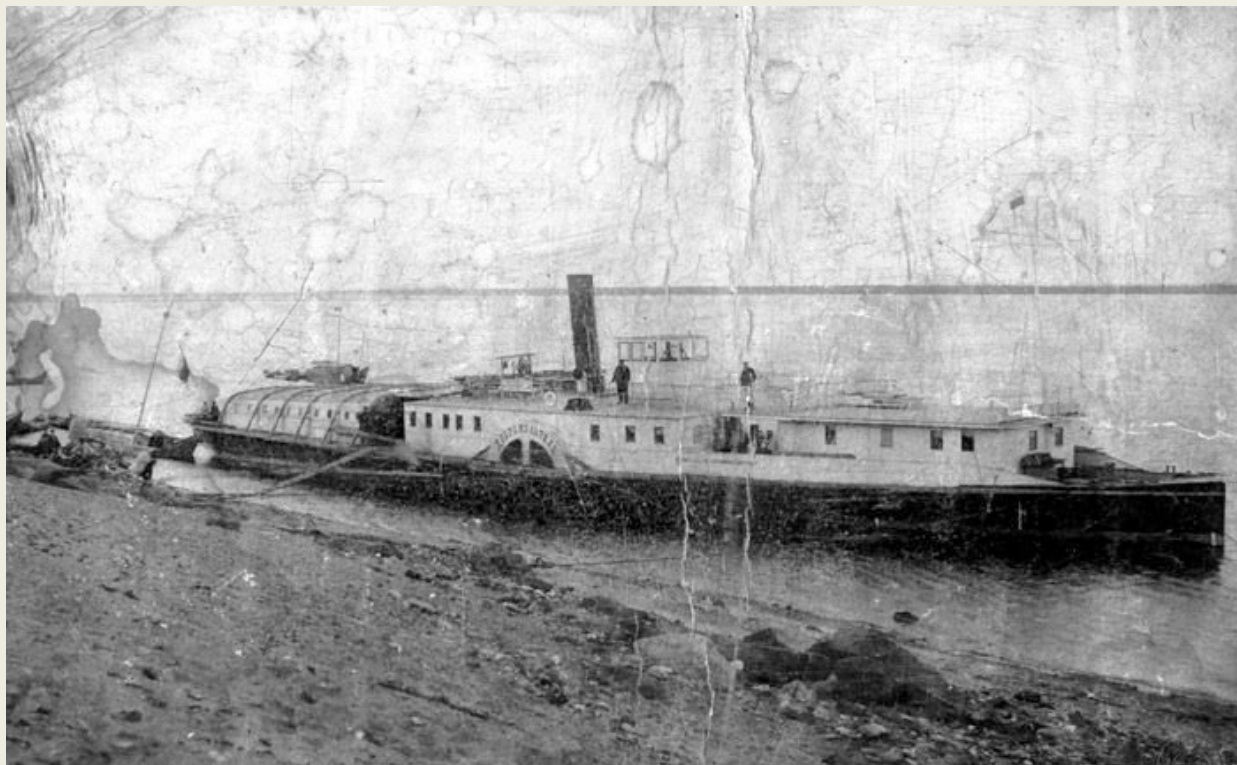
(ЦГИА, ф. ДП-III, д. 218-1901, л. 40)

Эта справка вносит в головы биографов уже полный сумбур. А понимать её следует следующим образом.

При выписке, каждый верноподданный должен был сообщить место своего будущего проживания. Приставу всё равно что это будет, главное – написать. Если бы Русанов сказал, что проживать собирается на «альфа-Центавре», то пристав, пытая от напряжения, вывел бы в своём гроссбухе, пуще смерти боясь поставить кляксу: «выбыл в г. Олифа, Центр Таврии». Так что Русанов просто сказал первое, что пришло в голову – «Усть-Сысольск».

При том, что на этот раз, в июне 1903, он в Усть-Сысольске вряд ли останавливался даже проездом – лето проходит быстро, а лежащий впереди непознанный мир – огромен. Из верховьев Вычегды он переезжает на лошадях в верховья Печоры и сплавляется вниз по великой реке. Кстати, писать себе он сразу просит родных именно на Печору, в Усть-Цильму (письмо матери от 8 июля 1903).

Так он проплывает через Усть-Цильму – всего в какой-нибудь сотне саженой от Журавского. Но, так и не столкнувшись с ним, движется дальше на рейсовом пароходе «Доброжелатель» (принадлежащем свояку Журавского, Норицыну) – к своей первой встрече с доброжелательным Ледовитым океаном, где надо пересядывать на другой пароход, чтобы плыть в Архангельск.

[Илл. 11-05-01-1. Пароход «Доброжелатель», река Печора.]

Об этом эпизоде у Русанова есть лишь единственное упоминание, и то вскользь, и то сделанное 7 лет спустя:

Осенью 1902 года [явная описка; имеется ввиду, конечно, осень 1903] мне впервые пришлось познакомиться с юго-восточной частью Баренцева моря.

(Русанов, «К вопросу о северном морском пути в Сибирь», «Материалы по исследованию Новой Земли» вып. 2, с. 112, СПб, 1911)

Осенью 1903 Русанов снова в Вологде (видимо, так: Куя – Архангельск, пароход; Архангельск – Вологда, поезд), где его уже ожидают жена и заказанный ранее новенький заграничный паспорт.

А получив этот паспорт, Русанов вместе с женой тут же снимается и уезжает навсегда во Францию, в Париж. Где он застанет ещё Алексея Ганского и где он

проживёт всю оставшуюся жизнь, отлучаясь из великого города лишь на время своих путешествий.

На дворе Новый, 1904, Год. «Vive la France»!

Блуждающие скалы

Пока мы тут следили за Русановым, Андрей Журавский как раз доехал со своей молодой женой до Петербурга. Так что можно продолжить его историю. На дворе Новый, 1904, Год.

Четыре медовых месяца пролетели быстро. А в конце мая Журавский снова едет на Печору, и 16 июня 1904 года уже окрылённо вышагивает по главной усть-цилёмской Экклс-стрит, готовясь к очередному путешествию.

Из которого он в сентябре 1904 привезёт в Петербург уже 40 пудов всякой всячины, включая сборы планктона (по-научному «τπλαυκτὰς», аж с десяти «станций») и «русско-ижемско-самоедский словарь» собственного составления, на зависть Вихманну, которому и тридцати лет на это не хватит. У Журавского же этот словарь готов уже на шестой день по возвращению, и на заседании Совета Императорского Географического Общества 18 сентября он торжественно вручает его Достоевскому А. А., родному племяннику Фёдора Михайловича и по совместительству – секретарю Общества («Известия ИРГО», т. 40, 1904, с. 84 раздела «Действия»). Вот так делаются у него дела.

Ободренный одобрением академиков (но не сдавший очередную сессию и оставшийся на второй год), Журавский в следующем 1905 году отправляется на дальнейшие исследования всё того же Севера.

Но на этот раз планы у него «морские». До Усть-Цильмы он добирается заранее, посуху. Там, совершая разные разъезды, он выжидает. И как только Баренцево море очищается ото льда (13 июля), он, спустившись к устью Печоры, в нанятом карбасе пускается в плавание по Океану.

Куда он плыл? В свете произошедшего далее, точно этого не может сказать теперь никто. Но по всем признакам плыл Журавский на Новую Землю – страну его юношеских грёз, сотканных из легенд Немировича-Данченко и былей Феодосия Чернышёва. И не известно ещё, что их них было фантастичней.

Так, 22 июля 1905 Журавский доплывает до острова Матвеев, находящегося посередине между материком и Новой Землёй. Но что-то, видимо, идёт не так, и он с пол-пути возвращается назад в устье Печоры, где и пережидает 5 дней. 27 июля он совершает повторную попытку.

На протяжении следующих бесконечных семи дней Журавский будет носиться по волнам между небом и землёй, буквально на волосок от смерти. На море началась «погода», и не просто «погода», а жесточайший шторм, то бишь – «Милось Божья».

Милось Божья. Говорится о грозе, сильном шторме, буре, метели и вообще очень плохой погоде, могущей причинить какое-либо бедствие человеку.
Повс.

[Илл. 11-06-01-1. Словарь поморского языка Дурова, с. 224.]

Семь суток карбас носило неведомо где – так, что никто из них уже не знал где верх и где низ.

Эту ситуацию лучше всего описывают следующие скупые строки:

Вдруг я увидел дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали вёсла из рук у гребцов устрашённых.

(Н.О. 12:201-203)

На седьмой день Журавского со спутниками выбросило на неведомый берег. Это случилось 2 августа 1905 года.

Здесь мы видим вторую точку бифуркации судьбы Журавского. Доберись он тогда до Новой Земли, и всё дальнейшее могло бы пойти по другому.

Но «ситуационное поле» распорядилось иначе, и Журавский с пол-пути к Новой Земле был возвращён необоримой силой назад на материк, на Варандейский берег, в устье реки «Торибэй-яга» («Ежегодник зоологического музея АН», т. 11, 1906, с. XXXI).

Почти два месяца блуждал Журавский по Большеземельской тундре, таща с собой все научные образцы, включая сборы всё того же планктона (Hydrachnidae, Araneina и Myriopoda, не говоря уж о Crustacea).

Собственно, «планктон» в переводе с греческого и значит «блуждающий», и именно этим словом у Гомера и обозначены его «Блуждающие Скалы» («Πλαυκτάς», Н.О. 12:61). Так что знаменитую фразу о намеренности любых «блужданий гения» и о «вратах открытия» можно в данном случае конкретизировать: «Блуждания гения – планктон».

Завершил Журавский эту свою Одиссею в Усть-Цильме только 24 сентября 1905. В этот день судьба его определилась окончательно, и она окончательно связалась с Усть-Цильмой.

В этот день Журавский основал Станцию.

Шкварки клуш (ремарка)

Итак, 24 сентября 1905 года судьба связала Журавского с Печорой навсегда.

По странному совпадению, 24 сентября 1905 года у одного начинающего писателя, ровесника Журавского, тоже на всю жизнь установилась связь с Печорой – однако несколько иной природы.

О существовании данной связи впервые становится известно из его собственного письма, которое он в этот день отправил своему брату Станиславу.

Содержание письма в интересующий нас части следующее. Автор говорит в нём о своём собственном романе, над которым он сейчас активно работает и где главного героя зовут так же, как и изобретателя «анбура», Стефана Пермского. Так вот, автор пишет своему брату, что он с удивлением обнаружил, что его роман получается поразительно похожим на «Героя нашего времени» Лермонтова – как в целом (в том числе и предполагаемым названием), так и в плане основных черт главного героя.

Тут следует сказать, что под главным героем, тем самым «Стефаном», автор подразумевал самого себя, как это обычно и бывает у начинающих писателей. В данном случае из этого не делалось даже никакого секрета и автор иногда использовал имя своего героя в качестве собственного псевдонима – например, в газетных публикациях и письмах 1904-1905 годов.

И выходило, что с одной стороны «Стефан» из романа – это и есть сам автор (поскольку он писал его портрет с себя, практически глядя в зеркало) – а с другой стороны (или всё с той же?) «Стефан» подозрительно напоминал главного героя повести Лермонтова (по крайней мере – в представлении самого автора, а ему, что называется, виднее).

Вот как это звучит в письме:

Ты долго читаешь мой роман. <...> Единственная известная мне книга, похожая на него, это «Герой нашего времени» Лермонтова. Конечно, моя книга много длиннее, кроме того герой Лермонтова – и аристократ, и пресыщенный человек, и смелое животное. Но сходство – и в замысле, и в названии, и – временами – в язвительности взгляда.

(Письмо брату от 24 сентября 1905)

На первый взгляд, ничего необычного тут нет. Все гимназисты без исключения на определённом этапе, «пресытившись жизнью», отождествляют себя с героем Лермонтова и подражают ему – смотрят презрительно, курят скучающе, молчат многозначительно, комментируют едко. А если при этом они что-нибудь ещё и «пишут» (а половина что-нибудь да «пишет»), то тут уж неизменно получается очередная франшиза «Героя нашего времени», без вариантов. Такова заразительность лермонтовского произведения.

Но тут мы имеем дело с несколько иным случаем.

Во-первых, нашему автору не 12-14 лет (пик подражания Лермонтову), а целых 23 года – возраст, в котором тот же Лермонтов уже первые главы своей настоящей повести писал.

Во-вторых, наш автор не то, что «начитавшись Лермонтова, написал похожий роман» – а сначала он написал свой роман, а уже потом, прочитав Лермонтова, обнаружил сходство. Это – совсем другое.

В-третьих, после того, как он осознал сходство своего героя (читай: себя самого) с героем Лермонтова, он не только не отказался от образа Стефана (как подражательного), а наоборот – сделал его центральным образом не только этого, но (как мы теперь знаем) и всех остальных своих последующих произведений (за исключением, быть может, самого последнего).

А это всё означает, что сходство между ним и героем Лермонтова – а) существовало объективно, и б) было нашим автором самостоятельно обнаружено и чётко зафиксировано. И произошло это 24 сентября 1905 года.

А при чём тут Усть-Цильма – спросите вы? А я встречно спрошу: а как была фамилия лермонтовского героя?

И тут опять нужны две ремарки.

Ремарка первая. Хотя «фамилия» в литературе в общем случае может ничего и не означать – однако конкретно Печорин у Лермонтова точно ассоциирован именно с великой северной рекой. Каждого ученика, думаю, в средней школе посещало «озарение», что между словами «Онегин» и «Печорин» существует причинно-следственная связь. И каждому, уверен, было приятно потом узнать, что это его собственное «открытие» совпадало с авторитетным (в данном случае) мнением Белинского, хорошо знавшего Лермонтова лично.

Так что даже если мы точно и не знаем, почему Онегина зовут «Онегиным», то уж Печорин-то назван его автором определённо по топонимическому принципу – с задействованием всех возможных смыслов подобия и противопоставления между рекой Онегой и рекой Печорой. Добавлю свои пять копеек в эту копилку смыслов: в неостановимом литературном потоке Печорин следует за Онегиным с той же неотвратимостью, с какой в русском алфавите «П» следует за «О» (или, если говорить об «анбуре» – «Пэй» следует за «Ой».)

Итак, зафиксируем: Лермонтов сознательно произвёл имя своего героя именно от названия реки Печоры.

Ремарка вторая. Данный факт не мог пройти мимо внимания нашего «начинающего автора». И вот почему.

Возможно, во всей мировой литературе никто не придавал большего значения символике имён героев, чем наш автор. О его сверх-обострённой чувствительности в этом вопросе ходят легенды. Он легко мог за неделю написать двести страниц романа – и потратить потом два года напряжёнейшего труда, чтобы подобрать своему герою «правильное» (то есть – «нагруженное всеми смыслами мира») имя. Думаете, Стефан был назван «Стефаном» просто так? Под это целая теория (схоластическая) была подведена.

Так что это неоспоримый факт – наш автор относился к этимологии имён героев с невероятной трепетностью. В качестве классического здесь примера приводят его собственный опыт «топонимического», и даже конкретно – «гидронимического» поименования персонажа. Уж не знаю, произошло ли это с подачи Лермонтова, но в своём последнем романе наш автор дал важнейшему персонажу имя именно реки, добившись с помощью этого приёма полного отождествления данного персонажа с водной стихией. Так что не прочесть в «Печорине» – «человека Печоры» наш автор просто не мог.

Итак, наш автор, поздно прочитав Лермонтова, с некой озадаченностью признал в себе Печорина, «человека Печоры». Но одним этим дело не ограничилось.

Вернёмся к письму от 24 сентября 1905. После общей констатации сходства своего романа с повестью Лермонтова, наш автор, чей ум был локализован тогда между Спиридионом и Данте, переходит к главному. С новой строки он пишет:

Лермонтов в конце книги описывает дуэль между его героем и «Г-», в которой «Г-» оказывается застреленным и падает в пропасть в горах Кавказа. В жизни же аналог «Г-», уязвлённый насмешками писателя, вызывает Лермонтова на дуэль. Дуэль происходит на краю обрыва в горах Кавказа, как это было описано в книге. И Лермонтов был убит и скатился в пропасть.

Можешь себе представить, какие мысли шли мне в голову. Книга произвела на меня очень сильное впечатление.

(Письмо брату от 24 сентября 1905)

Если не знать некоторой подоплёки, то не очень понятно, в чём тут вообще проблема, и почему автор письма настолько заикнулся на Грушницком, что упомянул его аж трижды (первой буквой фамилии).

А проблема тут в том, что, как мы сейчас знаем, автор письма незадолго до этого имел похожий конфликт со своим приятелем-завистником (аналогом, в его восприятии, Мартынова-Грушницкого), после которого он вознамерился вывести этого приятеля в своём романе – и там, на страницах романа, с ним «разделаться».

Но что окончательно подкосило нашего автора, так это то, что в жизни фамилия его приятеля начиналась, как и у Грушницкого, именно на букву «Г». А насколько наш автор был восприимчив к символике имён (и вообще – к знакам судьбы) мы уже знаем.

И вот как раз в сентябре 1905 года он в своём романе вплотную подошёл к эпизоду (под условным названием «Бастион»), в котором ему предстояло эту литературную расправу учинить.

И что получалось? Лермонтов, отождествлявший себя с Печориным, сделал так, что в его повести Печорин убил Грушницкого. И после этого Небеса распорядились таким образом, что реальный аналог Грушницкого вскоре убил Лермонтова.

И теперь наш автор собирается в своём романе расправиться с приятелем-завистником, чей прототип имел фамилию, начинающуюся на «Г-». Нетрудно догадаться, какой ответ Небес ожидал на это увидеть наш автор в жизни, если учесть ясно осознанное им тождество между собой, «Стефаном», «Печориным» и Лермонтовым («...можешь себе представить, какие мысли шли мне в голову»). Тем более, что в жизни этот самый «приятель» (который «на Г») уже однажды стрелял из револьвера в направлении нашего автора (в шутку), прямо над его головой (в том самом, кстати, бастионе).

Результатом всего этого стало следующее. Роман, в котором на сентябрь 1905 года насчитывалось уже около тысячи страниц (но который, согласно плану, не был доведён ещё и до середины), был брошен на пол-пути (на 25-й главе), и так навсегда и остался незавершённым. «Расправа» над «Г-» хотя и осуществилась в следующих романах – но уже другими, не-лермонтовскими, методами.

Так что влияние, оказанное на нашего автора «человеком Печоры» в 1905 году («...книга произвела на меня очень сильное впечатление»), имело не только психологические, но и чисто практические, и даже биографические, следствия.

А в том самом 1905 году «человеком Печоры» являлся, вне всякого сомнения, Андрей Журавский. И вот лишь несколько параллелей в двух судьбах двух людей – Журавского и нашего автора.

Сразу хочу подчеркнуть, что не располагаю никакими сведениями об их прямых физических или информационных контактах, более того – сомневаюсь в их существовании. Сходные моменты судеб говорят именно об общем для обоих «ситуационном поле», под действием которого личности со сходной структурой двигаются по сходным жизненным траекториям.

Поелику трогаем:

– В 1902 и Журавский и наш автор совершают свой первый в жизни самостоятельный дальний выезд. При этом они выезжают именно в то место (свое у каждого), где потом пройдёт БОльшая часть их оставшейся жизни.

– В 1903 оба повторно выезжают в те же самые места.

– В 1904 году оба женятся. Наш автор позже напишет по поводу некого героя, женившегося очень молодым:

Он неудачно выбрал? Как мне кажется, это его выбрали. <...> Она опу-
тала его на славу, эта резвушка двадцати шести лет.

Напомню, что Журавский женится в 21, а его невесте, Вере Рогачевой, в это время было именно 26.

– В августе 1905 года Журавский попадает в жесточайший шторм, в котором он чуть не гибнет – но всё кончается хорошо.

В августе 1905 года писатель пишет рассказ, в котором герой чуть не гибнет, но всё кончается хорошо. Рассказ он называет словом, которым поморы обозначают «жесточайший шторм».

– Для обоих (Журавского и писателя) день 24 сентября 1905 года становится знаковым. Журавский чудом возвращается живым в Усть-Цильму, так и не достигнув своей текущей цели (Новой Земли), и учреждает Станцию (главное дело своей жизни).

Писатель же в этот день пишет брату письмо, подводящее (как выяснится) черту под всей его предыдущей жизнью. В письме он говорит, что активно работает над романом (в это время он как раз заканчивает 25-ю главу), но из текста этого письма мы видим (а сам автор – ещё нет), что дальше 25-й главы этот роман уже не сдвинется никогда.

Показательно, что эта глава вся вращается вокруг следующих четырёх тем:

1) Проблема с продолжением обучения в Университете, возникшая у героя романа («alter ego» автора); 2) Появившаяся возможность разрешить эту проблему путём поступления на госслужбу; 3) Решительный отказ от этой возможности, как не связанной (по мнению героя) с прямой реализацией его творческого предназначения; 4) Навязчивая тема некой «Станции» («На станции <...> они подошли», «бормоча под нос названия станций», «Возле выхода со станции»)

А у Журавского на осень 1905 года наблюдается следующий расклад:

1) Проблема с продолжением обучения в Университете (закончится всё это отчислением); 2) Имеющаяся возможность (и настоятельное требование жены) поправить материальное положение с помощью поступления на госслужбу; 3) Решительный отказ от такого пути, как не связанного с реализацией своего предназначения; 4) Учреждение своей «Станции». Где-то мы всё это уже видели.

Есть и ещё одна параллель. В 1914 году и у Журавского, и у писателя происходит предельно важное событие, у каждого своё. Но эти два внешне независимые события обнаружат сильную смысловую связь. К этому я подойду чуть позже.

Итак, 24 сентября 1905 судьба навсегда связала с Печорой двух людей – Журавского и одного начинающего писателя. А возможно и многих других писателей, и не только, о которых мы просто знаем не достаточно много.

В тот день, плюща облачко милостью Божьей о землю-мать, мёртвые два кавалера в пансионе из кошмара Вия, как взаимные дополнения после гонок, печального происшествия каноэ вели на встречу Сестёр.

Un excursion

А как у нас Русанов с женой в 1904 году устроились после Вологды в Париже?

А – замечательно устроились. Оба сразу поступили в Сорбонну, сняли квартиру, бытовые проблемы начального периода быстро утряслись, перед обоими распахнулся необъятный мир человеческих знаний.

И главное – распахнулся новый просто человеческий мир. Письма Русанова из Парижа буквально излучают. Ему здесь нравится всё. Ему нравятся отношения между людьми, отношение к знаниям, общественная атмосфера, бытовые обыкновения. А уж сравнивать уровень преподавания в Сорбонне и в том же Киевском университете (далеко не худшем, кстати) – сравнивать их даже смешно, пишет он.

Это всё можно выразить короче. Русанов сразу понимает, что Франция – «его страна».

О своём желании натурализоваться и остаться здесь навсегда он высказывается вполне определённо. Чтобы закрыть вопрос, приведу лишь одну цитату из его письма, написанного уже после семилетнего проживания в Париже:

Франции я обязан всем . <...> Я ясно увидел, что в России мне нечего делать. Решено, что я навсегда и окончательно поселюсь в Париже.

(Письмо Русанова родным от 27 февраля 1911)

Конечно, поскольку он тут не родился, ему придётся подумать о наработке «связей» и «круга знакомств» в профессиональной среде, которые у местных часто возникают сами собой, исторически, по факту долгого здесь обретения. Но это не такая проблема, просто этот момент нужно не упускать из виду. Именно подобными соображениями Русанов объясняет родным своё согласие, например, на предложение Шарля Бенара.

И ещё – язык, который Русанов знает непростительно плохо. В письмах родителям его глас в правобережной пустыне вопиёт: «Словарей мне, словарей! Ещё словарей!» Он день и ночь учит французский, а при первой возможности добавляет к нему ещё и английский. Одним словом, семимильными шагами навёрстывает упущенное и сокращает отставание от своих европейских сверстников. А уже скоро начинает их понемногу в чём-то и обходить.

Тут я хочу чуть отклониться и рассказать об одной моменте, не имеющем прямого отношения к нашей теме. Но не сказать о нём просто нельзя.

Если мы говорим, что Журавскому «с женой, что называется, *повезло*», то Русанову – с женой повезло реально. Мария Булатова, два года в одиночку тянувшая хозяйство в Вологде (пока Русанов колумбствовал в печорской сельве), в Париже начала сходу реализовывать в полную силу свой огромный личностный потенциал. Как и Русанов, она тут же поступила в Сорбонну и с такой энергией и энтузиазмом вгрызлась в науку, что у меня нет ни малейших сомнений, что её ждало выдающееся научное будущее. Пойди всё немного по другому, и мир знал бы её не как «жену Русанова», а, наоборот, Русанова мы бы знали, как «мужа Булатовой».

Но тут ей подошло время рожать. Роды прошли очень успешно, первый и второй день всё было замечательно. А на четвёртый день Мария Булатова умерла от послеродовых осложнений.

Всех людей жалко. Но Марию Булатову жалко просто невероятно, её смерть – это какая-то неподдающаяся осознанию Высшая Несправедливость. Надеюсь, в Париже со временем будет стоять памятник «Нереализованному Предназначению», и олицетворять его будет именно Мария Булатова – умница, красавица и просто золото. Об этом всё.

Прошли два года напряжённого обучения Русанова на геолога, близятся летние каникулы 1907 года. И Русанов решает съездить «куда-нибудь на Север» (именно с таким уровнем конкретизации) для сбора материала для диплома. Жанр своей поездки он определяет, как «экскурсию»:

...начинаю подготавливаться к своей экскурсии на дикий Север

(Письмо от 30 марта 1907)

Вспомнив свой относительно недавний (а по-сути – целую Вечность назад) опыт «дикого Севера» (Усть-Сысольск, Вычегода, Печора, Усть-Цильма, Архангельск), он летом 1907 едет для начала в Архангельск – а там видно будет.

И как за пять лет до того специфика пароходного расписания направила Журавского из Архангельска вместо Новой Земли в Усть-Цильму, точно также теперь, в 1907, специфика этого же расписания направила Русанова вместо Усть-Цильмы на Новую Землю. В 1907 году море очень рано очистилось ото льда, и первый регулярный рейс «Королевы Ольги Константиновны» на Новую Землю случился необычно рано, 10 июля – как-будто специально был подгадан к приезду Русанова в Архангельск (8 июля).

А может и специально. Погода погодой, но никем не доказанный, однако неукоснительно выполняющийся «принцип Паули», выполнялся и в этот раз. Плыть на Печору Русанову сейчас было «нельзя» – на ней как раз находился тогда Журавский, равномерно распределённый между Усть-Цильмой, Усть-Усой и верховьями Колвы.

Конкретно в тот день, когда Русанов находился в Баренцевом море на пол-пути к Новой Земле (11 июля), Журавский записал в своём дневнике о виденном им необычном явлении. На него среди бела дня буквально обрушилась метель из бабочек-капустниц, прямо какой-то вихрь. Произошло это на 286-й версте от устья Колвы «где сплошные ковры из Копеечника забытого (*Hedysarum obscurum*) были окружены зарослями Раковых шеек (*Polygonum Bistorta*)».

«Белянки» носились как необычайно крупные хлопья снега или обрывки бумаги, сыплющиеся из неиссякаемого рога изобилия.

(Доклад Журавского на заседании Русского географического общества 2 декабря 1908. Оpubл. «Известия РГО», 1909, т. 45, № 1, с. 202)

С этого самого момента «бабочки» будут регулярно всплывать в мыслях (и статьях) Журавского. Как будто он связывал теперь с ними какие-то особые ожидания – что, признаться, несколько странно для исследователя полярных регионов. Но – посмотрим.

Итак, 10 июля Русанов поплыл на Новую Землю. Уже на пароходе он познакомился со студентом-зоологом Харьковского университета Львом Молчановым, и молодые люди решили дальше путешествовать вместе. И хорошо сделали, поскольку именно благодаря отчёту Молчанова («Отчёты Императорского Русского Географического Общества» за 1907, с. 15-17, СПб), мы знаем хоть какие-то детали данного путешествия Русанова. Свою поездку Молчанов тоже, кстати, квалифицирует, как «экскурсию».

Маршрут большой оригинальностью не отличался – между двумя рейсами парохода они сплавали на нанятом карбасе по проливу М-Шар и обратно. Как это делал Носилов, как это делал Борисов, как это делали все.

Никаких особых научных результатов данная поездка Русанову не дала. И вместе с тем в ней произошло нечто такое, что в результате определило всю дальнейшую его жизнь, придав ей новое направление.

Такие моменты с трудом поддаются внешнему анализу, поскольку имеют тонкую внутреннюю структуру, где определяющими становятся весьма зыбкие материи. Такие, например, как «первое сильное впечатление чисто эстетической природы».

Попробуем вычислить, что бы это могло быть в данном случае.

Итак, «Королева Ольга Константиновна» обошла все положенные ей новоземельские стоянки и высадила Молчанова, Русанова, и прочих искателей впечатлений в Поморской губе М-Шара.

Л. А. Молчанов при нравственной поддержке И.Р.Г.О. экскурсировал на Новой Земле <...>

Л. Молчанов высадился в становище Маточкин Шар; здесь же сошел с парохода и студент Парижского университета В. А. Русанов.

(«Отчёт» Молчанова, с. 15)

В Поморской губе наши путешественники остановились в «доме Борисова», обращённом всеми окнами на север, в сторону Митюшёва острова. Четыре дня спустя они отправились на карбасе по проливу на восток. И тут в отчёте Молчанова появляется совсем крохотная, но подсказка. Он перечисляет последовательно места стоянок по пути их следования вдоль пролива:

Делались остановки по несколько дней у реки Гусиной, против ледника Третьякова, близ устья р. Бычковой <и т.д.>

(Молчанов, там же, с. 15)

Итак, первая остановка на пути была «у реки Гусиной», и стояли они там «несколько дней». Нет нужды в том, что никакой «реки Гусиной» в проливе сейчас не

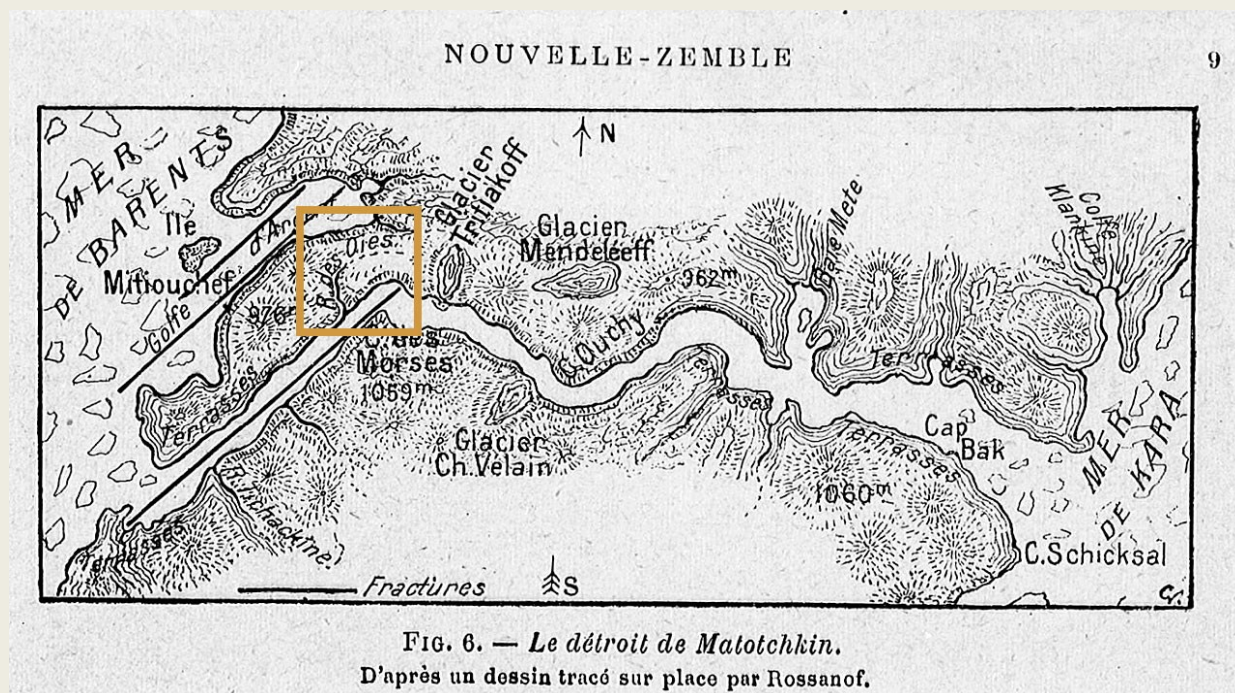
значится, и что это название наши герои, похоже, придумали на ходу, по случаю настреляв здесь гусей.

...почти единственным источником мяса был запас гусей, добытых на Гусиной реке

(Молчанов, там же, с. 16)

На нашу удачу, 15 лет спустя в Париже была опубликована схема пролива, составленная Русановым во время того путешествия (на французском языке), из которой ясно видно, какую именно реку они с Молчановым называли «Гусиной» (V. Roussanof, «Les oscillations des lignes de rivages et le retrait des glaciers en Nouvelle-Zemble», «Revue de Géographie Annuelle», v. 9, p. 9, Paris, 1922).

Обозначенная на схеме, как «R. des Oies» (буквально: «р. Гусиная») – это нынешняя «река Епишкина», чья долина ведёт кратчайшим путём (10 км) от М-Шара к губе Серебрянке («golfe d'Argent»), северный берег которой, в свою очередь, круто обрывается в воду стеной Митюшёва Камня.

[Илл. 11-08-01-1. Схема пролива Маточкин шар из французской статьи Русанова. V. Roussanof «Les oscillations des lignes de rivages et le retrait des glaciers en Nouvelle-Zemble», журнал «Revue de Géographie Annuelle», т. 9, с. 9, Париж, 1922. Опубликовано профессором Шарлем Велэном (Ch. Vèlain).]

[Илл. 11-08-01-2. Там же. Фрагмент. «R. des Oies».]

Доходил ли Русанов во время той днёвки до подножия Митюшёва Камня – сказать трудно, хотя в одном месте у него вроде бы имеется на это косвенное указание.

Так, в той же статье ниже говорится следующее:

...golfe de l'Argentièrre. <...> Sa direction <...> est nettement commandée <...> par deux grandes lignes de fractures qui s'y poursuivent, ainsi que j'ai pu le constater, depuis son entrée jusqu'au fond (45 kilom.)

(Roussanof, «Les oscillations des lignes...», p. 9)

(...губа Серебрянка. <...> Её направление <...> явно определяется <...> двумя большими линиями разломов, которые тянутся, ТА-ТА-ТА, от её устья на всю её глубину (45 км))

В этом-то «ТА-ТА-ТА» потенциально и заключено указание (или – его отсутствие) на посещение Русановым района Митюшёва Камня в 1907 году. Данную фразу – «ainsi que j'ai pu le constater» – можно с равным успехом перевести двумя разными способами: 1) «как я в этом смог удостовериться» (более буквальный вариант); 2) «насколько мне известно» (стилистически точнее).

Предложенные два варианта перевода вроде бы близки, однако первый предполагает, что автор когда-то в прошлом лично проследовал вдоль берега губы Серебрянки, а из второго варианта это никак не следует.

Какому варианту отдать предпочтение? Если принять во внимание, что французский язык не являлся для Русанова родным, и что окончательный текст он не правил, поскольку статья была опубликована через много лет после его смерти, то оба варианта следует признать практически равновероятными – хотя употребление формы прошедшего времени (отсылающей к некому определённом событию, имевшему место в прошлом) даёт некоторое предпочтение первому варианту.

А если Русанов имел-таки личный опыт обследования «губы Серебрянки», то сделать он это мог только пешком – со стороны «реки Гусиной» и с выходом к Митюшёву Камню – поскольку известно, что во время своих плаваний он в «Серебрянку» специально не заходил.

Однако, вне зависимости от того, подходил ли Русанов 22 июля 1907 года к подножию Митюшёва Камня или нет – контакт между ним и горой тогда состоялся точно. Известно это вот откуда.

В своей другой статье, опубликованной в 1911, Русанов пишет:

В неточности нанесения на карту губы Митюшихи я впервые убедился, поднявшись в 1907 году <...> на пик Александра, с которого хорошо видна вся западная часть Митюшихи.

(Русанов, «К топографии Новой Земли», «Материалы по исследованию Новой Земли» вып. 2, с. 91, СПб, 1911)

Опять-таки: «пик Александра» – это современный «пик Седова», возвышающийся прямо над той русановской стоянкой в устье «Гусиной реки». По новоземельским меркам это – высокая гора. Подъём туда труден – зато наградой служит действительно захватывающая панорама, открывающаяся с вершины. Новая Земля лежит вся как на ладони. И первый горный хребет, который встаёт перед восхищённым взором восходителя в направлении той самой «западной части губы Митюшихи» (то есть – на северо-запад) – это и есть «Митюшёв Камень».

Вот оно – то искомое «сильное переживание эстетической природы», испытанное Русановым в первый же день активной фазы его путешествия по Новой Земле.

Существование подобного эффекта подтверждается и другими свидетельствами. Два года спустя архангельский фотограф Быков (изучавший на Новой Земле искусство фотографии по книге князя Бориса Голицына) испытает в сходной ситуации сходный «эстетический шок» от встречи с Митюшёвым Камнем и зафиксирует его, как сможет, в своём дневнике.

В ясные дни чистота и прозрачность воздуха на Новой Земле прямо изумительные. Второго августа [1909 года], поднявшись <...> на высшую точку [прибрежной горы у губы Крестовой] <...> я увидел роскошнейшую панораму. Благодаря особенной, чисто новоземельской, прозрачности воздуха далекие горы Матюшкиной губы [так у автора назван Митюшёв Камень], находящиеся на десятки верст расстояния от нас, видны были удивительно отчётливо. < ...> Такова прозрачность и чистота воздуха в горах Новой Земли.

(А..А. Быков «О фотографических и фотограмметрических работах на Новой Земле летом 1909», «Материалы по исследованию Новой Земли», вып. 1, с. 63, СПб, 1910)

Так, Новая Земля, застав Русанова врасплох, взяла его сердце в плен. Из которого ему уже не суждено будет освободиться никогда.

А что в это время испытывал его спутник, зоолог Молчанов?

К сожалению, производить лов морского планктона сильно мешал плавающий лёд.

(Молчанов, «Отчёт ИРГО за 1907» с. 17)

Вот такой вот получился «Ново-землянс» («zemblance») у двух простых смертных, доставленных сюда Мурманским пароходством («mardal mansk»), и растворившихся в абсолютной истине вертикальной шири, светотени Шара и тёмных шхерах, раскуроченных эросом «Роскурорта» («Sheeroskouro», 317.33).

Вернулся Русанов с Новой Земли уже совершенно другим.

Станция

24 сентября 1905 года Андрей Журавский в Усть-Цильме основал Станцию.

В литературе постоянно сталкиваешься с самыми разными её названиями и самыми разными датами её основания. Это лучшим образом доказывает былинный характер данного деяния – его вселенский масштаб и вневременную сущность.

Журавский «основал» Станцию (что бы конкретно это ни означало) единственно движением своей воли, путём декларации старта её бытия – как Колумб ввёл новый континент во владение Короны, просто воткнув древко знамени в прибрежный песок и озвучив словесную формулу – или как Лютер запустил новый мир, прибив свои Тезисы к дверям виттенбергской церкви.

Вот наиболее часто фигурирующие названия: «Усть-Цилёмская зоологическая станция», «Печорская зоологическая станция под покровительством Императорской Академии Наук», «Печорская Естественно-историческая станция при ИАН», «Печорская сельскохозяйственная опытная станция».

А вот наиболее часто фигурирующие даты основания: 1905, 1906, 1908, 1911.

Каждая из этих привязок имеет под собой некие основания. Менялись вывески, менялись статусы, менялись спонсоры, менялись хозяйственные модели, менялось конкретное местоположение, менялся целый мир. Неизменными оставались лишь две вещи: руководитель и суть. Причём членение даже излишне – Журавский и являл собой суть Станции.

Станция должна была стать Центром Цивилизации. И шаг за шагом она к этому шла.

Журавский, так и не получивший высшего образования (за недостатком времени на подобную ерунду), выходил со своей Станцией на всё более высокие уровни. Академик Феодосий Чернышёв свёл его с князем Борисом Голицыным (тем самым), тот – со Столыпиным, тот – с государём-императором.

Журавский возил в Зимний кочаны капусты весом в пуд, показывал фрейлинам отснятые в Усть-Цильме слайды. Оказалось, что всё тут растёт, только этим заниматься надо. И Журавский – занимался.

Станция успешно росла в течение девяти лет. Денно и ночью, летом и зимой, шли сюда обозы книг и журналов, выписываемых Журавским в невероятных количествах. Спектр их был весьма широк: от «Русской капусты» Рытова и «Руководства по собиранию и воспитыванию насекомых» Соколова – до «Материи и Энергии» Фредерика Содди (коллеги Резерфорда и будущего нобелевского лауреата), где рассказывалось о невероятных свойствах «радия», трансмутации материи и совершенно невообразимой энергии, скрытой, по-видимому, в только что открытом Резерфордом атомном ядре.

Данное движение знаний было двунаправленным. Из Усть-Цильмы в остальной мир как из рога изобилия лился Свет Просвещения. Журавский засыпал столичные газеты, журналы, академические ежегодники и высокие канцелярии лавиной предложений, соображений, идей, открытий, проектов.

Сам Журавский оценивал общее количество своих публикаций в четыре сотни (НАРК, ф. 340, оп. 1, док. 65, л. 2), и это число возможно ещё занижено. Центр цивилизации постепенно перемещался в Усть-Цильму. При том, что всё ещё только начиналось.

А 15 августа 1914 года Журавский, 32, был убит на пороге центральной усадьбы своей Станции.

Когда-то Журавский много и горячо ратовал за проведение железной дороги через Усть-Цильму и Верхнюю Колву:

Предыдущие 18 записок выяснили настоятельную государственную необходимость скорейшего проведения железного пути направлением Архангельск – Устьцыльма – Обдорск.

(Журавский, «Приполярная Россия: нефть в бассейне Печоры», с. 18. Архангельск, 1908)

В тот день, 15 августа, в Дневнике была сделана запись, также связанная с железнодорожной темой и оставшаяся неоконченной. В свете последовавших событий она стала пронзительным и точным пророчеством – возможно, одним из самых пронзительных и самых точных. Главный её лейтмотив – жизнь на обочине недостроенной дороги, идущей из ниоткуда в никуда.

Если бы дорога (die Bahn) была доведена до самой Кальды (Колвы?), она ещё бог весть сколько оставалась бы нерентабельной, ибо весь проект был ошибочным (Plan war verfehlt).

(«Дневники», запись за 15 августа 1914. Bodl. MS. Ka. 7)

А дальше всё произошло быстро, нелепо и необъяснимо.

Письмоводитель и бухгалтер Станции, Задачин, занял у знакомого охотничье ружье, кое-как зарядил и выстрелил Журавскому в голову практически в упор.

Мотив своего поступка Задачин на следствии сколь-нибудь внятно объяснить не смог. Окружающим также не удалось припомнить ничего такого, что проливало бы хоть какой-нибудь свет на возможную причину.

Задача даже не посадили, просто поместили в сумасшедший дом. А Станция в скором времени перестала существовать.

Принято говорить о «тайне гибели Журавского». На мой взгляд, большой тайны тут нет. Задачин, очевидно, действительно был «не в себе». Одного этого, конечно, ещё не достаточно, чтобы брать в руки дробовик. Но через 6 дней должен был наступить объявленный Конец Света.

Я говорю о «Полном солнечном затмении» 21 августа 1914 года, на которое не попал ни Фрейндлих, ни Ганский.

Данное затмение было широко анонсировано. Его ждали, и пресса активно оповещала население о его приближении. Провинциальные газеты взахлёб рассказывали где и во сколько «исчезнет» Солнце, как нужно его наблюдать, почему нужны закопчённые стёкла, во что вылились предыдущие затмения – и т.д. и т.п.

И хотя полоса Полного затмения конкретно через Усть-Цильму не проходила (напомню: на линии максимальной фазы лежали Феодосия, Киев, Минск и Рига), но даже и здесь Солнце должно было быть скрыто силами Тьмы более чем на две трети своей поверхности (68,1%). И в любом случае, общий ажиотаж – и отчасти психоз – по поводу предстоящего затмения был повсеместен.

Так вот, если даже обычные «полнолуния» являются железной причиной «обострений» у людей типа Задачаина, то что же тогда говорить о приближающемся «Конце Света». Грядущее затмение явилось более чем возможно причиной сильнейшего обострения скрытой болезни – и результатом стал роковой выстрел.

Но это что касается «спускового механизма» события. А латентная «причина» до обидного банальна – тлеющая зависть. Причём, «зависть вообще» – к энергичности, к успешности, к образованности, к «столичности», к здоровью, к лёгкости отношения к жизни.

И этот лежащий на поверхности мотив даёт нам ещё одну – перекрёстную – параллель между Журавским и тем «начинающим писателем», которого мы недавно рассматривали в связи с его романом, похожим (по его мнению) на «Героя нашего времени» Лермонтова.

Писатель, как мы помним, в 1905 году бросил свой текущий роман незаконченным, поскольку (в некой мистической связи с процессом его написания) испугался быть застреленным, как Лермонтов, своим знакомым-завистником. А в 1914 году наш писатель, развязавшись с предыдущими темами, приступил к созданию своего единственного по-настоящему успешного романа.

Журавский, наоборот, в 1905 году сразу приступил к реализации главного дела своей жизни. А в 1914 был застрелен своим знакомым-завистником, без никакой практической цели, единственно из невозможности пережить факт существования чужого таланта.

Новой Земли много не бывает

И снова у нас Русанов. Осенью 1907 года он благополучно вернулся в Париж из первой своей «экскурсии» на Новую Землю.

Но что-то в нём там повернулось бесповоротно. Новая Земля вошла в него и завладела его судьбой – и человек пропал.

Что касается знакомых, то я от них получил уже несколько письменных приглашений на тот или другой вечер. Всем хочется порасспросить о Новой Земле. <...> Из театров только один раз был в Moulin-Rouge.

(Письмо из Парижа отчиму, от 18 января 1908)

С этого момента каждое своё лето Русанов будет проводить в разных качествах на Новой Земле. Во французской экспедиции Шарля Бенара (1908, рядовой участник), в русской экспедиции Юрия Крамера (1909, нерядовой участник), в собственных двух экспедициях с русским финансированием (1910, 1911, руководитель).

В этих своих путешествиях он совершит множество разнообразнейших подвигов.

Он пересечёт Новую Землю посуху в узком месте (40 км), между губой Крестовой и заливом Незнаемым, туда и обратно (1908 и 1909).

Он обойдёт, наконец-таки, Северный остров кругом по морю за одну навигацию (1910) – что русскому судну до того ещё ни разу не удавалось (при том, что норвежцы, англичане и прочие к тому времени совершали это уже многократно).

Он, для комплекта, в следующем году обойдёт на судне и Южный остров (1911).

Он уточнит, в очередной раз, береговую линию (1908-1911).

[Илл. 11-10-01-1. Русанов, карта Новой Земли. «Материалы по исследованию Новой Земли», вып. 2, СПб., 1911. Вставка между с. IV предисловия и с. 1 основного текста. Фрагмент.]

Он найдёт на Новой Земле каменный уголь в районе губы Крестовой – по крайней мере так это поймёт начальство (1909).

12 июля [1909].<...> Во время экскурсии геологу Русанову удалось найти в четвертичных отложениях многочисленные и довольно большие куски каменного угля.

(«Обзор деятельности новоземельской экспедиции 1909 года», «Материалы...», вып. 1, с. 3, 1910)

Он ещё раз поднимется на «гору Александра» и ещё раз обозрит оттуда тот самый ракурс Митюшёва Камня (1908).

Он повелит быть (в будущем) радиостанции в Маточкином Шаре, чем предопределяет открытие «небесной точки зрения».

Было бы большой ошибкой ограничиться сооружением радиотелеграфных станций только у южных проходов; в равной мере настоятельно необходимо «осветить» и северные проходы: Маточкин Шар и северную оконечность Новой Земли.

(Русанов, «Экономическое значение Северного морского пути в Сибирь». Ж-л «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера», 1911, №16 (15 августа), с. 342)

Он силой разума растопит ледники и склеит тектонические разломы.

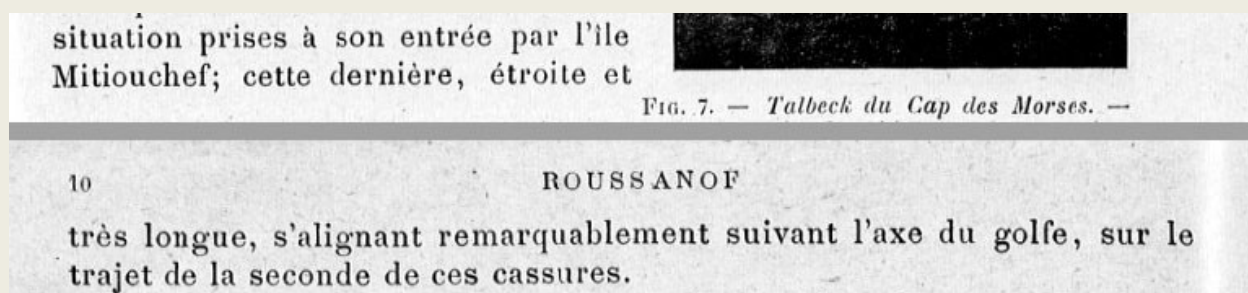
Он выскажет ряд мыслей и наблюдений, напишет ряд статей и проектов.

Он определит, осмыслит, переопределит и переосмыслит форму Митюшёва острова:

...l'île Mitouchef; cette dernière, étroite et très longue, s'alignant remarquablement suivant l'axe du golf

(...остров Митюшёв; этот последний, узкий и очень длинный, продолжает с замечательной точностью следовать оси залива [Серебрянки].)

(V. Roussanof, «Les oscillations des lignes...», с. 9, написано 1907-1909, опубл. 1922).

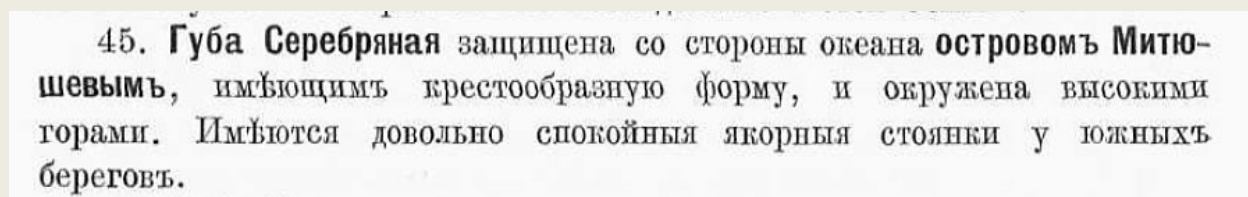

[Илл. 11-10-02-1. V. Roussanof, «Les oscillations des lignes...», с. 9-10, написано 1907-1909, опубл. 1922.]

Но и:

Губа Серебряная защищена со стороны океана островом Митюшевым, имеющим крестообразную форму.

(Русанов, «К топографии Новой Земли», «Материалы по исследованию Новой Земли» вып. 2, с. 90, СПб, 1911)

[Илл. 11-10-03-1. Русанов, «К топографии Новой Земли», «Материалы по исследованию Новой Земли», вып. 2, СПб, 1911, с. 90.]

И, наконец, он получит уже настоящее финансирование на следующую, 1912 года, экспедицию.

Тут я хочу взять паузу и сделать маленькое лирическое отступление. Хотя может быть и не такое уж лирическое.

О всё выдавшем

Есть ещё один человек, чью судьбу в конечном итоге определил далёкий полярный остров. И чья линия жизни в эти годы во многом напоминает русановскую – сколь ни странной может показаться на первый взгляд эта параллель. Я говорю сейчас о Николае Гумилёве.

Но давайте посмотрим. Русанов и Гумилёв, оба одновременно находятся в Париже и оба учатся в Сорбонне (Гумилёв: осень 1906 – весна 1908). Совершенно синхронно, в июле 1907, оба достаточно случайно совершают первое своё любительское путешествие. И после этого пробного путешествия оба будут возвращаться в то же самое место уже практически ежегодно – всё в более и более профессиональном качестве (Русанов – на Новую Землю, Гумилёв – в Африку). И хотя в 1907 году собственно до Африки с её изысканными жирафами Гумилёв возможно так и не добрался (с определённой уверенностью можно говорить лишь о посещении Стамбула и Измира) – но вектор движения был обозначен им тогда совершенно чётко.

Итак, начиная с 1907 года Гумилёв практически ежегодно совершает путешествия в Африку – в 1907 (предположительно), 1908, 1909, 1910 и 1913. Это продолжалось бы и дальше, но началась Мировая война, которую Гумилёв отрубил от звонка до звонка в действующей армии (два Георгиевских креста, орден Станислава 3-й степени). Вот такие вот вышли «розовые нимфы».

Октябрь 1917 застаёт его во Франции, в должности офицера для поручений при Военном комиссаре Временного правительства. А в январе 1918 его должность благополучно упраздняется, вместе со всей соответствующей военной структурой. И в этот момент линия судьбы Гумилёва оказывается в точке принципиальной неопределённости.

Но это мы сейчас знаем. Для самого же Гумилёва всё было тогда предельно ясно: раз война ещё не закончилась, а русская армия полностью развалилась – значит, он должен продолжать сражаться в рядах союзников.

А поскольку, по независящим от него причинам, попасть во французскую армию шансов у русского офицера в тот момент было мало (хотя он и тут предпринял попытку), Гумилёв организует (официально, через русское военное представительство) свой перевод в британскую армию, на Месопотамский фронт – и отбывает в Лондон для выполнения формальностей.

То, что последовало за этим, ставит в тупик уже не первое поколение биографов поэта. Гумилёв прибывает в Лондон, но вступление в должность почему-то не происходит – хотя всё, казалось бы, было договорено. И, главное, все этого хотят: Гумилёв хочет, его командир и рекомендатель (генерал Занкевич) хочет, английское командование – тоже хочет. А в результате – всё как-то размывается и уходит в песок. И некоторое время спустя Гумилёв плывёт назад в Россию, в Петербург через Мурманск.

А дальше происходит вторая малопонятная вещь. В голодном и страшном Петербурге образца 1918 года, только-только вернувшись с четырёхлетней войны в совершенно другую страну, Гумилёв начинает лихорадочно – что? Налаживать жизнь? Искать место работы? Восстанавливать связи? Писать стихи, наконец?

Нет, нет, нет и нет. Гумилёв, как галерный каторжник, с порога впрягается в перевод древнеассирийского эпоса, который сейчас нам известен под названием «О всё выдавшем».

К середине лета 1918 эта большая и странная работа была завершена, а в марте 1919 она выходит отдельной книгой. Которая станет первым русским переводом первого дошедшего до нас литературного произведения человечества. Дошедшего реально, физически. В виде записи, сделанной в Междуречье четыре тысячи лет назад.

Всё произошедшее я понимаю так. Древний эпос выбрал поэта своим инструментом – и тот, как человек военный, просто выполнял предписание. Вернулся назад и сделал перевод, и три года спустя погиб.

Сам собой напрашивается вопрос: а не мог он сделать тот же самый перевод в Лондоне, не возвращаясь? Думаю, что нет. Чтобы донести до людей историю героя, переводчик должен был сначала повторить его судьбу.

История «О всё выдавшем» сводится к следующему. Однажды герой ощущает экзистенциальный ужас смерти и с этого момента разными способами пытается добиться личного бессмертия – сначала на военном поприще, потом в ходе путешествия на край земли. В конце-концов искомую «индულгенцию от смерти» он вроде бы даже получает, но по собственной халатности теряет её – и в результате не солоно хлебавши возвращается домой – чтобы там, как все обычные люди, в назначенный срок умереть.

Надо сказать, что однажды (весной 1914) Гумилёв уже пытался переводить эту историю. Но тогда дело совершенно не пошло и он работу бросил, не начав. Чего-то ему тогда не хватало, и теперь мы понимаем чего – биографии. Сейчас же, в мае 1918, у него имелось всё что нужно. Опыт боевых действий, опыт путешествий «на край земли», и ясно артикулированная тема личного бессмертия («Я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть», «Наступление», 1916). А также: фактическое обретение «индulgенции» от скорой смерти (наличие реальной возможности остаться в Лондоне), а затем её утрата – отчасти по собственной вине. На последнем пункте останавлиюсь чуть подробнее.

Как я уже говорил, внешние обстоятельства не позволили Гумилёву в начале 1918 попасть в британскую армию. Сама Судьба, запланировавшая перевод на русский язык ассирийского эпоса, твёрдой рукой вела его назад, в Петербург. Но был ли при этом какой-то ещё и собственный «вклад» Гумилёва в факт своего возвращения? И да, и нет.

Формально, переходу Гумилёва в британскую армию воспрепятствовала некоторая неурегулированность русской стороной внутренних финансовых вопросов. Прежде чем быть принятым на новое место службы, офицер должен получить полный расчёт на старом. И это, действительно, не было сделано. Но это и не могло быть сделано по более чем уважительной причине – старого места службы больше просто не существовало. К тому же надо понимать, что данное препятствие не было таким уж критическим, и в случаях с другими офицерами подобный вопрос легко улаживался. Достаточно было некоторого ходатайства со стороны Русской военной миссии в Лондоне. Но такого ходатайства Гумилёв до-

биться ни какими силам так и не смог. Пустяковое одолжение – но именно Гумилёву в нём было категорически отказано.

Истинная причина этого отказа была раскрыта историком литературы Евгением Степановым и описана в его блестящем исследовании «Поэт на войне». Изложу своими словами.

Текущим делопроизводством Русской военной миссии в Лондоне заправлял тогда генерал Н. А. Врангель, однофамилец (а может и родственник) знаменитого «барона Врангеля». И вот в его-то лице для Гумилёва и возникло непреодолимое препятствие. Нежелание Врангеля оказать Гумилёву мельчайшую услугу совершенно необъяснимо, и выглядит как просто какая-то насмешка.

Ты смеешься, дочь морей,
И кудрей
Золотые гиацинты
Треплет ветра лёгкий смех,
И на брег
Вышли розовые нимфы.

Эти строки Сергея Соловьёва были опубликованы за семь лет до этого в журнале «Аполлон», №4 за 1911 год, стр. 19. А на странице 83 того же номера был помещён обзор новинок книжного поэтического рынка, выполненный по заказу редакции «Н. Гумилёвым».

В этом своём обзоре пару-тройку книг Гумилёв не то чтобы похвалил, но согласился признать их авторов хоть и начинающими, но по крайней мере «дерзающими» авторами (конкретно Северянина, Хлебникова и Цветаеву). Зато с остальными он церемониться не стал. И если он кого-то определял там просто как «поэта-любителя», то такому автору можно сказать ещё везло. Например, одного поэта он припечатал так: «Я не верю, что он читал Пушкина». Звали этого начинающего поэта «Н. А. Врангель».

Ну так и что вы скажете – приложил Гумилёв руку к своей будущей отправке из Лондона в Петербург или нет?

Другой вопрос – отдавал ли он в 1918 году себе отчёт, что в Петербург его ведёт Судьба, и что у него есть там некая важная и срочная миссия? Похоже, что нет. И это при том, что знаков судьбы имелось как всегда предостаточно. Вот лишь некоторые.

На пароходе из Лондона в Мурманск он плывёт в одной каюте с неким Лавровым, инженером-путейцем – и, по совместительству, ассириологом-любителем.

В первые же дни по возвращении в Петербург жена просит у Гумилёва развод и уходит от него к Владимиру Шилейко, ассириологу-профессионалу.

Не забудем и то, что в Лондоне Гумилёв добивался отправки конкретно на Месопотамский фронт. Который проходил тогда в окрестностях Багдада, то есть – недалеко от Урука (родного города «Всё издававшего») и в непосредственной близости от Сиппара (где незадолго до этого были обнаружены одни из самых древних табличек с отрывками этого эпоса, так называемые «таблички Мейснера»).

Призрак Вавилонии начинает кружить над Гумилёвым даже раньше, ещё в январе 1917. Своей тогдашней пассии, рафинированной декадентской поэтессе Ларисе Рейснер (которая полтора года спустя станет железной женщиной-комиссаром, описанной в «Оптимистической трагедии» – той самой, которая: «Ну, кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?») – так вот этой самой «Леричке» Гумилёв из армии пишет следующие строки (подразумевая под «Персией», похоже, бахтиарскую провинцию Хузестан, вплотную примыкающую к южной, шумерской части Месопотамии):

Пример Кортеса меня взволновал и я начал сильно подумывать о Персии. Почему бы мне на самом деле не заняться усмирением бахтиаров? <...> Стану резидентом при дворе какого-нибудь беспокойного хана...

(Письмо Ларисе Рейснер от 22 января 1917)

Если бы всё пошло иначе, Гумилёв имел все шансы стать вторым Лоуренсом Аравийским, точнее – «Николаем Месопотамским», освободителем Мосула (то есть – места обнаружения всех «ниневийских табличек»). Но у Судьбы были на него другие виды.

Осознавал Гумилёв свою миссию или нет, но во время работы над переводом он в любом случае определённо чувствовал некую связь своей судьбы с судьбой героя эпоса. Самое начало поэмы, где сжато излагаются её основные моменты, первая табличка, седьмая строка. Вот как переводит её Гумилёв:

Ходил он далеко, и устал, и **вернулся**

Тут надо уточнить, что Гумилёв делал свой перевод не с оригинала, а с французского перевода (Dhorme, 1907). Так вот, у Дорма в этой строке никакого «вернулся» и в помине нет. Вместо этого у него стоят отточия, поскольку в оригинале это место сильно испорчено. Во всех позднейших реконструкциях этой строки, произведённых разными известными ассириологами, гумилёвского «вернулся» также не будет («смирился» у Игоря Дьяконова, «granted rest» у Эндрю Джорджа и т.д.).

Так что очень похоже, что Гумилёв переводил поэму о «Всё выдавшем», а видел при этом самого себя, возвращающегося на корабле «Handland» по ледяному Баренцеву морю в Мурманск.

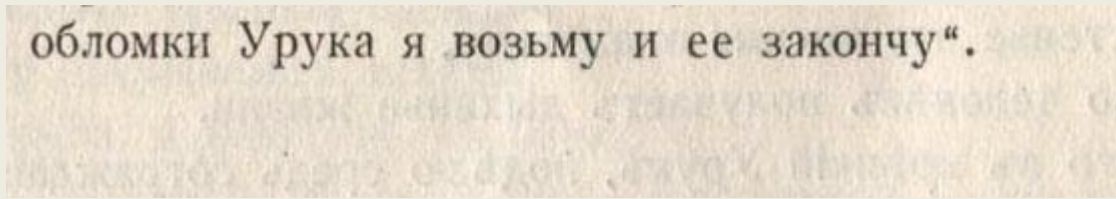
И последнее, буквально. Последняя строка последней части поэмы (XI табличка). Формально есть ещё, правда, XII табличка – но она не принадлежит собственно поэме и публикуется по традиции, как просто приложение. Итак, самые последние слова поэмы. Выглядят они в переводе Гумилёва так:

Обломки Урука я возьму и её [городскую стену] закончу.

Так вот: этой строки в оригинале вообще нет – и никогда не было. Гумилёв взял её «из неоткуда», точнее – полностью из собственной судьбы.

И говорится здесь, если читать прямо, вот о чём. Герой из обломков своего внутреннего мира (Город) возводит стену, отгораживающую его от мира внешнего

(Степь). По моему скромному мнению, это лучший из когда-либо созданных образов, выражающих сущность всей поэзии Серебряного века.

[Илл. 11-11-01-1. «Обломки Урука я возьму и её закончу». Последняя (несуществующая в оригинале) строка древнеассирийской поэмы в переводе Николая Гумилёва. Издательство З. И. Гржебина, СПб, 1919, с. 68.]

Какое всё это имеет отношение к нашей основной теме? Забыл сказать. Герой эпоса «О всё выдавшем» идёт за бессмертием на край земли, а конкретно – на Далёкий Полярный Остров.

Невеста

Но вернёмся к Русанову.

Мы оставили его в тот момент, когда он получил уже настоящее финансирование на следующую, 1912 года, экспедицию. Правда, не на Новую Землю, а на Шпицберген. Но тут уже заказчик решает.

Контакты Русанова с русскими властями на этом этапе становятся достаточно плотными. Но, надо сказать, он не очень этим ангажируется – во всяком случае его самоидентификация остаётся неизменной.

Я буду работать для России и дальше, но жить там я не могу и не хочу.

(Письмо родным от 27 февраля 1911)

Как бы там ни было, 9 июля 1912 года Русанов на специально купленном в Норвегии судне отплывает на Шпицберген. В это плавание он впервые берёт с собой свою невесту-француженку.

Её зовут Жюльетта Жан... Жюльетта может сделать честь самому изысканному салону. Она прекрасно воспитана, знает музыку, понимает живопись и знает иностранные языки, особенно английский.

(Там же)

Вообще-то, на лето 1912 как раз была запланирована их свадьба, просто неожиданно свалившаяся шикарная экспедиция (потребовавшая, однако, большой и срочной подготовки), несколько отодвинула это событие. Свадьбу решено было сыграть по возвращении из этого совместного путешествия.

На Шпицбергене Русанов (силами взятого с собой геолога Рудольфа Самойловича) в течение одного летнего месяца выполнил всё намеченное, после чего он по плану должен был отправиться назад, в Мурман. Но этого не произошло.

Множество свидетелей потом утверждали, что они ещё во время подготовки экспедиции обратили внимание на подозрительно большое количество припасов и снаряжения, которые Русанов грузил на борт, отправляясь в то не очень дальнее, казалось бы, плавание. Но почему-то все эти подозрения «вспомнились» только задним числом.

Итак, после Шпицбергена Русанов, пересадив Самойловича на попутное судно, взял курс не на Мурман, как было предписано, а в неизвестном направлении. 31 августа 1912 его судно неожиданно объявилось у берегов Новой Земли, в Поморской губе М-шара, как магнитом сюда притянутое.

Здесь Русанов оставил самоедам телеграмму для отправки с ближайшим пароходом на материк. В которой извещал все заинтересованные стороны, что он собирается идти «к северо-западной оконечности Новой Земли», а оттуда – «на восток».

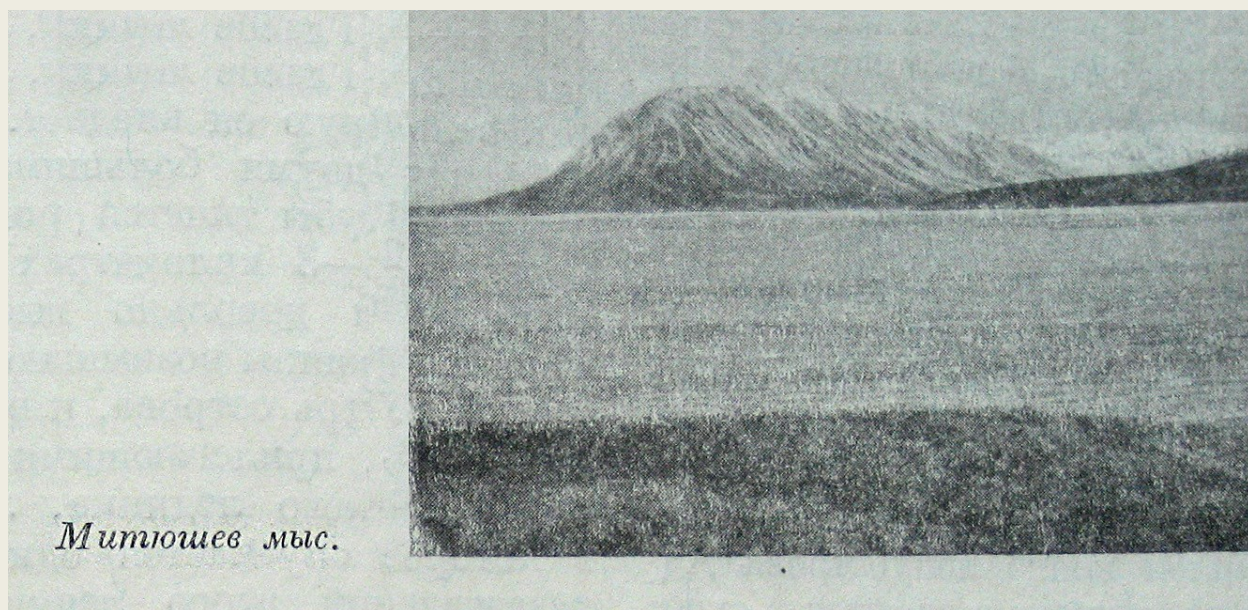

Отдав записку, Русанов вернулся на борт, капитан Кучин поднял якоря, самоеды салютовали из своих заслуженных ружей, Жульетта Жан помахала им на прощанье – и судно тихо двинулось из Поморской губы в сторону Митюшёва острова.

Больше его никто никогда не видел.

Через два года по возможному пути следования Русанова проплыли в четвёртый и последний раз лесные эльфы Анны Хвольсон (в своём третьем книжном издании 1914 года), но никого там они не увидели. Ещё много лет спустя на каких-то замёрзших островах в Ледовитом океане обнаружились личные вещи некоторых членов русановского экипажа. Это всё, что об этом известно.

Человек увидел однажды открывшуюся ему вершину – и пропал.

[Илл. 11-12-01-1. Фотография береговой горы Новой Земли около Митюшёва острова. Страница из сборника: «Русанов...», Севморпуть, 1945, с. 203.]

Чай

15 августа 1914 года Андрей Журавский был убит, и вскоре его Станция пришла в полное запустение.

И неспроста. Поговаривали, что в огромном пустом доме по ночам бродит призрак Андрея Владимировича и ищет какую-то неоконченную рукопись. Так что Станцию, и без того находящуюся в 7 км от центра Усть-Цильмы, стали обходить далеко стороной. Постепенно её начал поглощать лес.

Так прошло больше десяти лет. А весной 1925 года на заброшенную Станцию приехал её восстанавливать молодой учёный Павел Митюшёв, мой дед.

Он уже мельком появлялся на наших страницах. Кратко восстановлю ход предшествовавших событий, по которым хорошо видны силовые линии «ситуационного поля».

1902. Юрьё Вихманн записывает в Визинге «Зырянские песни» со слов «отставного солдата» Василия Афанасьевича Митюшёва. Пятилетний сын его двоюродного брата, Павлик Митюшёв (1896 г.р.), крутится под ногами.

1905. Андрей Журавский, после неудачной попытки достичь Новой Земли, возвращается в Усть-Цильму и учреждает здесь свою Станцию. Павлик, 9, переходит в Визинге во второй класс церковно-приходской школы, «иже еси на небеси».

1907. Владимир Русанов на Новой Земле видит вдали Митюшёв Камень, что определяет его дальнейшую судьбу. Павел, 11, идёт в первый класс Городского училища (род гимназии) в Усть-Сысольске, где Русанов за пять лет до того (1902) предположительно находился часть зимы.

1911. Станция Журавского получает правительственное признание, её статус достигает апогея, ей выделяются земли и средства. Павел, 15, в выпускном классе училища получает «четвёрку» за сочинение на тему: «Характеристика Печорина по роману Лермонтова «Герой нашего времени».

80

ТЕМЫ ДОМАШНИХЪ СОЧИНЕНИЙ.

Когда задано	Срокъ подачи	Заглавіе	Балль
<u>20</u> X I	<u>29</u> X I	Дѣтство и отрочество Обинова	4
1911	<u>10</u> X II <u>20</u> I	Характеръ М. М. Блока по повѣсти Тургенѣва „Товарищъ Гена“	4
	<u>20</u> I	Описаніе при- роды по роману П. „Вѣнскій вѣтеръ“	4
	<u>5</u> февр	Сара-стива Торокина по роману Лермонтова „Герои нашего времени“	4
	<u>16</u> II	Писемъ Назарѣ по стихотворенію „Послѣдній Назарѣ“	4

[Илл. 11-13-01-1. Ежедневник «Товарищ» Павла Васильевича Митюшѣва за 5 февраля 1911.]

1912. Русанов отплывает из Поморской губы мимо Митюшёва острова в последнее своё плавание. Писатель, что мнил себя «Печориным» и боялся разделить судьбу Лермонтова, переживает тяжёлое потрясение, узнав об уничтожении тиража своей первой книги прозы. Павел, 16, поступает на подготовительный курс института.

1914. Журавский 15 августа застрелен на своей Станции. Павел, 18, в качестве студента-агронома проходит свою первую сельхоз практику.

[Илл. 11-13-02-1. Сельхоз практика молодых агрономов, 1914. Павел Митюшёв справа в кепке.]

1916-1917. Вихманн наконец публикует собранные им в 1902 году в Визинге «Зырянские песни». Павел, 20, начинает выпускать первую в истории зырянскую газету – «Известия Общества Обновления».

1925. Павел Васильевич Митюшёв, 29, успевший к тому времени жениться и закончить ещё один институт, приезжает в Усть-Цильму и приступает к восстановлению Станции Журавского.

Пара слов об упомянутой газете. Полное её название «Известия Общества Обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Устьсысольского уезда».

Газета эта — знаменитая, вошедшая во все учебники по региональной журналистике, как самая первая газета края, положившая начало всему.

И вместе с тем — это вероятно самая редкая на свете газета. Всего вышло три её номера (в интервале с мая по июль 1917), причём от двух последних номеров сохранилось всего по одному экземпляру, а первый номер судя по всему утерян вообще. А потому два имеющихся драгоценных экземпляра «Известий Общества Обновления» хранятся не в Национальной библиотеке (как положено бы газете), а в Национальном архиве.

[Илл. 11-13-03-1. Газета «Известия Общества Обновления...», №3, от 14 июля 1917.]

[Илл. 11-13-03-2. Там же. Заголовок газеты.]

При чтении статей этой газеты я остро испытал щемящее «чувство узнавания» — узнавания той искренности, энтузиазма и предельной наивности, коим точно также оказался подвержен сам семьдесят лет спустя. В феврале 1917 упал занавес и очарованным взорам сквозь лёгкую дымку предстала ошеломительная панорама Нового Мира. Который на деле окажется театральным задником, грубо намалёванным опытными и циничными декораторами, отвлекающими внимание зала, пока отряды киборгов деловито окружают здание театра.

Вот всего несколько цитат:

«...Затем Председатель временно уступает своё место члену Комитета П. В. Митюшѣву. <...> Оратор говорит, что наше Общество есть организация чисто демократическая, а истинными представителями демократии являются социалисты и предлагает приветствовать вступление социалистов в состав Временного Правительства.»

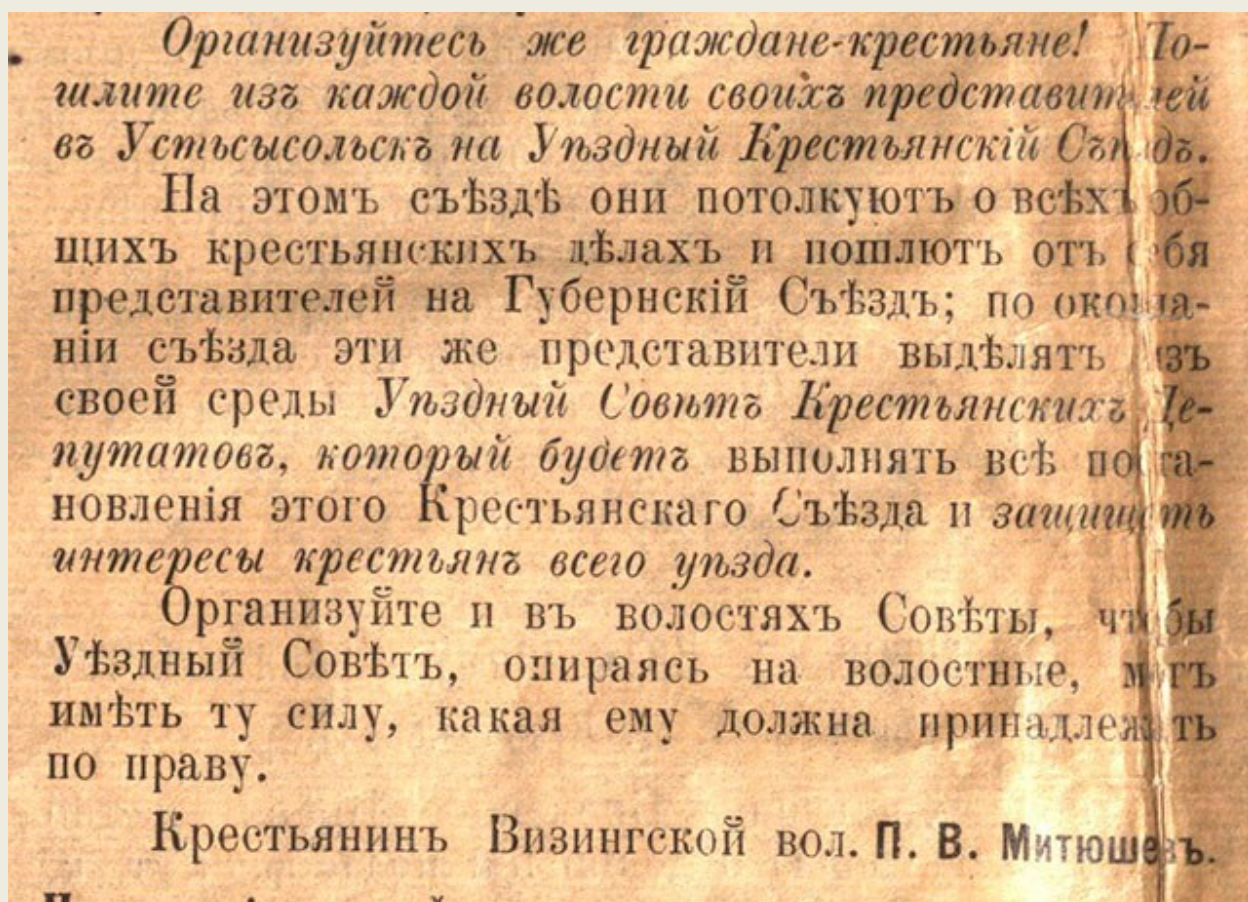
«Перед народом встала огромная задача: вместо павшей власти организовать по всей России власть народную, которая бы привела в порядок расстроенное народное хозяйство, преобразовала бы всё управление России на демократических основах и привела бы страну к Учредительному Собранию вполне подготовленной. Для выполнения этой колоссальной задачи нужно, чтобы все слои населения<...> из обывателей, которым нет дела до политических вопросов, превратились в сознательных граждан, самостоятельно направляющих всю политику страны.»

«Перед народом был поставлен вопрос: созрел ли он до того, чтобы сам мог управлять страной, — <...> если же он не сумеет организовать, то <...> свободу, добытую народной кровью, вырвет из рук.»

«Организуйтесь же граждане-крестьяне! Пошлите из каждой волости своих представителей в Устьсысольск на Уездный Крестьянский Съезд. На этом съезде они потолкуют о всех общих крестьянских делах и пошлют от себя представителей.»

(П. В. Митюшѣвъ, «Организуйтесь граждане-крестьяне!», «Известия Общества Обновления местной жизни крестьянского и трудового населения», № 3, от 14 июля 1917. НАРК, ф. Р-844, оп. 1, д. 1)

[Илл. 11-13-04-1. Там же, с. 2. «Организуйтесь же граждане-крестьяне!»]

К слову, написавший это воззвание «крестьянин» к тому времени уже проштудировал 7-е издание фундаментальных «Основ химии» Менделеева и, кроме зырянского, неплохо знал французский и немецкий языки.

А восемь лет спустя, в 1925, он оказался в Усть-Цильме. Здесь со времён Господина Великого Новгорода не поменялось ничего. И Павел Митюшев приступил к восстановлению Станции Журавского, а его молодая жена Наташа (моя бабушка, «баба Ната») взялась за хозяйство.

В своё время в гимназии она хорошо писала короткие ямбы («И ветер, как парное молоко...»), теперь же она освоила и длинный хорей.

[Илл. 11-13-05-1. «Баба Ната» на оленьей упряжке, в малице, с шестом-хореем, 1925.]

Те роскошные женские наряды Усть-Цильмы, что так поразили Журавского в первый его сюда приезд (1902), никуда не делись. Вот они («баба Ната» – слева; подпись на обороте «22 августа 1926, костюмы – шёлк и парча»):

[Илл. 11-13-06-1. «Баба Ната» (слева) с сотрудницей Станции в старинных усть-цилёмских нарядах, 1926.]

Одно слово, «край земли».

Так что легко себе представить, какие ощущения испытывал молодой Павел Васильевич, читая зимой 1926 при свете керосиновой лампы найденную здесь на чердаке книгу Содди «Материя и Энергия», оставшуюся от Журавского. Книгу, рассказывающую о «ядерных превращениях», о веществе будущего – «радии» и о безграничной энергии, скрытой в любой – абсолютно любой – материи.

Книга эта, изданная в 1913 году, была одной из последних, что выписал Журавский перед своей гибелью. Неизвестно даже, успел ли он тогда её открыть.

А ведь она, если бы не известные события, имела все шансы стать просто «бомбой». Мало того, что её перевели на русский язык буквально через несколько месяцев после выхода английского оригинала. Так она ещё вышла сразу в двух московских издательствах в двух разных переводах: в издательстве «Печатник» (под редакцией Аркадия Тимирязева) и в издательстве «Природа» (под редакцией Николая Морозова). Фамилии редакторов здесь говорящие.

Аркадий Тимирязев – это сын того знаменитого академика Тимирязева, который в своё время приложил руку к разгрому диссертации Бориса Голицына, даром что был ботаник. Самого же Аркадия (в будущем правоверного марксиста и гонителя любой квантовой ереси) при защите его собственной диссертации в следующем году, наоборот, поддержит деверь Анны Хвольсон, глядевший на всё сквозь линзу гравитации неотвратимого будущего.

А Николай Морозов – это «тот самый Николай Морозов». Не буду ничего добавлять, ибо тут стоит только начать. Тем, кто не знает, кто такой Николай Морозов, рекомендую поинтересоваться, не пожалеете. Фигура эта даже не легендарная, а былинная.

Ну хорошо, только одно слово. После четверти века отсидки в казематах Шлиссельбургской крепости, и в предверии новой отсидки, он, в числе многого другого, выпускает сборник своих стихов «Звёздные песни». Где есть следующее стихотворение, как раз по нашей теме:

В мире вечного движенья,
В превращениях вещества,
Возникают на мгновенья
Все живые существа.

Но, возникнув на мгновенье,
Знать уж хочет существо:
В чем же вечное движенье?
Что такое вещество?

(Николай Морозов, «Звёздные песни». М., «Скорпион», 1910)

И вот в очередной раз выйдя на свободу в 1913 году, всего за несколько месяцев до того, как Вирджиния отправит свою Эвелину из тёплой бразильской Санта-Марины по морю прочь в заснеженную Москву, чтобы там помогать местным конспираторам и анархистам делать революцию против российского правительства, которая в любом случае неизбежна – так вот, в очередной раз выйдя на свободу в 1913 году, Николай Морозов первым делом тут же выпускает, в качестве научного редактора, книгу Содди «Материя и Энергия».

Должен сказать, что вопреки интуитивным ожиданиям, перевод под редакцией Тимирязева удался значительно лучше, чем перевод под редакцией Морозова. Но именно последний был заказан в своё время Журавским и 13 лет спустя был обнаружен на чердаке его Станции молодым Павлом Васильевичем.

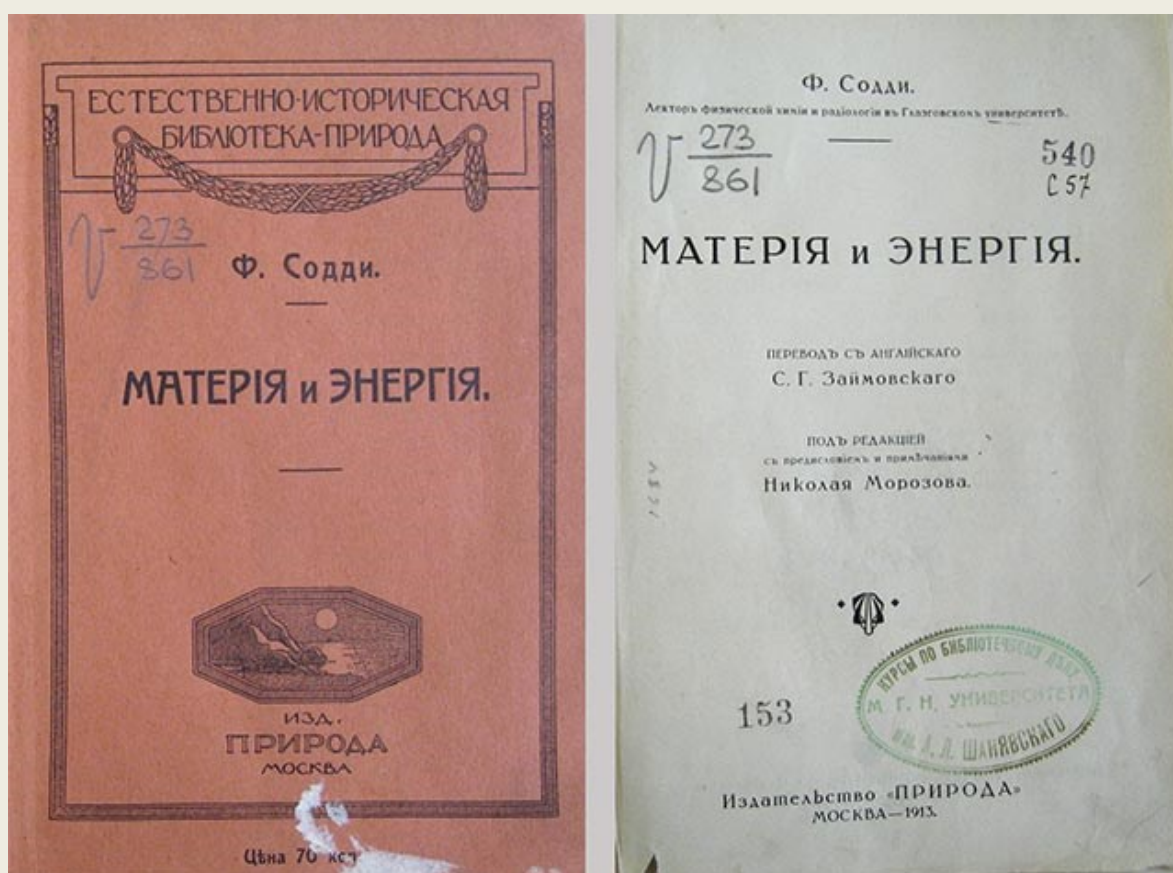
Но даже в этом переводе слова Фредерика Содди обрели в Усть-Цильме поистинне библейское звучание:

...с тех пор, как открыто это вещество, радий год за годом безостановочно излучает потоки энергии, не обнаруживая ни малейших признаков ослабления...

...этот запас энергии остаётся неуменьшенным и действует безостановочно...

...мы не в силах остановить или иначе направить этот поток...

(Содди, «Материя и Энергия», с. 151. М., «Природа», 1913.)

[Илл. 11-13-07-1. Фредерик Содди, «Материя и Энергия». М., «Природа», 1913. Это не усть-цилёмский экземпляр книги, но такой же.]

угля. И этотъ запасъ энергіи остается неуменьшеннымъ и дѣйствуетъ безостановочно. Мы не въ силахъ остановить или иначе направить этотъ потокъ. Свойство непрерывно развивать энергію столь же характерно для природы радія, какъ неизмѣняемость въ

[Илл. 11-13-08-1. Там же, с. 151. «Мы не в силах остановить или иначе направить этот поток».]

Картина мира, нарисованная Фредериком Содди, действительно впечатляла. Тем более, что история эта, начавшись некогда с загадочного «радия», активно развивалась. Только что, весной 1926, «волновая функция» (пока ещё, слава богу, обычная) попала в хитро расставленные капканы дискретности уравнения Шрёдингера, выросшего на Шопенгауэре, выросшего в свою очередь на кармической поэзии Упанишад (в переводе Анкетиль-Дюперрона). А декабрьская оказия почты в Усть-Цильму замкнула круг сансары, доставив на Станцию свежий (10-й) номер журнала «Новый Мир», где открытым текстом прокламировалось: «Поэзия – та же добыча радия» (с. 105). Мир флуктуировал – и с этим ничего не мог поделать даже помянутый выше «бог» («*der*», «*этом*»), с 4 декабря уже не игравший в кости даже с Маршаном.

Вот какие ощущения пережил Павел Васильевич зимой 1926, обнаружив на чердаке Печорской Станции небольшую книжицу с выцветшей розоватой обложкой.

А так жизнь шла своим чередом. «Баба Ната» рулила хореом и охотилась на рябчиков.

И первой же зимой на Станцию приехали самоеды (ненцы). А всем известно, что самоеды любят пить чай.

«Баба Ната» взяла фарфоровый чайник, ополоснула его кипятком, положила добрую горсть лучшей «кузнецовской» заварки, залила кипятком и дала как следует настояться.

Самоеды отхлебнули – и чуть не поперхнулись. И с возмущением выплеснули содержимое чашек в снег. Со словами: «Ты’ нанзи!»

Даже усть-цилёмский язык (не смешивать с русским, зырянским или ненецким) не так прост. Например, когда вам здесь говорят: «Не к рУке ли вам оттук?» – не сразу догадаешься, что вас всего-навсего спрашивают не нужен ли творог. А тут – ненецкое «ты нанзи», что в переводе на таджикский означает что-то вроде «пешоб хар» («ослиная моча»).

Знающие люди бабушке объяснили, что ненцы понимают «чай» исключительно как психоделический препарат, предназначенный для введения в «изменённое состояние сознания».

Бабушка всё поняла, взяла чугунок, набила его по самые края заваркой, влила туда немного воды и поставила томиться. Когда угощение было готово, она поднесла гостям по пиале тягучего чёрного вара.

«Другое дело, – сказали самоеды, – очень хорошо!». И в благодарность за угощение, предложили директору Станции купить у них оленье рога. Целый воз оленьих рогов.

«Зачем мне рога?» – удивился Павел Васильевич. «Бери-бери, хороший вещь, – настаивали самоеды, – пригодится».

Чтобы не обижать гостей, пришлось рога у них купить. Никто не знал что с ними делать и вообще зачем это. Так эти рога и пропали.

Но теперь я отчётливо вижу, зачем всё это было. Эти рога совершенно не пропали – ибо именно они и определили всю дальнейшую линию жизни моего деда.

Несколько лет спустя, уже совершенно в иную эпоху, Павел Васильевич оказался в Москве в достаточно подвешенной ситуации. И приятель подсказал ему, что в некоем ведомстве начали вроде подумывать на тему пантового оленеводства. «Попробуй сунуться туда, – посоветовал приятель. – Ты же работал с оленями.» – «Да нет, – возразил дед, вспомнив те злополучные рога. – И, потом, это же были северные олени, а это совсем другое!» – «Другое не другое, а сходи, – сказал приятель. – Они там оленя от кенгуру отличить не могут.»

Так Павел Васильевич начал заниматься пантовым оленеводством и скоро стал крупнейшим по нему специалистом, создав собственную научную школу. Его монографии и учебники долгое время будут чуть ли не единственными в этой области. Рога, как и было ему некогда сказано, действительно оказались «хорошей вещью» и более чем «пригодились».

Вся жизнь Павла Васильевича прошла в экспедициях – на Алтае и Дальнем Востоке. На том самом Дальнем Востоке, куда зимой 1902 года так рвался Русанов, и куда он в результате так никогда попасть и не смог.

Но Дальний Восток будет потом. А в 1925 году Павел Васильевич приступил к восстановлению Станции Журавского. На которой, год спустя, был зачат мой отец.

Былина

На самом деле Журавский не погиб. Он упал в землю – и следующей весной про- рос вольной Песней.

Летом 1942 года фольклорная экспедиция Карело-Финского университета под руководством Василия Базанова записала в деревне Карпушовка, что близ Усть-Цильмы, эпический «Плач по Журавскому».

Профессиональная «вопленица» Авдотья Носова лишь услышала от учёного-фольклориста имя Журавского – и сразу запела историю его жизни и гибели. И с такими подробностями, что не все из них и следствию-то были известны. С момента гибели героя прошло к тому времени почти 30 лет.

По жанру это формально был «Плач», а по сути – «Былина». В которой эпический герой рубит ливанские ели, создаёт цивилизацию, сотворяет новую сущность и гибнет от слепых хтонических сил противящейся природы.

«Плач по Журавскому» был записан в 1942 году и публиковался лишь единожды, в 1962, в узкоспециальном издании (В. Г. Базанов, «Русская народно-бытовая лирика», изд. АН СССР, Москва, Ленинград, 1962, с. 110-113). Я не удивлюсь, если окажется, что каким-то специалистам он остаётся неизвестен до сих пор.

Привожу здесь текст «Плача», сократив его примерно наполовину для повышения экспрессии. Отрывок в квадратных скобках в издании 1962 года отсутствует, но имеется в рукописи Базанова. В целом, суть деятельности Журавского схвачена сказительницей на удивление точно. Отражёнными оказались агротехнические, финансово-организационные и даже бухгалтерские компетенции героя.

ПЛАЧ ПО ЖУРАВСКОМУ

Уж ты удалый наш был добрый молодец,
Твоя мозгова была да буйна голова,
Гора ума да друга разума,
Уж чё у добрых людей было задумано,
У тебя было да то ли сделано,
Ты умён ли наш да как читать-писать,
Уж ты план вести да умом-разумом.<...>

Ты уехал во матушку да во быстру реку,
Во быстру реку да во Печорушу,
Ты поднялся с матушки с быстрой реки,
Уж на круту гору да на высокую,
Уж во темны леса да во дремучие, <...>

Уж вы повырубили да все темны леса,
Повыворочали да все кореньица,
Все кореньица да злы зельица,
Всё повыпахали да все сповыорали,
Матушку да сыру землю
Привёл ты в хорошу пахоту. <...>

Ты наставил теремов высокиих,
Расселил целу деревнюшу. <...>

[Ты зарабливал да золоту казну,
Ты получил много да золотой казны,
Ты не пропивал свою да золоту казну] <...>

Я ходила да, бедна, с тобой ездила,
По лугам, бедна, да по зелёным <...>

Во лёгких лодках да во еловых,
Во грабилушках да во ходячих,
Мы за матушку да за быстру реку. <...>

Мы пришли да на желты пески,
На крутой да на бережок,
Уведёна у нас да лёгка лодочка,
Перевезли нас да люди добрые, <...>

Подниматься стали на круту гору,
На круту гору да на высокую,
Он впереди пошёл да во вито гнездо,
Андрей-то наш Владимирович. <...>

Егов-от ли да друг-приятель,
Уехал который да в нашей лодочке, <...>

Брал ли он ружьё казённое
Во свои-то да белы руки.
Поднялись еговы руки белые, <...>

Из казённого ружья он повыстрелил
Удалого да добра молодца,
Андрея да он Владимирыча,
Расшибло его да буйну голову,
Повылетели да его мозги
Из еговой да буйной головы.

Он упал тут да на круто крыльцо,
Со своих-то да со резвых ли ног.
Его резвы ноги да были пещеcki,
Белы руки да игрушечки, <...>

Тут бросился удалый да добрый молодец (некто),
На добрых коней да на езжалых,
Во славну да большу Усть-Цильму <...>

Забрала его (Задачаина) да тут милиция
Под замки да под тюремные,
Его признали да лёгким умом,
Лёгким умом да глупым.
Тут судили его суды, большие органы,

Признали его да глупым.

Похоронила Андрея Владимыча,
Его названная да молода жена,
Свезла его да за пятнадцать вёрст,
За пятнадцать вёрст да за числёных
Во легкой лодке да во еловой,
Сложили его положили,
В матушку да сыру землю,
Где отведёна была да мать-сыра земля. <...>

Журавский погиб летом 1914. Тем же летом писатель, боявшийся повторить судьбу Лермонтова, выпустил, наконец, первую книгу прозы. С рассказами «Мать», «Земля», «Мёртвые».

«Кореньица»

В фольклорной экспедиции Карело-Финского университета (привет от Вихманна), обнаружившей и записавшей в 1942 году «Плач по Журавскому», принимала участие моя двоюродная тётя, племянница моей бабушки, Женя Перевалова, «тётя Женя».

Сейчас я попробую рассказать одну тонкую историю, связанную с той экспедицией и тётей Женей, но не знаю получится ли.

У моей бабушки Наташи была старшая сестра Варя. Та самая Варя, о чьём страстном романе с молодым человеком из Красноборска, Виктором, я уже писал. Но Виктор вскоре был призван на Первую Мировую и там погиб. И сердце Вари с этого момента замкнулось навсегда.

Тем не менее, пять лет спустя она так или иначе вышла замуж, причём свадьба состоялась в один день со свадьбой моей бабушки, и в том же ЗАГСе (9 июля 1920, Усть-Сысольск).

Через год у Вари родилась дочь – это и была моя «тётя Женя». Вот она на снимке со своим двоюродным братом Валериком (моим отцом).

[Илл. 11-15-01-1. Женя Перевалова и Валерий Митюшев, Сыктывкар, 1929-30.]

В 1942 году Женя, 21, уже студентка 3-го курса Карело-Финского университета, отправляется с Базановым в фольклорную экспедицию на Печору, в Усть-Цильму. Сам «Плач по Журавскому» записывала не она, поскольку работала в другой деревне, Верхнем Бугаеве.

И здесь, на пару с ещё одной студенткой, она записала, в числе прочего, две знаменательные былины, получившие при публикации условные обозначения «Про Маринку» и «Про Чурилку» («Былины Печоры и Зимнего Берега», Изд. АН СССР, Москва – Ленинград, 1961, с. 89, с. 95, комм. с. 530).

Обращают на себя внимание два отчётливых пересечения с легендарным фольклористом Николаем Ончуковым (эпизод «Пробный элемент»).

Былина «Про Маринку» была получена Женей не только в той же деревне, где за 40 лет до того Ончуков записал «Чурило и неверная жена» (а именно – в Верхнем Бугаеве), но Женя записала свою былинку в исполнении жены того «стАринщика» (Василия Шишолова), который 40 лет назад пел «Чурилу...» для Ончукова. Помните, в 1902 году Ончуков сообщал про него:

Лет 40-45, веселый, разухабистый мужик, постоянно почти навеселе. С женой он не живет, а имеет «подругу».

Так вот, Авдотья Андреевна Шишолова у Жени – это и была та самая «жена, с которой Шишолов не жил». В 1942 году ей было 79 лет – соответственно при Ончукове – 39.

Характерно, что в обеих этих былинах («Про Маринку» у Жени, и в «Чурило...» у Ончукова) всё кончается тем, что героиню жестоко казнят, причём в одном случае это происходит по вине «Чурилы», а в другом – он сам это и делает.

Если коротко передать суть былины «Про Маринку», то герой («Чурило») сначала лишает «Маринку» её жениха, потом влюбляет её в себя, но решительно отказывается жениться. А когда притязания «Маринки» переходят некоторые границы, он притворно соглашается взять её замуж, а потом, чтобы избавиться, убивает.

Чурилка пошел стрелятьца вдоль по городу,
Увидел сидят два голуба,
Натягивал он да тугой лук <...>

Маринушка взяла стрелочку калёную,
По Чурилку ходит-просит:
«Уж отдам я тебе стрелочку калёную, возьми меня замуж <...>

Он посулился замуж взять и т.п. <...>

(«Про Маринку»)

Другая же былина, записанная Женей – «Про Чурилку» – представляла собой искажённый и сильно урезанный вариант былины «Василий Буслаев в Иерусалим ездил» того же Ончукова. При том, что имя «Василий Буслаев» сказительницей было забыто и она заменила его «Чурилой». Также отсутствовало и упоминание Иерусалима.

Пошёл он за сине море,
Да он поехал за сине море <...>

Среди пути-дорожечки лежит сер горяч камень,

По праву сторону лежит глава человеческа.
Из речей Чурилка выговариват <...>

А кончается:

Ударился о камешек своей буйной главой,
А тут Чурилке смерть и случилась.

(«Про Чурилку»)

В версии, записанной Женей (1942), ритуал погребения героя оказался полностью опущен, но у Ончукова (1902) он был освещён подробно. Вот лишь некоторые детали:

Нашли кость-голову человеческу,
Завертели во камочку белу-хрущату,
Положили их да во белой гроб, <...>
На кресте подписали подпись книжную:
«Лежат два удала добра молодца,
Два сильны могучи руськи богатыря, <...>
Их убила Сарочина долгополая
Да-та-же-ли Чудь да двоеглазая.»

(Николай Ончуков, «Василий Буслаев в Иерусалим ездил», «Печорские былины», с. 357, СПб, 1904)

В 1942 году, когда Женя записывала классическую «ончуковскую» былину про Иерусалим, сам Николай Ончуков был захоронен на втором участке торфоразработок Торжин, умерщвлённый в советском концлагере ИТК №1 НКВД (Ахуны, под Пензой).

Осенью 1942 экспедиция Карело-Финского университета вернулась с Печоры в Сыктывкар.

У Жени как раз в это время был жених, но с ним что-то не заладилось. Посчитала ли она его своим «Чурилой» или нет, но определённая коннотация с фольклорным персонажем в любом случае имела место.

Четыре года спустя Женя вышла замуж за молодого и яркого учёного-историка и у них родилась дочь Татьяна. Ещё через какое-то время они переехали в Одессу, где Женя (уже Евгения Ильинична) стала одним из ведущих преподавателей филологического факультета Новороссийского университета.

Татьяна выросла. И стала интересной, весёлой и яркой «профессорской дочкой» с блестящим будущим. Проблем с женихами не было. Точнее, была одна проблема – как из вьющейся вокруг неё тучи женихов, где один лучше другого, выбрать самого наилучшего – и не ошибиться. По крайней мере так эту проблему видели её родители и бабушка-Варя («баба Вава»), которая к тому времени переехала жить к дочери в Одессу.

И вот тут появился очередной жених. И Татьяна поняла – «это он».

Экстренно был созван семейный совет. И мнения на нём разделились. Бабушка (всю жизнь помнившая своего «Виктора») сказала: «Бери и не думай!». Мать (из былин с «Чурилой» и собственного опыта извлекавшая на всю жизнь урок) сказала: «Только через мой труп!»

А звали жениха Виктор Чурилов.

В результате бабушкина партия победила и Татьяна вышла за Виктора.

Я не беру на себя смелость хоть как-то оценивать этот брак. Рассказал я данную историю единственно для того, чтобы на примере продемонстрировать длину, разветвлённость и мнимую эфемерность причинно-следственных цепочек, лежащих в основе актов свершающейся судьбы. Это и есть «корни событий», уходящие в глубину зачастую на много поколений.

Когда я был подростком, Виктор как-то учил меня играть в волейбол (он был профессиональным спортсменом-волейболистом), но я оказался настолько безнадёжен, что даже у него ничего тогда не вышло. Мяч у меня при подаче неизменно летел (и до сих пор летит) в абсолютно непредсказуемом направлении с непредсказуемой скоростью. Не знаю как другие это вообще делают.

В прошлом году Виктора не стало, я был на его похоронах. Тогда я и узнал, что на каком-то этапе у Виктора в жизни появилась Книга. Об этом мне рассказала сама Татьяна. И это было не то, что можно подумать.

Этой Книгой стал большой роман-странствие того самого писателя, что боялся разделить судьбу Лермонтова, а вместо этого поделил собственную. Этот роман Виктор читал и перечитывал непрерывно. Возможно, чувствуя во всём этом какой-то ответ судьбы Журавского. Или Русанова. Или Вихманна.

Петля времени

И последний привет от Журавского. Помните, как 2 августа 1905 года его «кочмару», которую семь дней и семь ночей буря носила по Ледовитому океану между материком и Новой Землёй, выбросило, наконец на неведомый берег?

В отчёте Журавского это место значится, как «устье реки Торибэй-яга» («Ежегодник зоологического музея АН», т. 11, 1906, с. XXXI).

На ненецком «Торивэй-яха» означает «Мелкая река». Но больше эта река известна под названием «Песчанка».

А это значит – что это было то самое место, куда за 253 года до Журавского, в 1652 году, буря выбросила кочмары экспедиции Романа Неплюева. Направлявшегося на Новую Землю, но так и не достигшего её никогда. В устье Песчанки Неплюев остался на зимовку, в ходе которой вся экспедиция растворилась в небытии.

Зато окрестные берега густо поросли с тех пор яркой топонимической порослью: река «Роман-яха», озеро «Роман-то», и виртуальные, но смертельно опасные, «Романовы кошки».

А ровно в том году, когда Роман Неплюев готовился в свою экспедицию на Новую Землю, на глухом зырянском хуторе Митюшсикт (он же – Тебеньково), что находился на краю Визинги и в прямой видимости хутора Рай (он же – Райская Гора), появился на свет мальчик – Иван Елфимович Митюшёв (1650), о чём свидетельствует запись в Ревизской сказке за 1722 год по Яренскому уезду Визингской волости (РГАДА, ф. 350, Ревизская сказка 1722, оп. 2, часть 2, док. 3334, л. 163).

[Илл. 11-16-01-1. Хутор «Митюшсикт». Современный (1986) рисунок местного художника из коллекции Визингского музея]

Название «Митюшсикт» в переводе с зырянского означает «Митюшёв хутор». Однако в сысольском диалекте слово «сикт» имеет и другое значение – «маленький остров, островок» (напр., место в лесу, богатое грибами или ягодами, «Коми-русский словарь» под ред. Безносовой, 2000, Сыктывкар, с. 587; Вихманн, 1942, с. 249).

Так, в одной точке пространства на мгновение показались вместе: «Митюшёв остров», «Гора» и «Рай» (Митюшсикт и Райская Гора). И вновь погрузились в туман Истории.

№	Вид Единиц	№	Сорти	№	№	Вид Единиц	№	Сорти	№
1	Андрей Митюховъ	1	Андрей Митюховъ	1	Андрей Митюховъ	1	Андрей Митюховъ	1	Андрей Митюховъ
2	Иванъ Елфимовъ	2	Иванъ Елфимовъ	2	Иванъ Елфимовъ	2	Иванъ Елфимовъ	2	Иванъ Елфимовъ
3	Митюховъ	3	Митюховъ	3	Митюховъ	3	Митюховъ	3	Митюховъ
4	Елфимовъ	4	Елфимовъ	4	Елфимовъ	4	Елфимовъ	4	Елфимовъ
5	Митюховъ	5	Митюховъ	5	Митюховъ	5	Митюховъ	5	Митюховъ
6	Елфимовъ	6	Елфимовъ	6	Елфимовъ	6	Елфимовъ	6	Елфимовъ
7	Митюховъ	7	Митюховъ	7	Митюховъ	7	Митюховъ	7	Митюховъ
8	Елфимовъ	8	Елфимовъ	8	Елфимовъ	8	Елфимовъ	8	Елфимовъ
9	Митюховъ	9	Митюховъ	9	Митюховъ	9	Митюховъ	9	Митюховъ
10	Елфимовъ	10	Елфимовъ	10	Елфимовъ	10	Елфимовъ	10	Елфимовъ
11	Митюховъ	11	Митюховъ	11	Митюховъ	11	Митюховъ	11	Митюховъ
12	Елфимовъ	12	Елфимовъ	12	Елфимовъ	12	Елфимовъ	12	Елфимовъ
13	Митюховъ	13	Митюховъ	13	Митюховъ	13	Митюховъ	13	Митюховъ
14	Елфимовъ	14	Елфимовъ	14	Елфимовъ	14	Елфимовъ	14	Елфимовъ
15	Митюховъ	15	Митюховъ	15	Митюховъ	15	Митюховъ	15	Митюховъ
16	Елфимовъ	16	Елфимовъ	16	Елфимовъ	16	Елфимовъ	16	Елфимовъ
17	Митюховъ	17	Митюховъ	17	Митюховъ	17	Митюховъ	17	Митюховъ
18	Елфимовъ	18	Елфимовъ	18	Елфимовъ	18	Елфимовъ	18	Елфимовъ
19	Митюховъ	19	Митюховъ	19	Митюховъ	19	Митюховъ	19	Митюховъ
20	Елфимовъ	20	Елфимовъ	20	Елфимовъ	20	Елфимовъ	20	Елфимовъ

[Илл. 11-16-02-1. Ревизская сказка за 1722 год по Яренскому уезду Визингской волости, деревня Тебеньково, по данным 1720. РГАДА, ф. 350, оп. 2, часть 2, док. 3334, л. 163.]

Андрей
Елфимовъ сынъ Елфимовъ
Митюховъ — 70

[Илл. 11-16-02-2. Там же. Фрагмент. «Иванъ Елфимовъ сынъ Митюховъ».]

И остаётся один последний вопрос. Что, в рамках данной истории, могла бы символизировать «Зырянская троица», мелькнувшая перед взором Юрьё Вихманна в октябре 1901 и положившая тем начальный отсчёт всем описанным здесь событиям?

Если принять, что в наших координатах «три ангела» – это Вихманн, Журавский и Русанов, то тогда, в данном раскладе, «Авраам» – это Павел Васильевич Митюшев. А «Сарра», выходит – «баба Ната»?

Получается так.

[Илл. 11-16-03-1. «Зырянская троица», XIV в.]

[Илл. 11-16-03-2. Там же. Фрагмент. Сара (пока ещё).]